

Смена

ИЗДАНИЕ "КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ"

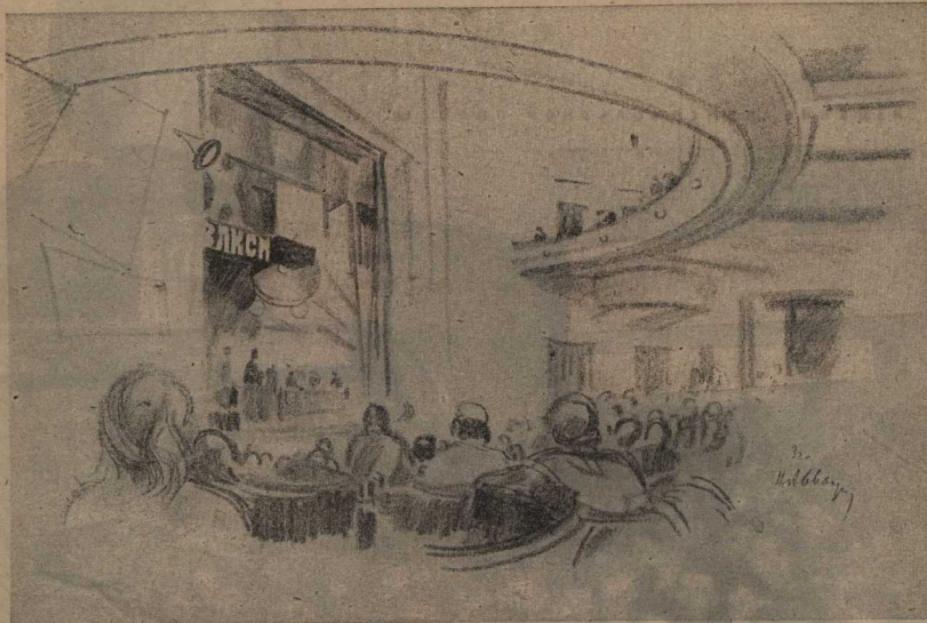
№ 11-

июнь

1939

КОНФЕРЕНЦИИ КОМСОМОЛА КРАСНОЙ СТОЛИЦЫ

Зарисовка художника Н. Абашурова

Сокольническая районная конференция комсомола состоялась в клубе „КОР“ с 4 по 7 июня

Делегаты на сокольнической районной конференции комсомола

Слева — С. Селеминин — комсомолец, ударник, машинист паровоза сер. З-128 им. КИМ Казанской ж.-д. Справа — Н. Бочарова — лучший груповик завода „Красный богатырь“

ПЛАМЕННЫЙ ПРИВЕТ VII ВСЕСОЮЗНОЙ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

С М Е Н А

Литературно - художественный,
общественно - политический
и бытовой журнал рабочей молодежи

Орган ЦК и МК ВЛКСМ

Издание «Моском. правда»

№ 11-12

1 9 3 2

Адрес: Москва, центр, Малый Черкасский пер., д. 3/4
Тел. 45-60

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Беседа тов. Ставина с немецким писателем Эмилем Людвигом. 12

Репортаж и очерки

Е. КОНОНЕНКО — Обыкновенная история	5
Илья МЕЕРОВИЧ — Один день бригады! 15	
Н. ОГНЕВ — Когда ушел вонзатый . . . 18	
Б. КЛАВИ — Оннб дут счастливым 23	
Е. СИ «ОНД» — Леготаг: товки 24	
А. ЛИШИЦ — Ш-ра Богданова 27	
А. КРАСОВ — Ударный цех культуры . . . 32	
Ю. НУКОВ — Да, каденный вин 35	
Л. ГИНЗБУГ и В. МЕЕРОВИЧ — От голову ек — к социалистич скому труду 36	

Стихи

Д. АЛТАУЗЕН — Из поэмы «Комсомол»	11
П. ЖЕЛЕЗНОВ — Карьера карася	22
Я. УКСАЙ — Присяга	27
Е. ДОЛМАТОВСКИЙ — Конец двора. 33	

Литературный монтаж

М. АФОНИН и С. ФИНГЕР — Молодой рабочий двух эпох	28
Вспоминания старых большевиков	

М. ПЛОХОСЦНИКИ

Из записок старого рабочего 40

Конты второй пятилетки

А. АБРАМЕНКОВ — Узел трех проблем	41
---	----

Смотр молодежной литературы

Как вы отобразите воспитание нового человека в нашей стране (Ответы писателей на анкету «Смены»)	44
--	----

Эдисоновская сокольническая районная конференция комсомола	2
Комсомол на фронте стройки	4
Фотомонтаж	16
Бытовая консультация	43
Книгу — в деревню	46
Цех занимательной техники	47
Комсомолия встречает юных студентов	48

На обложке: VI съезд партии на заводе «Серп и молот»	
Рисунки: В. Брискина, Гениг, В. Коновалова	

Фото: Б. Иванович, — В. Иванчик, О. Игнатович, Бать и Союзфото.

Конференции комсомола красной столицы

Пролетарский район

Фото В. Иванчик го

На трибуне —
секретарь райкома тов. Бычков

Конференцию приветствует делегат Н-ской кавдинции

Позади них — пленарное заседание ЦК ВЛКСМ

КОМСОМОЛ НА ФРОНТЕ СТРОЙКИ

◆ .. Несколько лет назад, когда комсомол уделял достаточно внимания работе крестьянской стороны, эта форма массовой оперативной работы получила большое распространение на предприятиях и главным образом в учреждениях. Тогда «еканалеристы» с пиками на переноске неслись на борократии, волокитничеству, кооператорам-самоцентристам. Всё это было защищено яростной работой комсомола «легкой кавалерии» утешая боязливую гибкость, отважедела, а где-то и обжорократиялась, превратилась в стами в аппаратный сектор.

Московский городской совет «легких кавалерий» созвал на свою годовщину первое заседание по фронту рабочего снабжения, развитию советской торговли, улучшению бытовых условий рабочего класса.

Москва выступила застrelящей

Заглавите и сюда! Просыпайтеесь творца потребителям! Участники первого похода комсомола на фронт рабочего снабжения. На ряде предприятий вновь организованы отряды «легкой кавалерии», готовые ринуться в трапезу окопавшегося врага.

◆ Овладел ли ты искусством меткой стрельбы, как Гриша Хаик? Отлично! Ты — один из лучших из 50 в олимпийских. Кто же этот гранат — один из лучших стрелков Ленинграда, участников общегородского состязания комсомольцев классических стрелков. Граната — зуимильщик фабрики «Люкс» бригадир молодежной художественной бригады, спонсируемой комсомольского коллектива премию: юнгтуку с памятной доской «Хак хоршему общественнику, производственному и бас-стяжему стрелку».

Гриша Хаик, ответственный секретарь фабрики «Люкс» предприятия, сумел коренно вовлечь ребят в военную учебу. Даже девчата и тот каждый день ходят на стрельбище. Есть такие, которые уже выбывают из 50 очков. 73 комсомольцы фабрики «Люкс» готовы стать такими же меткими стрелками, какими стал в результате 5 месяцев учебы на пункте Гриши Хаика.

.. «Революционный держите шаг, Неугомонный не дремлет враг» (А. Блок).

Что враг, из рубежом «не дремлет», что враг «не дремлет» — это факт. Задача — изобрести оружие. Здесь изображена полуоткрытая конструкция нового типа танка, который будет снажен монтийским мотором, крыльями и пропеллером. Танк этого будет разви- вать скорость в 70 км. в час.

◆ .. Мы у порога второй пятилетки. Над планом грядущего пятилетия работает вся страна. А бригада? А бригадный техпромфинплан 1932—37 гг. «Есть!» — отвечают комсомольские бригады Алексеевской Ленинградской завода Сева и бывшего Харбинского цеха технического процесса бригада является единственной в СССР. Работа на володильных стаках, эта молодежная бригада выпускает «тончайшую проволоку размером до 0,03 миллиметра для нужд радиотелеграфии и радиотелефонии».

Также, бригада на основе изобретений контрольных цифр и изучения технологии рабочего процесса обязуется составить бригадный техпромфинплан второй пятилетки. Узловая техническая проблема — выявление бригадой, — свидетельствует к нулю отрицательных влияний

индивидуальных факторов на производительность труда.

На снимке изображена комсомолка Радионова — первая женщина-механик по ремонту пищущих машинок. Работает она в борьбе точной механики (Ленинград).

◆ На заводе им. Рыкова в Донбассе закончена и пущена в эксплуатацию первая советская различивочная мастерская. Помощь машины заключена в 10 дней вместо 50, полученная графиков. На этом фото снят т. Семиников, секретарь комсомольской ячейки механического цеха, лучший организатор комсомола и рабочих заводской газеты «За метал». На борьбу за досрочное окончание различивочной машины.

◆ Знаете ли вы о том, что можно вызвать искусственный дождь? Солженицын ли вы что-нибудь об опытах по искусственному дождеванию? Не только за границей, но и у нас в СССР идет научное освещение этой важной проблемы. До вполне ждать дождя по волне неба!

Будем сами делать дождь, будем сами насыщать воздух электричеством! Первый в мире опытная установка по вызыванию искусственного дождя пущена в ход в Лаборатории К монстру установки приступы и комсомольцы — студенты Лесотехнической академии. Студенты рассыпались по предприятиям, лазали по дворам, искали необходимые детали. Комиссия Выборгского института физико-математики и обнаделись оказать практическую помощь в подготовке к пуску промышленной установки. Срок пуска — 16-летие комсомольской организации.

.. Идет борьба за овладение силами природы. В эту борьбу включены ток комсомольской энергии.

◆ Июньская сессия Академии наук проходила в Свердловске. Перед самым выездом из Ленинграда президент Академии Карпинский получил письмо уральских комсомольцев с просьбой осветить задачи сессии и ее значение. Академик Карпинский вскоре им отвечал.

Вот что он писал:

«... Заседания Академии в Свердловске установят непосредственное общение между нашим высшим ученым учреждением и уральской молодежью, которая получит таким образом ясное представление о роли Академии в строительстве национального Союза и сумеет оценить ее.

.. Я искренне приветствую почин уральских комсомольцев — использовать свои летние прогулки и экскурсии для целей передвижной Наблюдение природы всегда может принести лишь пользу, наблюдение

же сознательное, с известной подготовкой, приведет к реальным результатам без излишней затраты времени и сил».

О том, как уральские комсомольцы организовали встречный счет Академии и какое они приняли участие в сессии Академии на Урале, мы расскажем в следующих номерах «Смены».

На снимке — общий вид Миньчурского завода на Урале.

◆ Обстановка заседания была скромна. У председателя не было под рукой звонка. Но это не смущало ораторов. Они горячо и убедительно говорили о кратком звонке, которому суждено занять почетное место в истории борьбы за борьбу с капитализмом в борьбе с комсомолом. Штаб наметил основные точки плана своей помощи самодержавному кролиководству. С большим интересом выслушал штаб сообщение о работе кроличьего совхоза, организованного силами общества земельных СВДЗ. Собравшие сделали загрузку советского кролиководства — директор совхоза комсомолец Юрий Лозовский.

Сделаем так, чтобы у нас был курок на кроликов. Кролику, краткому и тихому звонку, комсомольское содействие, комсомольская помощь. Помните, кролик не потерпит бюрократического к себе отношения и длинными резолюциями питаться не станет.

.. Снимок не требует комментариев.

но — я в Москве, ты в Ольховке, Колыка в Саратове. Ну, ладно. Доровько. Напишу о заводских делах.

Катя засунула трубу, задумчиво посмотрела в окно. Легкий ветерок позавивал в раму. По небу метался зеленые звезды.

На подоконник ввалилась погремушка — какой разинковый гном...

II

Сутки бегут, как вода в реке. Уносят усталость и неудачи. Приносят победы и радости и новые затруднения. Ката с утра до вечера на заводе. Задесь некогда работала о другом. Да и нет потребности. Она живет заводским многообразием, в котором человеческие жизни сплавляются в одну огромную жизнь с огромным мозгом и сердцем.

Когда завод перешел на изготовление новой продукции, образцы которой по своим достоинствам поставили ее на уровень зарубежной техники, всем крашомольской ячейке охватила бурная, почти мальтийская радость.

Ката вспомнила послужной список своего труженика. Он опущает в себе такой сильный прилив энергии, что захватывает дыхание. У нее крепнут мысли, мозг работает четко и остро. И даже глаза словно стали свечею и зарое.

Только вечерами, перед сном, когда остается одна в своем, набегают мысли о сыне. Тогда хочется писать, получившее три недели назад, и жаждо глядеть страницы, потому говорят с ними.

«...Коля и скучает и зовет тетку маму. Принеси ему чулочки...»

Зовет тетку мамой. Острое чувство обиды и ревности обижает сердце, особенно хочется видеть сына Селифана. Сию минуту. Опустить голову. Немедленного тишины, побабы, по-матерински приласкать «туру».

Она прячетется от желания, стыдит себя, ругает, скрывает с собой. Разве хорошо было, когда десять месяцев подряд уносилась Колыка в почные ящи, а сама все десять месяцев работала только над головой сына? А сейчас, бывало, с ними. Разве хорошо смыть в этом маленькой колыкатке, где и поворотиться трудно? А комсомольская работа! Ведь Колька вероятнее всего временно, энергию, чувства. Нет, она прекрасно сделала, что решилась отправить его в Саратов. Отлично! Молодец! Да, да, молодец. Дети — большие эгоисты. Они думают, что все падают на их плечи. Для них, как матери их работы. У комсомольца должна быть такое новое отношение к ребенку!.. И потом ведь для него же, для них же строятся прекрасная жизнь, в больше за которую нельзя щадить силы, преступно думать о личном.

А то вдруг нахлынет, как горячий ливень, тоска по Ольге. Что он сейчас делает? Спит? Читает? Может быть, затянулся собиранием? Как думает? Не видела... Ну ладно, спать, сейчас же спать...

И долго не может уснуть, рассыпаясь ржавые волосы по подушке, свернувшись калачиком на широкой холловой постели.

III

Катя премиравали в третий раз. В клубе посетителей состоялся торжественный прием пятилетки. Среди них — поэтесса Ката. Смельчаки. Энергичные губы. Оханки волос. Смотрела на претор и смеялась.

В клубе был вечер ударников. Секретарь, партчеки выступали, призывая: «Работайте, как Петрова, Ванишкин, Осинченко!»

Петрова, это — Ката.

Мини Андронников сказал:

— Ката, выдвигаем твою кандидатуру в обезглавленное бюро. С цехом снимем. Дадим производственный сектор...

Оська написала письмо:

«...Кто-то! То, о чем тебе писала, произошло. Сазонова, Кулакина и всем шайку подкушников выставили. Вот склони! Работы до преторов!»

Привезли письмо из Саратова.

«...У Колыка пропал еще зубок...»

Суета бежала, как вода в реке. Уносила усталость и неудачи. Завод перевыполнял программу.

И вдруг снова прорвалась, как плотина, тоска. Ката засыпалась, засыпалась экзкурсией в сороковых сан. День боялся, нечетко видел. Рыжие флаги упали на полуподвалы пустотные клопы. Обезьяны гонялись друг за другом, когти веселые рожи. Головы плевались, верблюды. На спине у слона сидел воробей.

А в клетке разваливалась томика мелодрамы, и тут со звоном потонула. Она сгребла их в огромные нюхательные ящи, сухие кусаки, щелкала и искало лизала изяществом, от которого шла пар. Медведица восторженно урчала, замыкая на ее темзолом золотистым брюхом.

Ката смотрела на медведицу. Неожиданно где-то глубоко сцевельнулось чувство, которое смутно и испугало. Она помыслила себе на том, что завидует зверю. Она отошла от клетки, прислонившись к стене.

«Этого сея невозможно!» — думала она сердито.

И тут же вспомнила, что в сущности она и сама из товарищей еще не говорила о том, что ее часто гнетет. Они ничего не знают. Они ничего не спрашивают. Они думают, что все это легко. Они также говорят ничего о себе. Потому? Может быть, из мысли, что если они скажут, то зверь захочет съесть виски, гарячий винегрет, жареную борбаги, работой. Вот интересно, как это все будет при коммунизме? Какая будет семья? Какие отношения? Где будет дет市? Все-таки этот материнский инстинкт разрушителен! Потому никто мы не говорим об этом...

И опять бежали сутки. Ката сидела в цехе. Оно — производственный, рабочий обиженный скопом. Сидела, сидела, сидела, сидела...

Мысли, как вода в колодце, вились, вились...

Звезды не уходили темными. График пола

ния. Не сумели сразу овладеть техникой новых видов производства. Нужно было очень много делать!

IV

Утром решали вопрос: кому из бирюз посыпать в область на лакуру по обмену билетов. В подшифровом районе перемедурили — огромный отсев. От рабочего нацизма: немедленно выхлопать, и чтобы человек был толковый.

Постановили: посыпать Петрову.

А к вечеру пришла телеграмма:

«Коли заболел скрипачатиной тчк Отвасли болнищем».

Задыхалась в руках железнодорожный билет.

Медведица устала. Как же быть?

Ты мобилизована, Ката! — сказал Андронников, не смотря ей в лицо. — Ничего не будет. Тем более, он в больнице. Чем ты можешь помочь? Тебя даже не пустят туда.

— Миша! — ей казалось, что у нее замерзают сердце.

— Погоди ехать. Ты пойми, все равно он в больнице. И потом... Пойдем мы другого — какая разница? Тебе придется здесь оставаться... Надо ехать.

Вокзал был бирюзом и сер. Люди бежали, прикидывая к сердцу чумоданы и чайники. Никому не было дела куда идти друга.

«...Синя вспыхнула ровно через лекаря. Примо-посеяла — на заводе. Синя оснулась и стало маленько, как у девочки. Глаза горючо-вые...

— Катя! — закричали все обрадованно.

— Мне... письмо есть?

Рита рыдала в ящиках стола, размыкавшая конверт. Минута — час. Потом глаза посветлеялись.

— Температура у Колыка понизилась.

— Температура понизилась! — воскликнула, радостно убеждаясь и прибавляя: — А я, ребята, уехала...

— Ката, а на заводе плохо, прорыг... — сказала Андронников.

— Да что ты? — липо погасло.

— Да. Вместо энч-2 — тридцать — сорок с грехом пополам. В слесарю-сборочному — 2 процента! В инструментальном — пять! Гроб-с музейной!

Голос у Миши напряженный.

— Брак?

— Брак.

— Ну?

Смотрела пыльно. Усталость точно водой смывала.

— Третий для болотинки комсомольскую бригаду для соревнования. Согреть всемих всех, двадцать плюхих летали. Конкретно.

— А пехомистка?

— Что цеховые мастер! — Миша машина сердито рукой. — Вчера пылью было. Как хорошо, Ката, что ты приехала! Утром чирчики доска бревелками висели.

Ката лицо уже не похоже на девочкимини. Брови сдвинуты мыслию.

— Тут черноватые доски не отделяешься... — Ката, постукав костяшками пальцев по чернильной бумаге.

— Сегодня секретарят собирают. Ну, а в Свищевке как?

— Ничего. Поработали. Голоушки горячие. Расскажу потом...

— Там, небось, уже все дороги развел? — спросила Рита. — У нас вчера совсем весенний день был. Я ее шаги слыша.

Ката, умытая, в чистом белом и платье, сел на кровать. Случай виски. Всю ночь она спала, первые часы — в теплой чайной травяной чашечке, прорыг из завода. Все это слизало с лица длинный день. Странно казалось, что все еще светло за окном.

Скоро надо ити на собрание. Чехосекретарей Прорыг должен быть сметей. Конечно, тут скажут введение новых видов производства, нехватка сырья... Но только ли это? Ничего иного...

V

Кудрявая почтальонша стремительно раскрыла сумку и, rumину ульбясь, вытищила телеграмму. Почтальонша вчера расписалась в зале с легионом, которого здорово любила. Потому что сегодня ей было отчаянно весело. Она бегала в зале, вспоминая мордах ананаторов, привыкавших в квартире, как молодая гроза, и с однаждыкой веселостью выбрасывала вести о рождении и смерти.

«Немедленно приезжай тчк Коле плохое».

У Кати рука упала, точно сломанная ветка. Она заметалась по комнате. Катя — налево. Над городом распахивало утро. Воробы орали, как сумасшедшие. Мини Андронникова еще нет? Все равно...

Но комната этичеки была открыта. Взломанный Андронников лежал в бумагах. На столе валялась куча окоруков.

Катя — вспомнила он изумленно. — Что так рано? Вот Здорово! А я, конечно, все ночь сидел!

Андронников был бледен и вял. Зрачки возбужденно блескали, а под веками — синие тени.

— Ката, я разработал план штурмового ряда. Летучки в цехах. Ношу контроль! Собранные на заводе. Технический суд энч-2... Развязалась скорей. Созывом бюро.

Ката молча притянула телеграмму. Андронников почесал голову.

— Н-да, — притянул он, не скрывая досады.

Ката ждала. У нее дрожали губы.

— Вот чорт! — сказал Андронников смущенно.

— Я поеду, Миша...

Он молчал. Пришла Рита. Пробежала глазами телеграмму.

— Вот чорт! — сказала она. — Катя должна ехать...

Тогда Андронников вскочил и забегал по комнате.

— Ехать! Ты лоумашь, что говоришь, Рита? Ехать, когда сейчас каждый час дорог. Ката нужна! Мы можем угробить все дело. Это не шутки. Тут надо искать корыту посыпать, а поставить на ноги весь завод. Это невозможно...

— Он может помереть... — тускло уронил Ката. Лицо у нее было почти тулое. — Я тоже не каменюка.

Андронников молчал. На его лице от волнения и беспомощной ночи вспыхнули пятна.

— Что же делать?... — все так же тускло шептала Ката.

— Решай сама. Ты не можешь ехать... — горячо заговорил Андронников, — ряда надо начать созывать...

— Ты понимаешь, какое положение на заводе?

— Миша, ты помнишь...

— Я понимаю... Пойми ты меня... Это — невозможно...

— Какой я сейчас работник... — У Кати подергивались губы.

— Ты не имеешь права так говорить! — всхлипнула Андронников.

Ката выбежала из комнаты. Глаза у нее были бледные.

Андронников мрачно ходил из угла в угол.

— Так тоже нельзя рассуждать, — нерешительно сказала Рита.

Через полчаса Ката вернулась:

— Послала телеграмму мужу... — сказала она сухо.

Андронников быстро подошел к ней.

— Я знала, Ката, что ты не поедешь. Ты же понимаешь... Ты извини... и погорячишься. Муж подет к ребенку?

— Какое тебе дело? Созывай бюро. Давай план.

На заводе начались штурмовые ночи. В цехах дежурили комсомольские контрольные тройки. В первые проводили летучие митинги.

— Почему брак, товариши, жрет у нас тысячи рублей? — жестко, почти грубо вступила Катя. — Потому, что мы обезличены! Вот что... Кто из нас не платит налоги, спрашивается?..

Она была бледна.

— Стрелочки! А кто же еще? — кричала, наступая и хорохорясь, Стаканов. — Давай снаружи хорошего!..

— Брось, заливай, Стаканов! Сыре виновато! Во всем у тебя сырье виновато, — спокойно возразила Катя. — Кто виноват, отвечает на вопросы? Товарищ пробивал! Где тут его проблемы? Молчит? Не в том месте и толще! 115 колпаков в помойную яму!..

Кругом одобрительно гудели.

— Конкретная девка, — довольно шептал со-седу мастер цеха старик Прокофьев.

— А Иван Прокофьев уважаемый? Где он был. Мастер цеха! — чеканила Катя. — С тех пор как контролировался, на глазок мерила!

Иван Прокофьев покрасил очки, сплюзувши с носа.

Но даже эти были мундштаки. Катя издала, что из маленьких птичек слетают по колпакам прополке. Боль, страх, потому она испытывала, думая о Колпаке, были почти физические.

Вдруг умрет? Вдруг умрет? Она закрыла глаза и отчетливо видела маленькие стеклянные зрачки. У нее останавливалась дыхания. Она бежала к выходной двери и прислушивалась — идет ли почтальон.

VI

Почтальон пришел. Все та же кудрявая девочка. Только сегодня она была худая.

Весть, которую она небрежно выплынула из своей кожаной сумки, была пронзительной радостной:

«Колька выздоравливает».

Колька выздоравливает! Колька выздоравливает! Колька выздоравливает! Она плясала и смеялась. Похоронила. В ее темной комнатке так стало светло и шумно, словно вкатился сюда огромное солнце.

Катя бежала по улицам, ульбаясь прохожим. В трамвае ей наступила на ногу, и она извинилась.

— Ребята! Мишка! — закричала она, ворвавшись в комнату ячейки, — Колька-то выздоравливает...

Выздоровевшая... повторяла Андronиников. — Ну вот, видишь... Катя, слушай-ка, из райкома звонили. Тебя, надо пойти насчет Свищевки...

График поднимался. Завод ожидал.

Шли дни.

В глубине библиотеки Катя встретилась со Скворцовыми, который писал декорации.

Катя долго наряжала в книжных стоянках, листая страницы, мучаясь в поисках книги, название и автора которой она не знала.

— Что же в конце концов вам нужно? — нетерпеливо спрашивала библиотекарша, похожая на богородицу.

Она подавала ей книги — одну за другой.

— Нет, — склоняло головой Катя. — Книги не было. Она растерянно щиршила глазами по стеклянным шкафам, напоминающим гробы.

Декоратор разглядывая Катю, заинтересованно ее смотрел.

«У этой девушки медные волосы», — думал он, — где это я ее видел?

— Товариши, — спросил он мягко, — вы Лавренева не читали? Возьмите «Гравюру на дереве».

Катя внимательно посмотрела на человека в халате, испачканном красками.

— Товариши, скажите, — вы не Петрова?

— Да, А что?

— Ваша фотография в зале...

Они разговаривали. Катя поклонялась: мало таких книг, в которых можно найти ответ на то, что волнует.

Она встретилась с ним опять. Он сидел в клубном зале, поглощенный игрой и наспех, рисовал зарисовку. На его пальце блескал опал.

Здравствуйте! — крикнул он, ульбаясь глазами. А я малярничал.

Потом сокочка с лесенки. Они опять говорили. Он рассказывал о большой картине, которую пишет «для себя».

— Почему же для себя? — спросила Катя.

— Какой смысл?

— Если вы разрешите, я когда-нибудь вам обосною это.

Так случайно они встретились три раза. Скворцов говорил ей о книгах, не совсем понятных, но манивших.

— Как он много читал! — дружелюбно думала Катя.

Одни раз он проводил ее на завод. Ее смущал его маленький изящный берет, клетчатый дамский шарф и голос, влюблющий в душу.

Она инстинктивно чувствовала стену, отделяющую ее от него. Этот человек не жил там,

чтобы жили она и ее товарищи.

Скупа никогда не бывает жизнь. Оська приехал только на день.

Вечером в театр, а из театра — на поезд. Ка-ти втайне жалела, что купила билеты.

А в 7 часов было назначено блюдо чебаки — заметки плана второго тура ряда.

— Андрониников, я не приду, — сказала, тряхнувшись рыхлой охапкой волос.

— Не склоня с ума, Катя.

— Да ты склоня. Я не видела мужа около го-да. Я не приду.

— Хочешь сорвать блюдо? Срывай.

Катя посмотрела на него почти с ненавистью

...Катя — хозяйка и строитель нового земного шара
...Весь земной шар — ее личная жизнь!

Вместе с тем Катя испытывала всякий раз какое-то удовлетворение после коротких, случайных разговоров с этими мужиками-человеками.

VII

Оська присадила письмо. Кольке совсем хорошо, каких-то осложнений. А Оська возвращается в Ольховку и 7-го по пути заедет в Москву.

Сердце пело, как жаворонок. Мечтала о встре-че. Надо так много рассказать. Купила билеты в Большой театр. Оська так давно ничего не была. Ждала волнуясь.

В клубе состоялся тенгуд над ЭЧС-2. Выступала общественность от комсомольской организа-ции Екатерины Петрова.

...Она пришла в театр к последнему действию. Зад утикал. В оркестре скрипки утомленно скрежетались с флейтами. У женщин бле-стили глаза, заняты губы, распрастраивались при-чики.

Оська узнала жену по походке. Резко повернулся в малиновом кресле.

— Почему так поздно?

Она только макнула руку, потому, что ди-рижер стоял, как хируг, ударяя палочкой, а сосед, покиравшийся на заднице, сердито шикну.

Со сцены веяло холодом. Топали кроткими ножками барабаны. В темном углу сцены неожиданно пробежала маленькая крыса. Катя

...Мы обязаны организованно откликаться на трагедии, подобные Катиной, мы должны заглядывать в личную жизнь членов коллектива"

Рис. В. Боксона

гандела искаса на Оську, изучая каждую чертку его лица, такого родного и далекого.

«Загорел» — думала нежно.

И ей хотелось сказать: *идем отсюда...* Но Оська, отыскивый от света, музики, жаждо смотреть на сцену, лицо у него было такое, словно он спит.

... После театра поехали на вокзал.

В трамвае Оська окаживалась рассказывая об Ольховке, о себе. Она — торопливо о своих тревогах.

Вокзал был огромен и сер. Люди бежали, прижимая к сердцу чемоданы и чайники. Над перроном звенели звезды. Ночь не видна, звезды. Никому не было добр до другого.

Потом минуты тянулись мучительно долго. Что может быть тосливее этих последних минут на первом, когда деревенши улыбаясь, говорят незнакомые вещи о том, будят ли счаст вагоне... А когда поезд ушел, Катя испугалась, потому что не успела спросить самого глашатая.

VIII

Катя помыла себя на том, что в ее отешении к воронам попались сухие потки. Вот она и ударила ее. Ее три раза премировали. В клубе виски ее портят. Ее цеят. Секретарь партичников говорит с трибуны: «Работайте! Киль Петров». Но никто в сущности никого не интересовался ее маленькой личной жизнью, в которой так много было интересного, в которой ее любили, ее любили, ее любили, в которой она, словно в капюшоне, на глазах и заходит разговор о бытовых, житейских делах, так это слово о яляях, столовых, житеварственных. Только ли в этом дело?

В библиотеке снова встретила декоратора. Он почтительно-весело поклонился.

— Куда вы исчезли? Вы давно не было, Катя?

— Некогда читать. Много работы.

— А кончила сегодня декорации в вашем клубе...

Они сели к столу, где лежали журналы. В

графике началися зеленющие вода.

— Катя, — сказала Скворцов, — приходите к мне завтра. Я покажу вам какую-нибудь картину.

Она ухватила молчала.

— Приходите, право! Это все очень интересно. Мы спорим, болтаем. Завтра часиков в восемь. Я покажу вам свою картину. Обещаете?

Она уже писала адрес.

IX

Пришли с течехемба. Миша Андронников зашла языком. На столах сидело несколько ребят из цехов. Одни из них были из поэтического цеха, который избрал для летающим торпедой. Катя в пальто и шапке приткнулась на подоконник. Был девятый час, а в комнате было так, как бывает в сумерки. И хотелось говорить о чем-нибудь. Без повестки, без ре-гламента...

Завела разговор. Не о себе, а вообще. Мишины коммюзены... Вспомнили ли из этой машины какое-то?

— Наша эпоха оперативная, Катя, — сказал Андронников, щурясь макинтошем. «Ну, тебе не по пути со мной? Ребята, кто на Таганку?

Вздох Захарченко.

— Что это вы тут сумнеरичаете?

— Ух-х-х...

— Ах! Заметил Катя на подоконнике. «При звезде большого чина. Я отнюдь еще не стар. Катерина! Катерина!...

— загрохотал добродушно.

— «Погоду» — решила Катя.

В комнате с оранжевыми обоями душило пахло мимозами.

На диване сидели две девушки. У них были острые глаза и жадные губы. Девушки презрительно ели апельсины, «едары» лакированными пальцами сочную, золотистую шкварку. Тонкий человек, похожий на птичку, заводил микрофон. Два других, в кипюках бились в суете, металлическими «шоколадами», спорили, размозгли руки. Они были сцены прохорки друг на друга. Прямо Добчинский в Бобчинский...

— Он пригнанел и смех! — кричали они.

— А это главное!

— Знаю-стеска, Катя, — сказала Скворцов,

глупо улыбаясь.

Катя удивилась, тяжкнув ряжелой

оканки полыни.

— Работница, — шептал Скворцов, — думаю-

щая... Замечательная девушка...

— Садитесь, Катя. Садитесь...

Она сидела и смеялась.

— А это главное!

— Знаю-стеска, Катя, — сказала Скворцов,

глупо улыбаясь.

Катя удивилась, тяжкнув ряжелой

оканки полыни.

— Работница, — шептал Скворцов, — думаю-

щая... Замечательная девушка...

— Садитесь, Катя. Садитесь...

Она сидела и смеялась.

— А это главное!

— Знаю-стеска, Катя, — сказала Скворцов,

глупо улыбаясь.

Катя удивилась, тяжкнув ряжелой

оканки полыни.

— Работница, — шептал Скворцов, — думаю-

щая... Замечательная девушка...

— Садитесь, Катя. Садитесь...

Она сидела и смеялась.

— А это главное!

— Знаю-стеска, Катя, — сказала Скворцов,

глупо улыбаясь.

Катя удивилась, тяжкнув ряжелой

оканки полыни.

— Работница, — шептал Скворцов, — думаю-

щая... Замечательная девушка...

— Садитесь, Катя. Садитесь...

Она сидела и смеялась.

— А это главное!

— Знаю-стеска, Катя, — сказала Скворцов,

глупо улыбаясь.

Катя удивилась, тяжкнув ряжелой

оканки полыни.

— Работница, — шептал Скворцов, — думаю-

щая... Замечательная девушка...

— Садитесь, Катя. Садитесь...

Она сидела и смеялась.

— А это главное!

— Знаю-стеска, Катя, — сказала Скворцов,

глупо улыбаясь.

Катя удивилась, тяжкнув ряжелой

оканки полыни.

— Работница, — шептал Скворцов, — думаю-

щая... Замечательная девушка...

— Садитесь, Катя. Садитесь...

Она сидела и смеялась.

— А это главное!

— Знаю-стеска, Катя, — сказала Скворцов,

глупо улыбаясь.

Катя удивилась, тяжкнув ряжелой

оканки полыни.

— Работница, — шептал Скворцов, — думаю-

щая... Замечательная девушка...

— Садитесь, Катя. Садитесь...

Она сидела и смеялась.

— А это главное!

— Знаю-стеска, Катя, — сказала Скворцов,

глупо улыбаясь.

Катя удивилась, тяжкнув ряжелой

оканки полыни.

— Работница, — шептал Скворцов, — думаю-

щая... Замечательная девушка...

— Садитесь, Катя. Садитесь...

Она сидела и смеялась.

— А это главное!

— Знаю-стеска, Катя, — сказала Скворцов,

глупо улыбаясь.

Катя удивилась, тяжкнув ряжелой

оканки полыни.

— Работница, — шептал Скворцов, — думаю-

щая... Замечательная девушка...

— Садитесь, Катя. Садитесь...

Она сидела и смеялась.

— А это главное!

— Знаю-стеска, Катя, — сказала Скворцов,

глупо улыбаясь.

Катя удивилась, тяжкнув ряжелой

оканки полыни.

— Работница, — шептал Скворцов, — думаю-

щая... Замечательная девушка...

— Садитесь, Катя. Садитесь...

Она сидела и смеялась.

— А это главное!

— Знаю-стеска, Катя, — сказала Скворцов,

глупо улыбаясь.

Катя удивилась, тяжкнув ряжелой

оканки полыни.

— Работница, — шептал Скворцов, — думаю-

щая... Замечательная девушка...

— Садитесь, Катя. Садитесь...

Она сидела и смеялась.

— А это главное!

— Знаю-стеска, Катя, — сказала Скворцов,

глупо улыбаясь.

Катя удивилась, тяжкнув ряжелой

оканки полыни.

— Работница, — шептал Скворцов, — думаю-

щая... Замечательная девушка...

— Садитесь, Катя. Садитесь...

Она сидела и смеялась.

— А это главное!

— Знаю-стеска, Катя, — сказала Скворцов,

глупо улыбаясь.

Катя удивилась, тяжкнув ряжелой

оканки полыни.

— Работница, — шептал Скворцов, — думаю-

щая... Замечательная девушка...

— Садитесь, Катя. Садитесь...

Она сидела и смеялась.

— А это главное!

— Знаю-стеска, Катя, — сказала Скворцов,

глупо улыбаясь.

Катя удивилась, тяжкнув ряжелой

оканки полыни.

— Работница, — шептал Скворцов, — думаю-

щая... Замечательная девушка...

— Садитесь, Катя. Садитесь...

Она сидела и смеялась.

— А это главное!

— Знаю-стеска, Катя, — сказала Скворцов,

глупо улыбаясь.

Катя удивилась, тяжкнув ряжелой

оканки полыни.

— Работница, — шептал Скворцов, — думаю-

щая... Замечательная девушка...

— Садитесь, Катя. Садитесь...

Она сидела и смеялась.

— А это главное!

— Знаю-стеска, Катя, — сказала Скворцов,

глупо улыбаясь.

Катя удивилась, тяжкнув ряжелой

оканки полыни.

— Работница, — шептал Скворцов, — думаю-

щая... Замечательная девушка...

— Садитесь, Катя. Садитесь...

Она сидела и смеялась.

— А это главное!

— Знаю-стеска, Катя, — сказала Скворцов,

глупо улыбаясь.

Катя удивилась, тяжкнув ряжелой

оканки полыни.

— Работница, — шептал Скворцов, — думаю-

щая... Замечательная девушка...

— Садитесь, Катя. Садитесь...

Она сидела и смеялась.

— А это главное!

— Знаю-стеска, Катя, — сказала Скворцов,

глупо улыбаясь.

Катя удивилась, тяжкнув ряжелой

оканки полыни.

— Работница, — шептал Скворцов, — думаю-

щая... Замечательная девушка...

— Садитесь, Катя. Садитесь...

Она сидела и смеялась.

— А это главное!

— Знаю-стеска, Катя, — сказала Скворцов,

глупо улыбаясь.

Катя удивилась, тяжкнув ряжелой

оканки полыни.

— Работница, — шептал Скворцов, — думаю-

щая... Замечательная девушка...

— Садитесь, Катя. Садитесь...

Она сидела и смеялась.

— А это главное!

— Знаю-стеска, Катя, — сказала Скворцов,

глупо улыбаясь.

Катя удивилась, тяжкнув ряжелой

оканки полыни.

— Работница, — шептал Скворцов, — думаю-

щая... Замечательная девушка...

— Садитесь, Катя. Садитесь...

Она сидела и смеялась.

— А это главное!

— Знаю-стеска, Катя, — сказала Скворцов,

глупо улыбаясь.

Катя удивилась, тяжкнув ряжелой

оканки полыни.

— Работница, — шептал Скворцов, — думаю-

щая... Замечательная девушка...

— Садитесь, Катя. Садитесь...

Она сидела и смеялась.

— А это главное!

— Знаю-стеска, Катя, — сказала Скворцов,

глупо улыбаясь.

Катя удивилась, тяжкнув ряжелой

оканки полыни.

— Работница, — шептал Скворцов, — думаю-

щая... Замечательная девушка...

— Садитесь, Катя. Садитесь...

Она сидела и смеялась.

— А это главное!

— Знаю-стеска, Катя, — сказала Скворцов,

глупо улыбаясь.

Катя удивилась, тяжкнув ряжелой

оканки полыни.

— Работница, — шептал Скворцов, — думаю-

щая... Замечательная девушка...

— Садитесь, Катя. Садитесь...

Она сидела и смеялась.

— А это главное!

— Знаю-стеска, Катя, — сказала Скворцов,

глупо улыбаясь.

Катя удивилась, тяжкнув ряжелой

оканки полыни.

— Работница, — шептал Скворцов, — думаю-

щая... Замечательная девушка...

— Садитесь, Катя. Садитесь...

Она сидела и смеялась.

— А это главное!

— Знаю-стеска, Катя, — сказала Скворцов,

глупо улыбаясь.

Катя удивилась, тяжкнув ряжелой

оканки полыни.

Личная трагедия, душевная тяжесть... Обязаны ли мы этим интересоваться? Лично горе — на то и «личное», что окруженно ничего с ним взаимно. Подумашь, какие сестры!..

Сентименты! Нет! Обязаны интересоваться! Маленькая коммунистка моя личная жизнь в большом смысле этого слова. Значит, моя маленькая личная жизнь — жизнь колlettива.

Мать, у которой болен ребенок, не может не страдать, не рваться к нему. Это — факт, а от фактов отвлекает человека, снижает его боеспособность.

Этот факт не делает Катю — большевицкую, бойца, коммунистку, удачницу — способной на дезертирство. Нужна будет все равно Ката отдать жизнь за коммунизм! Но это снижает ее работоспособность.

А значит мы обязаны интересоваться «личным горем» каждого члена колlettива. Это — не личное горе чужака, не личное горе антиобществника, мещанина. Это — личное горе Кати пролетария, бойца. Мы обязаны помочь, чем можем ей помочь, как снять с нее грусть, которая мешает ей полноценно жить, работать...

...В чем неправ Михаил Андронников? В том, что он не прознал чуткости? Нет, дело глубже. Дело в том, что ударник, в коммунисте, надо видеть одновременно матом, сына отца, невесту, жену, мужу.

Коммунизм, борьба за коммунизм не исключает инстинкта материнства, сына отца и т. д. Идея взгляда — это идея о будущем (это будущее предстает рабочего в товаре, это, для нас рабочий — объект, вещь, в он, капиталист, — субъект; только для себя оставляет он это право) или левакое тупоумие, антимарксистский, нежизненный подход к пылким живой действительности...

Коммунист — в лаборатории приготовлен, не из реторты химической выскоочил...

Оська шагал из угла в угол сарая, поглощенный своими размышлениями...

...У матери заболел ребенок. Муж бросил жену. Парень сильнолобый. Или еще что-нибудь. Это породяет уныние. Человек сам не соображает, что же? Не замечает? Или пребрежительно отмахнется — иными, дескать, интимное близне, какое нам дело? Потом парень захочет предаться пьянству. Сказать: «Пустыни» или «Пускай испробуют — потом из ячейки выброшены — сам будет, дурак, виноват».

Так, что ли? Нет! Мы обязаны организованно отвлекаться на индивидуальные подобия Катиной. Мы должны заглядывать в личную жизнь членов колlettива. Мы можем и обязаны уменьшать бремя личных невзгод. Это нужно так же, как физическая стойкость людей, о которой мы организованно забываемся. Это должно стать правилом, принципом, должно войти в систему работы, как вошла забота об отпусках, о посылке людей в санатории, о цехе питания и т. д.

Оська запихнул Катину письмо в карман. «Найди Катине... Пусть открыто спавт вопрос на ячейки».

За дверьми сарая послышались торопливые шаги. Запыхавшись, пошел Тимофей Тимофеевич. От него шел пар. И шапка съехала набок.

— Осип Иванович, Осип Иванович! Ты здесь? — крикнула он в возбуждении. — Река тронулась!

— Да ну?

— Странь! Весь колхоз на берег повалился... Я тебя в избе искал. Гляжу нет. Догадался — ты в сарасе... Ну, теперь дело пойдет... Лыдины во!

«...Пустыни! Потом из ячейки выброшены — сам будет, дурак, виноват»

Оська стремительно вскочила из сарая, запихнув голову в Тимофей Тимофеевича громаду замков. Оська быстро зашагала на другой конец сарая. На душу — радость и острая радость... Ледоход всегда рождает какие-то всплески чувств.

— Шорники не забудь сказать, — все также взволнованно кричал вслед Тимофей Тимофеевич.

С берега все ячесные домохозяйки крики, гуд, трохот кльзы. Впереди Оськи белая, восторженно взмывавшая, маленькая без шапки, в огромных разноцветных ботах. Боты спадали с ног. Маленькая ругаясь, стащила их и помчалась босиком. Оська оглянулась. Тимофей Тимофеевич отстал далеко позади. Тогда он, ухнув, перескочил через кочку и пустился бежать вприскаку, как малек.

„Мы часто оперируем большими числами, сотнями тысяч, миллионами рабочих. И эта статистика плюс общие, отвлеченные резолюции порой заслоняют от аппарата, даже профсоюзного, лицо живого, конкретного рабочего с его горем и радостью, с его нуждами и запросами.“

(Из речи т. Л. Кагановича на IX съезде профсоюзов от 28 апреля 1932 г.)

ИЗ ПОЭМЫ „КОМСОМОЛ“

Давно ли мы,
Ровесники,
Ребята,
Обиженные строгою судьбою,
Приснились у сестрени
Или брати,
Чтоб взглянуть на субботник нас
С собой?

А вот сейчас,
Меня почек мозгий,
Ворочая руду
В миллионы тоши,
Берем мы сушу,
Воздух,
Небо,
Волни
Своей рукой
В смирительный бетон.

Трубите, дни,
Чорт побери,
Трубите!
Кто мог увидеть—
Где,
С какой мени,
Что парень тот,
Который рос в Ирбите,
Готовится в вожатые земли?

Ах, Городок,
Ах, лим
Родинных кровель,
Ах, улицы,
Где можно сесть на пень,
Где, ребрами сквозь,
Жуют коровы
От головы
Думиступ спреш!

Индийский год—
Дрожали стекла в рамках,
Хвост поднимали
Под трусливый зад,
Пес пробежал,
Изредкин ветрами,
Оландинский
Сто лет тому назад.

С винтовкой
Отец ушел из дома
И нет его,
Так — через зимы веста
Часовенка,
Над куполом — маковина
Куда-то
Крест тихийский свой песта.

Наш городок
Под сиян синице и стала
Пустыня воздух
Пух слов,
Перья,
Всенинские
Стальные магистрали
Лежали
Через маленький Ирбиг.

И я был мал.
Я помню, ворон венчий,

Фашист двухкрылый,
Былек, как в силяке,
Когда отца
Гасслерянные вещи
Мне прислали
В большинском узелке.

Они еще дымились—
Дымком горьким.
В них пот еще рабочий
Не просых.
Еще держался
В желтой гимнастерке
Табачный запах
От его усов...

Друзья мои,
Ровесники,
Погоди—
У вруба,
У вторга,
У резни...
Нет ничего
Страшней косоворотки
Расстrelявшего отца!

Я плакал.
Так в последний раз
Я плакал.
Из глаз косой,
Солнечный ливень азия,
Лни на рубашки,
В рот мне,
В сердце,
На пол.
С тех пор себе
Я сердце просыпал.

Когда слеза последняя упала,
Я склонил руке
Отцовский партбилет...
И вдруг во рту
Почувствовал я жало—
Оно растет с тех пор
Двадцать лет.

Друзья мои,
Ребята,
Бедокурки!
Нам потому
Насвире сердце жжет,
Что испынанье,
Сандрающая шквара,
Там рядом с нежностью живет.

Как я бежал...
Засовы и запоры
Срывались,
По-кандалому звеня,
И воробы,
Качаясь на заборах,
Простила милостью у меня.

Жар гнал меня,
Бросая в канавы комом,
Жар,
При котором
Плавится металл.
Флаг,
Раздувая искры над укомом,

В глаза мне прямо
Молнии метал.
Уком, уком,
Вот я к тебе притопал.
Стопо,
Заплаты за собой влача.
А ветки две,
Прибитые к воротам,
Бушуют под портретом Ильи.

Мне девять лет,
Куда еще мне деться,
Девятый валом
Сшиблен я
С кормы.
Собак осклешенных
Мои голодным детством,
Мои печинкой
Возмы
Ци накорми.

Они юлят,
Они мне руки лижут,
Засыпят с опешинков
Коллекции колен.
Вот съеле, мыши,
Но только к горлу близас...
— Эй, ты чего
Расплющился, наезд?

Поди сюда,
Поди! —
Кричат
Два парни,
Румынских от здоровья
И жары.
Уком, уком!
Оттуда, как из парни,
Дым выдувает
Белые шари.

Макорка,
Кто с тобою
Не был дружен?
Кто выдумал тебя,
Какой марксистский миф?
Стопо в деревах
И нику горы стружек

Из лами,
Из плакатов,
Из бумаг.
Столы, столы,
Столы —
Столпотворение.
И на одном из них,
Скрепство столы,
Стол винтовки.
В первый день творенья
Бог за рубленку.
Мог творить столы.

На них патронов,
Кинг —
Всего до чорта,
Шум, суета,
Но в этой суете
Два старых,
Два астральных

Звездочета —
Сам Маркс и Энгельс —
Гладят чолку мне.

Друзья мои,
По песням
И по датам,
В труде,
В борде —
Славитесь наш след.
Зачем жалеть
О том,
Что нам в двадцатом
Всего каких-то было
Девять лет?

Уже тогда,
Ваганцов
В глаза нам метко,
Отица, взрывая
Сплеленную гать,
Могли предвидеть
Нашу пыталку,
И нас —
Ее бойцов —
Предугадать.

А мы росли,
Мужали и боролись,
Точили зубы,
Стрили
И жгли —
Чтобы скрутить
Магнитогорский полюс
Все колеса
И стрелки
Всей земли.

Чтоб, защищая
Но земле воронки,
Наш смерч донес
До самых дальних шахт,
Чтоб от ударов наших
Перепошли
У Макдональдов
Лопнулись в ушах,

В какие-то час
Ущелья ни согнало,
Ни заумнич
Умыло в голосах.
Узнают нас
По световым сигналам,
По искрам,
Пробегающим в глазах.

В труде, в бою,
В цеху,
В каменоломне,
Караляясь по скалам
На Тибет,
Ползая через Памир —
Мы будем
Вечно помнить,
О комисоз,
Наш первый шаг
К тебе.

БЕСЕДА ТОВ. СТАЛИНА С НЕМЕЦКИМ

Людвиг. Я Вам чрезвычайно признателен за то, что Вы нашли возможным меня принять. В течение более 20 лет я изучал жизнь и деятельность выдающихся исторических личностей. Мне кажется, что я хорошо разбираюсь в людях, но зато и ничего не понимаю в социально-экономических условиях.

Сталин. Вы скромничаете.

Людвиг. Нет, я действительно так. И именно поэтому я буду задавать вопросы, которые быть может Вам покажутся странными. Сегодня, здесь, в Кремле, я видел некоторые рукописи Петра Великого, и первый вопрос, который я хочу Вам задать, следующий: «Запускаете ли Вы параллель между собой и Петром Великим. Считаете ли Вы себя продолжателем дела Петра Великого?»

Сталин. Не в каком роде. Исторические параллели всегда рискованы. Давайте параллель бросим.

Людвиг. Но ведь Петр Великий очень много сделал для развития своей страны, для того, чтобы перенести в Россию западную культуру.

Сталин. Да, конечно, Петр Великий сделал много для возникновения класса помещиков и развилия нарождавшегося купеческого класса. Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что он выработал единство общества народа, выразившееся в единстве торговли и укреплении национального государства этих классов произошло до сих пор. Что касается меня, то я только ученик Ленина и моя цель — быть достойным его учеником. Задача, которой я посвятил свою жизнь, состоит в том, чтобы помочь другим, чтобы помочь рабочему классу. Задача, которую я вынесла, это создание какого-либо национального государства, а укрепление государства социалистического, и значит — индустриального, при чем всяко укрепление этого государства содействует укреплению всего международного, рабочего класса. Если бы каждый шаг в моей работе по поднятию рабочего класса и укреплению социалистического государства этого класса не был направлен на то, чтобы укреплять и улучшать положение рабочего класса, то я считала бы свою жизнь беспечальной.

Вы видите, что Ваша параллель не подходит.

Что касается Ленина и Петра Великого, то последний был кайлом в море, а Ленин — цепью океана.

Людвиг. Марксизм отрицает выдающуюся роль отдельных историков. Не видите ли Вы противоречия между материалистическим пониманием истории и тем, что Вы все-таки признаете выдающуюся роль исторических личностей?

Сталин. Нет, противоречия здесь нет.

Марксизм вовсе не отрицает роли отдельных историков. У Маркса в «Нашем философии» и других промышленных, Вы можете найти слова о том, что именно люди делают историю. Но, конечно, люди делают историю не так, как им подсказывает какой-нибудь фантазист, не так, как им придет в голову. Каждое новое поколение встречается с определенными условиями, с которыми оно не сталкивалось раньше. И великие люди, скажем что-нибудь только постыдно, поскольку они умеют правильно понять эти условия, понять, как их изменить. Если они эти условия не понимают и хотят эти условия изменить так, как им подсказывает им фантазия, то они, эти люди, попадают в положение Дона Кихота. Таким образом, как раз по Марксистской логике не следует противоставлять людей условиям. Идеи, которые находимся они принять, во-первых, условия, которые они застали в том или ином виде, и лишь поскольку они понимают, как эти условия изменить, — делают историю. Так, по крайней мере, понимает Марксизм, русские большевики. А мы изучали Маркса не более десяти лет.

Людвиг. Лет 30 тому назад, когда я учился в университете, многочисленные немецкие профессоры, особенно те, кто занимался историей германского понимания истории, вспоминали о том, что марксизм отрицает роль героев, роли германских личностей в истории.

Сталин. Это были вульгаризаторы марксизма. Марксизм никогда не отрицал роли героев. Наоборот, роль эту он признает значи-

тельной, однако, с теми оговорками, о которых я только что говорил.

Людвиг. Вокруг стола, за которым мы сидим, 16 стульев. За границей, с одной стороны, находится ССР-страна, в которой все должно решаться коллатально, а с другой стороны, знаете, что все решается единолично. Кто же решает?

Сталин. Нет, единолично нельзя решать. Единоличные решения всегда или почти всегда — однобокие решения. Во всяком коллективе имеются люди, с мнением которых надо считаться. Во всяком коллективе, во всяком народе, народном движении, всегда имеется оппозиционная инсессия. На основе опыта трех революций, мы знаем, что приблизительно из 100 единоличных решений, не пропорциональные, не исправленные коллективом, 90 решений однобокие. В нашем руководящем органе, в Центральном комитете нашей партии, который руководит всеми нашими социстическими и национальными задачами, имеется оппозиция. Среди этих 70 членов ЦК имеются наши лучшие промышленники, наши лучшие кинематографисты, наши лучшие снабженцы, наши лучшие военные, наши лучшие пропагандисты, наши лучшие вигитаторы, наши лучшие знатоки соколов, наши лучшие знатоки колхозов, наши лучшие знатоки индивидуального крестьянского хозяйства, наши лучшие рабочие, наши лучшие представители Совета и национальной политики. В этом ареопаге сородичество мудрости нашей партии. Каждый имеет возможность исправлять чье-либо единоличное мнение, предложение. Каждый имеет возможность изменить свой опыт. Если бы это было, если бы решения принимались единолично, мы имели бы в своей работе сплошные ошибки. Поэтому мы имеем возможность исправлять ошибки отдельных лиц, и поскольку мы солидарны с этими исправлениями, наши решения получаются более или менее правильными.

Людвиг. За Вами десятки лет подпольной работы. Вам приходилось подполье перевозить и оружие, и литературу и т. д. Не считаете Вы, что враги советской власти могут защищать Вы, что враги советской власти могут защищать Вас, что Вы, и борьба с советской властью, это же нервология?

Сталин. Это, конечно, вполне возможно. Людвиг. Не в этом ли причина строгости и беспощадности Вашей власти в борьбе с ее врагами?

Сталин. Нет, главная причина не в этом. Можно привести некоторые исторические примеры. Когда борьба рабочего класса с капиталом была на отношении к своим врагам мякотью, Меньшевики продолжали существовать легально и выпускали свою газету. Эсеры также продолжали существовать легально и имели свою газету. Даже капиталисты продолжали издавать свою газету. Когда генерал Красногор организовал контрреволюционный поход на Ленинград и попытался ее разрушить, то по меньшей мере держать в плену, более того, мы должны были бы его расстрелять. А мы его выпустили «на чистое слово». И что же? Вскоре выяснилось, что подобная мякоть только подрывает крепость советской власти. Мы совершили ошибку, пронесли подобную мякоть, то есть отношение к врагам рабочего класса. Если бы мы повторили ту же ошибку, мы сошли бы с политической картины, выступление по отношению к рабочему классу, мы предали бы его интересы. И это вскоре стало совершенно ясно. Очень скоро выяснилось, что чем мякоть мы относились к нашим врагам, тем больше сопротивления эти враги оказывали. Вскоре правые эсеры и др. и правые меньшевики, находившиеся в Ленинграде, контролировавшие выступление результатов которого могли заблокировать разрывом с рабочим классом. Тот же Красногор, которого мы выпустили «на чистое слово», организовал белогвардейских казаков. Он обединился с Мамонтовым и в течение двух лет вел вооруженную борьбу против советской власти. Вскоре оказалось, что из-за этих белых генералов, агенты западных капиталистических государств — Франции, Англии, Америки, Японии. Мы убедились в том, как мы ошибались, пронесли мякоть. Мы поняли из опыта, что с этими генералами можно спаривать лишь в том случае, если применить к ним самую беспощадную политику подавления.

Людвиг. Мне кажется, что значительная часть населения Советского Союза испытывает

чувство страха, боится перед советской властью, что на этом чувстве страха в определенной мере покоятся устойчивость советской власти. Мне хотелось бы знать, какое духовное состояние создается у Вас лично при сознании, что в интересах упреждения власти надо винуть страну. Ведь в общении с Вашиими товарищами, Вашиими друзьями Вы действуете совсем иными методами, а не методами винувших болезни,

Сталин. Вы ошибаетесь. Впрочем, Ваша ошибка — описание многих. Неужели Вы думаете, что можно было бы в течение 14 лет удерживать власть и иметь поддержку миллионов масс благодаря методу запугивания, устрашения? Нет, это невозможно. Лучше всего уметь запугивать царское правительство, которое было в этом смысле грандиозным старым опытом, а не винить в честности французской буржуазии, которая помогала в этом царизму и учила его устрашать народ. Несмотря на этот опыт, несмотря на помощь спартаковой буржуазии, политика устрашения привела к разгрому царизма.

Людвиг. Но ведь Романовых продержались 300 лет.

Сталин. Да, но сколько было восстаний и выступлений на протяжении этих 300 лет: восстание Степана Разина, восстание Емельяна Пугачева, восстание декабристов, революция 1905 года, революция в феврале, 1917 г., Октябрьская революция. Я уже не говорю о том, что имеющиеся условия политической и культурной жизни страны способствуют увеличению устрашения времени, когда титаны, несущие титаны, покоряли и политическая заинтересованность давала возможность, тогдашним «правителям» оставаться у власти на более или менее продолжительный срок.

Что касается парола, что касается рабочих и крестьян ССР, то они во все не так смешны, покорные и послушные. Вы себе их представляете? В Европе многие представляют рабочих в ССР по-старине, думая, что...

«Русины живут люди, во-первых, покорные, во-вторых, ленивые. Это устарелое и в корне не правильное представление. Оно создалось в Европе с тех времен, когда стали называть в Париже русские поменики, трактирщики там, где грабили деньги и бездельничали. Это было действительное представление в то же время. Однако создались вымысла о «русской даме». Но это ни в какой мере не может касаться русских рабочих и крестьян, которые добывают и добывают средства к жизни своим собственным трудом. Довольно странно считать покорными и ленивыми русских крестьян и рабочих, предполагавших в короткий срок три революции, разгромивших царскую армию и победивших в мировой войне социализм.

Вы только что спрашивали меня, решает ли у нас все один человек. Никогда, ни при каких условиях, наши рабочие не потерпят бы тьмы власти одного лица. Самые крупные авторитеты склонят у нас наше лицо, — превратятся в никто, как только мы перестанем доверять рабочим массам. Как только мы перестанем доверять рабочим массам. Планеты поклонятся со временем исключительной земле землетрясениям. И что же? Как только он стал политически хромать, рабочие его забыли, отошли от него и забыли его. Другой пример: Троцкий. Троцкий то же пользовался большим авторитетом, конечно, далеко не таким, как Плеханов. И что же? Как только он отошел от рабочих, то забыли его. Людвиг. И забыли.

Вспоминаю иногда, — со злобой.

Людвиг. Чем?

Сталин. Что касается наших сознательных рабочих, то они вспоминают о Троцком со злобой, с раздражением, с ненавистью.

Конечно, имеется некоторая небольшая часть населения, которая действует в духе западной буржуазии и с ней. Я имею в виду очень узкую, элитарную, инсайдерскую классовую пропаганду, неизлечимую часть крестьянства, — кузнецкую. Но тут речь идет не только о политике устрашения, которая действительно существует. Всем известно, что мы, большевики, не ограничиваемся этой задачей устрашения, и даже дальше, ведь дело до ликвидации этой буржуазии.

На самом деле, трущебное население ССР, рабочие и служащие крестьяне, представляемые не менее 90% населения, то они хотят за светскую власть и подавляющее большинство их активно поддерживает советский режим.

ПИСАТЕЛЕМ ЭМИЛЕМ ЛЮДВИГОМ

13 декабря
1931 г.

А поддерживают они советский строй потому, что этот строй обслуживает коренные интересы рабочих и крестьян. В этом основа проноса советской претензии в политике как так называемого устрашения.

Людвиг. Я Вам очень благодарен за этот ответ. Попрошу Вас извинить меня, если я Вам задам вопрос, могущий Вам показаться странным. В Вашей биографии имеются моменты, так сказать «разрывов» выступления. Интересует меня: Вы лично против Степана Разина? Каково Ваше отношение к нему, как «внедрому разрывнику»?

Сталин. Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев и др. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета. Для нас всегда представляло интерес изучение истории первых попыток подобных восстаний крестьянства. Но, конечно, какуюнибудь аналогию с большевиками тут нельзя проводить. Отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими разбойническими выступлениями, как у Степана Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями и если рабочие руководят крестьянским восстанием. Только комбинированное восстание во главе с рабочими может привести к цели. Кроме того, говорю о Разине и Пугачеве, когда надо забывать, что они были царитами: они выступали против помещиков, но за «хорошее царя». Ведь таков был их лозунг.

Как видите, аналогии с большевиками никак не подходит.

Людвиг. Разрешите задать Вам несколько вопросов из Вашей биографии. Когда я был у

Масарика, то он мне заявил, что осознал себя социалистом уже с 6-летнего возраста. Что и когда сделало Вас социалистом?

Сталин. Я не могу утверждать, что у меня уже в 6 лет было социализм. В революции я участвовал с 10 лет, с 12 лет. В революции я участвовал с 15 лет, когда я связался с подпольными группами русских марксистов, проживавших тогда в Закавказье. Эти группы имели на меня большое влияние и привнесли мне вкусы подпольной марксистской литературы.

Людвиг. Что Вы толкнуло на оппозиционность?

Сталин. Нет. Моя родители были необразованные люди, но обращались они со мной совсем не плохо. Другое дело духовная семинария, где я учился тогда. Из протеста против методов, которые имелись в семинарии, я, потом, стал и действительно стал революционером, сторонником марксизма, как действительно революционного учения.

Людвиг. Но разве Вы не признаете подожительных качеств незуитов?

Сталин. Да, у них есть систематичность, как общественный порядок, давно уже разбит в Европе, значительные пережитки его продолжают существовать и в быту и в нравах. Феодальная система продолжает существовать и техники, и специальности, и способы труда, и мастерство, и способы производства, и методы, и технологии, в технике, науке, литературе. Феодальные традиции не разбиты до конца. Этого нельзя сказать об Америке, которая является страной «свободных колоний», без посредников, без аристократов. Отсюда крепкие и сильные рабочие массы, американские права в производстве. Их права, их политика, побывавшие в Америке, сразу подметили эти черты. Они не без некоторого призыва удивления рассказывали, что в Америке в процессе

страной. Эти чувства имелось и в Вашем рабочем классе, и относится они не только к тракторам и автомобилям, но и к американцам вообще. Чем Вы это обясняете?

Сталин. Вы преувеличиваете. У нас нет никакого особого уважения ко всему американскому. Но это уважение к всему деловитости, ко всему, что связано с работой. Каждый из нас, никогда мы не забываем о том, что САСШ — капиталистическая страна. Но среди американцев много здравомыслящих духовных и физических отпышений, здравомыслия по всему своему подходу к работе. Это не является недостатком, этой простоте мы и сочувствуем. Несмотря на то, что Россия и САСШ разные капиталистические страны, там права в промышленности, науки в производстве содержат нечто из демократизма, чего нельзя сказать о старых европейских капиталистических странах, где все еще живет дух феодальной аристократии.

Людвиг. Вы даже не подозреваете, как Вы

Сталин. Как знать, может быть и подозреваю. Несмотря на то, что феодализм, как общественный порядок, давно уже разбит в Европе, значительные пережитки его продолжают существовать и в быту и в нравах. Феодальная система продолжает существовать, и способы труда, и методы, и технологии, в технике, науке, литературе. Феодальные традиции не разбиты до конца. Этого нельзя сказать об Америке, которая является страной «свободных колоний», без посредников, без аристократов. Отсюда крепкие и сильные рабочие массы, американские права в производстве. Их права, их политика, побывавшие в Америке, сразу подметили эти черты. Они не без некоторого призыва удивления рассказывали, что в Америке в процессе

производства трудов отличить с высшей стороны инженера от рабочего. И это им нравится, конечно. Сонсем другое дело в наших симпатиях! Но если уже говорят о наших симпатиях в какой-либо нации, то, конечно, надо говорить о наших симпатиях к немцам. С этими симпатиями не сравнять наших чувств к американцам!

Людвиг. Почему именно к немецкой нации?

Сталин. Я прежде всего констатирую это, как факт.

Людвиг. За последние времена среди немецких политиков наблюдается серийные опасения, что политика традиционной дружбы СССР и Германии будет оттеснена на задний план. Эти опасения возникли в связи с переговорами СССР с Польшей. Если бы в результате этих переговоров признались границы Польши, СССР стало бы фактом, что это означало бы также разование для всего германского народа, который до сих пор считает, что СССР берется против германской системы и не собирается ее признавать.

Сталин. Я знаю, что среди некоторых немецких государственных деятелей наблюдается известное недовольство темпами, но, во-первых, как бы Советский Союз в своих посольствах, каком-либо договоре с Польшей не совершил шаг, который означал бы, что Советский Союз дает свою санкцию, гарантит владением и границам Польши. По моему мнению, эти опасения ошибочны. Мы всегда заявляли о нашей готовности заключить с любым государством пакт о ненападении. С Германией мы уже заключили этот пакт. Мы заявляем о том, что сама готовность подчиняться пакту с Польшей. Если мы заявляем, что мы готовы подписать пакт о ненападении с Польшей, то мы это делаем не ради фразы, а для того, чтобы действительной такой пакт подписать. Мы политики, если хотите, особого рода. Имеются позиции, которые сегодня обещают или заявляют одни и те же люди, а завтра — другие. И это отрицают, что они сами заявляли, и при этом даже не красноречив. Так мы не можем поступать. То, что делается во вре- мени, неизбежно становится известным и внутри страны, становится известным всем рабочим и крестьянам. Если бы мы говорили одно, а делали другое, то мы потеряли бы наш авторитет. В момент, когда польши заявили о своей готовности вести с нами переговоры о пакте о ненападении, мы, естественно, соглашались и присутствовали к переговорам.

Что является с точки зрения немцев наиболее опасным из того, что может произойти? Изменение отношений к немцам, их ухищрение? Но для этого нет никаких оснований. Мы, тоже так и как, и поляки должны жить в мире в пакте, что не будет никакой опасности, не наше желание, да, потому что мы изменили границы Польши, СССР или нарушили их независимость. Так же, как мы даем это обещание полякам, точно так же и они дают нам такое же обещание. Без такого пункта о том, что мы не собираемся вести войны, чтобы нарушили независимость или целостность границ наших государств, без подобного пункта не получится. Поэтому Вам это нечего и говорить о пакте. Тогда закончат это, что мы можем сделать. Является ли это признанием германской системы? Нет. Или может быть это является гарантированием границ? Нет. Мы никогда не были гарантами Польши и никогда не были ее границами, так же как Польша не была у нас. Будет гарантами наших границ. Наша дружественные связи с Германией остаются та-кими же, какими были до сих пор. Таково мое глубокое убеждение.

Таким образом, опасения, о которых Вы говорите, совершенно не обоснованы. Опасения эти возникли на основании слухов, которые распространялись некоторыми поляками и французами. Эти опасения, конечно, когда мы опубликуют пакт, если он будет подписан Польшей, то мы это не содержим и не читаем в Германии.

Людвиг. Я Вам очень благодарен за это заявление. Разрешите задать Вам следующий вопрос: Вы говорите об «европейской», при чем это слово имеет определенный проницательный оттенок по отношению к всеобщему управлению. Но ведь всеобщее управление является социалистическим идеалом.

Сталин. Я имею в виду, что, при котором все должны получали бы один и ту же плату, одинаковое количество мяса, одинаковое количество хлеба, поскольку бы один и те же ко- стюмы, получали бы один и те же продукты в

одном и том же количестве — такого социализма, о котором Вы говорите. Марксисты говорят о нем подобную окончательно не учитывающую классы и пока труд не стал из средства для существования первой потребностью жизни, добровольным трудом на общество, люди буду откладывать на свою работу по труду. «От каждого по его способностям, каждому по его труду» — такова марксистская формула социализма, с формулой построения социализма, первоначально коммунистического общества. Только на высшей стадии коммунизма, только при настоящей фазе коммунизма каждый, трудясь в соответствии со своим способностями, будет получать за свой труд в соответствии со своими потребностями. «От каждого по способности, каждому по потребностям».

Совершенно ясно, что разные люди имеют и будут иметь различные потребности. Социализм никогда не отринет различий между людьми в количестве и качестве потребностей.

Прочтите, как Маркс критиковал Штирнера за его тенденции к уравнительству, прочтите марксизм критику Гартской программы 1875 г., прочтите последующие труды Маркса, Энгельса, Ленина и Вы увидите, с какой решительностью они вынуждают на уравнительство. Уравнительство — это не то, что мы хотим, это не то, что мы имеем в виду. Красивые идеи всех были порочны, психологически примитивного крестьянского «коммунизма». Уравнительства не имеет ничего общего с марксистским социализмом. Только люди, не знакомые с марксизмом, могут представлять себе дело так прimitивно, будто русские большевики хотят отдать всем миром все блага, чтобы разделить их между всеми. Трудящеся люди, люди, не имеющие ничего общего с марксизмом. Так представляли себе коммунизм люди, прошедшие через некоторые «экономисты» времен Кромвеля и Французской революции. Но марксизм и русские большевики не имеют ничего общего с подобными уравнительскими «коммунистами».

Людвиг. Вы курите сигареты Гава легендарной трубки? Сталин. Да, я курю. Это легенда, которая эта трубка и легенды проходят, делаются. Но помните, что миллионы за границей, не знающие о некоторых выражениях словах и делах, знают о Вашей легендарной трубке.

Сталин. Да, я знал трубку дома.

Людвиг. Я знал Вам один вопрос, который Вы можете сильно поразить.

Сталин. Мы, русские большевики, давно разучились поражаться.

Людвиг. Да и мы в Германии тоже.

Сталин. Да, Вы скоро перестанете поражаться в Германии.

Людвиг. Мой вопрос следующий: Вы не однократно подвергались риску и опасности, Вы предследованы. Вы участвовали в боях Ряд Ваших близких друзей погибли. Вы остались в живых. Чем это объясняется? И верите ли Вы в судьбу?

Сталин. Нет, не верю. Больше всего, мертвых, с судьбой — не верят. Само понятие судьбы, понятие «спинка» — предрасудок, суждение, пережиток мифологии, прежде мифологии древних греков, у которых будущая судьба направлена судьбой людей.

Людвиг. Значит тот факт, что Вы не погибли, является случайностью?

Сталин. Имеются и внутренние, и внешние причины, склонности которых привела к тому, что я из погиб. Но совершенно неизвестно от этого на моем месте могли бы други, ибо кто-то должен был здесь сидеть. Судьба — это не судьба, это не то, что можно истолковать в мистике.

В мистике я не верю. Конечно, были причины того, что опасности прошли мимо меня. Но мог иметь место ряд других случайностей, при других причинах, которые могли привести к прямому противоположному результату. Так называемая судьба тут не при чем.

Людвиг. Ленин провел долгие годы за границей, в эмиграции. Ваша прислуга была за границей, в эмиграции. Скажите мне, Вы эти годы не мечтали, считаете ли Вы, что больше пользы для революции приносит те, которые находятся в заграниценной эмиграции, имели возможность вплотную изучать Европу, но зато отрывались от непосредственного контакта с народом, или те, кто революционеры, которые работали здесь, знали настроение народа, но зато мало знали Европу?

1912 г.», и видел у него труды писем от приславших из России, и всегда Ленин звал больше тех, которые оставались в России. Он всегда считал свое пребывание за границей временным для себя.

Тех горячих, которые оставались в России, которые не уезжали за границу, конечно, гораздо больше в нашей партии и ее руководстве, чем бывшие эмигранты, и они, конечно, имели возможность, и им было больше интересно, потому что они были находящимися за границей эмигранты. Ведь у нас в партии осталось мало эмигрантов. На 2 миллиона членов партии их наберется 100—200. Из числа 70 членов ЦК сдавали больше 3—4 жизни в эмиграции.

Что касается знакомства с Европой, изучения Европы, то, конечно, те, которые хотели изучить Европу, имели больше возможностей сделать это, находясь в Европе. Но в этом смысле те, кто остался в России, имели гораздо больше возможностей, и им было легче изучить Европу, потому что они не потеряли языка. Но пребывание за границей вовсе не имеет решающего значения для изучения европейской экономики, техники, кадров рабочего движения, литературы всякого рода, беллетристической или научной. При прочих равных условиях, конечно, легче изучить Европу, побывав там. Но тот минус, который получается у людей, которые бывали в Европе, не имеет большого значения. Наоборот я знаю многих большевиков, которые прошли по 20 лет за границей, жили где-нибудь в Швейцарии, в Берлине, в Париже, в Латинской квартале, сидели в кафе годами, пили пиво и все же не сумели изучить Европу и не понять ее.

Людвиг. Не считаете ли Вы, что у немцев, как нации, любовь к порядку разнится больше, чем любовь к свободе?

Сталин. Когда-то в Германии действительно очень уважали законы. В 1907 г., когда мы начали строить нашу страну, мы месяцами, русские большевики, передко сидели над некоторыми немецкими друзьями по поводу этого уважения к законам. Ходил, например, анекдот о том, что когда берлинский социал-демократический форпост назначил на определенный день и час какую-то манифестацию, на которую должны были прийти члены организации со всех пригородов, то группа организаторов, которая хотела, чтобы эта манифестация состоялась в назначененный час в городе, но на демонстрацию не попала, ибо в течение двух часов стояла на перроне вокзала и не реагировала его покинуть: отступал контролер, отбиралший билеты при выходе, и некому было сдать билеты. Рассказывали шутки, что появлялись русские товарищи, который уезжал из России, и говорил: «Я не вернусь».

Но разве теперь в Германии есть что-нибудь подобное? Разве теперь в Германии уважают законы? Разве те самые националь-социалисты, которые, казалось бы, должны больше всех стоять на-страже буржуазной законности, не ломают эти законы, не разрушают рабочие клубы и не убивают безнаказанным рабочих? Я уже не говорю о рабочих, которые, как мне кажется, не верят в то, что есть право на обращение к буржуазной законности. Да, немцы значительно изменились за последнее время.

Людвиг. При каких условиях возможна окончательное и полное обединение рабочего класса под руководством одной партии? Почему, как говорят коммунисты, подобное обединение рабочего класса возможно только после пролетарской революции?

Сталин. Подобное обединение рабочего класса вокруг коммунистической партии легко всего может быть осуществлено в результате честолюбивой пролетарской революции. Но оно несомненно будет осуществлено в основном еще до революции.

Людвиг. Я являлся за честолюбие, честолюбие или помехой для деятельности крупной исторической личности?

Сталин. При различных условиях роль честолюбия различна. В зависимости от условий честолюбие может быть смущением или помехой для деятельности пролетарской революции, или же оно бывает помехой.

Людвиг. Я являлся ли Октябрьской революцией в каком-либо смысле продолжением или завершением Великой Французской Революции? Сталин. Октябрьская революция не является ни продолжением, ни завершением Великой Французской Революции. Целью французской революции была ликвидация феодализма для утверждения капитализма. Целью же Октябрьской революции является ликвидация капитализма для утверждения социализма

ОДИН ДЕНЬ БРИГАДЫ

Мимо трамвайных окоев с кинематографической быстротой пролетает пейзаж весеннего московского города.

— Возьмите билеты. Проходите вперед...

С улицы гадж...

«Убийство французского президента. Пропаганда войны? «Умер Думер!» Жаждя перелистывать газеты трамвайные пассажиры.

— Вы сходите у завода «Красный блок»?

Они встречаются на заводе

— Конечно схожу...
У «Красного блока»?
— Да, да...

— Здороуо, Астафьев! Я перед пыхающим лицом твоим не видел... Чем это за разговор о тебе был?

Разговор? Брак и свой синий до 0,08 проц. Больше ничего...

На «Красный блок», запертыйся в тихих Садовниках, собирается токарная смена.

Курзин идет с Москворецкой улицы. Он только что делал зарядку под рассудительным руководством инструктора.

«Приезжайте, раз...» Душа у него брат из «Мосэлектрике» работает). К призраку готовятся... Ради-а-а-а-а (а вчера вечером лекции интересны по технике были... А на заводе илою с технебой). Понтико никто из ребят ее не посещает...». Досвиданье, товарищи!

С Гогаринской улицы спешит Карпин. Фабричник-техник. С фабрики имени Ленинградского Техникума. Учился он писать на металле. Переквалифицировалась в ткачу на ткаре (сколько это стоит государству?).

Смена спешит на завод.

И кадровой рабочей семье мыслишки фабричной завода — им. Калинина Монсейкин, старой привычки (они работают на заводе и комсомолец (1927 г.). Техник Валенок седьмой год на про-изводстве. Выдвиженец, токарь.

А пот складу Микаров и Медведев? Ребята не знают, где они живут. Это полуквалифицированные первые и второразрядники. Медведев, говорит, деревенский. «Из колхозников? Единоличник?» Вопросы побеснят в воздухе.

БРИГАДЫ НЕ ЗНАЮТ СВОИХ БРИГАД-НИКОВ

Токарная смена (почти вся комсомольская) встает на работу.

Выполняются ударные заказы для Челябинска, для торфоразработки. Завод рождает прокладки для радиаторов автомобилей — лебедки, блоки.

Токарная смена ведет завод. Она не знает выходных. Она по очереди работает по ведущим на свободных станках.

Заказ для Челябинского завода должен быть сделан 25 мая.

Сладим досрочно.

Ударная бригада — новичок-комсомольца Астафьева, сына из четырех хорзасчетных молодежных бригад токарной смены, добывающей брак. Его осталось несколько сотых.

Токарная смена ведет завод.

Бригада Астафьева ведет токарную смену. Показали биографии Астафьева: 1911—1932 год. Кончил слесарно-механический фабзавтруду. Помогал родителям. Три года на производстве. Пять разряд. В яичеке — сборщик членских взносов. Маловато.

Зайдет: 1906—1927 гг. Кандидат партии. Инициатор соревнования между сменами на досрочное и лучшее выполнение ударных заданий. Был руководителем производственного сектора зерненки.

Еще два новичка. Монсейкин и Микаров. Раньше новички. Монсейкин с 1932 г. фабзак, старший мастер бригады. Оглавляет технический совет «Молодой машиностроителя», «Токарное дело».

Микаров с 1931 года. Не-фабзаковичин. Малоактивный парень. И никто им не интересуется.

И пятый в бригаде — Борисов, 1904 года рождения.

Вот бригада. Боец ударной бригады. Выросли в производственников и активистов два яичника — Астафьев (бригадир) и Монсейкин.

А бригада не работает над собой. Плохо с юмором. Никто из бригадчиков не может вспомнить, «когда это было последнее занятие

А после работы расходятся в разные концы города до следующего дня

И до гудка работают вместе

школы. Тот становится приятным и секрет Астафьева и Монсейкина. Почему они растут? Они пришли на завод с солдатским зарядом? Они фабзакчики.

Плохо в бригаде. Плохо на заводе с учебной. Есть на заводе курсы ДРО, но они не удовлетворяют. Астафьев ушел с курсов «Непрописано, ничего не дают...» Лучше сам сиду на «Токарном деле».

Непрописано. Да и сам техник-выдвалинечник Волосов, и тот не занимается.

И бригады не учатся. Почему парень становятся бригадчиком? В большинстве случаев — потому, что хороший фабзаковичин.

Вот смена. Состоит она как бригада? Нет. Расти? Слабошит. Ни многих заводах Замоскворечья яичник таках не работает с бригадами и районом тоже.

А все же смену ведет бригада Астафьев. 110—120 проц.

А все же ведет смену завод. Больше 100 проц. Несмотря ни на что.

...Кончилась день. Напряженный блоковский день. Кончилась работа бригады. Расходится по домам. В Марьину Рощу, в Шереметьевку, на Таганку.

Монсейкин Астафьев, Волосов садятся за книгу, за «Токарное дело», за газеты.

Несколько ребят остаются на курсах ДРО. А большинство бесцельно слоняется по двору. Дуют в футбол, в «орлинку», в «подкидного дурака».

А вечером — кино, театр. Без разбора в первую попавшуюся «загалоговку».

«Художественная восточная красавица» вращает эпизоды разъя.

Ударник Астафьев грустно шлет рублевый билет.

«Опять Барахло».

Снова на двор. Идет домой почитать — Жюль Верн, Джозеф Конрад, романы «За закрытой дверью», «шлюза Матильды Горького, Белымански... Случайно и без разбора...

Потом рабочий смена торжествует бригадчиков. Был ударник — еще вспоминает бригада. День и вечер прядильно противостоят друг другу — ударный день, бесцельный вечер.

Токарная смена работает над ударными заказами, по-большевистски работает.

Но токарная смена забыла работу над людьми, без которой невозможно никакая работа над заказами.

Токарная смена забыла политическую и техническую учебу, забыла изучение каждого молодого рабочего, забыла организовать культурного досуга. Она только выполняет проприципиальный.

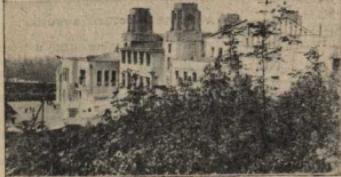
ЗА НОВЫЕ ПОБЕДЫ НА

Столицу Белоруссии Минск украсило новое здание библиотеки. В этом здании—миллион томов в книгах.

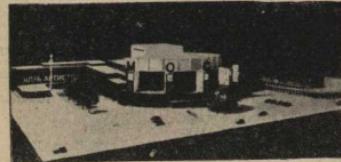
Харьковские пищевики отдыхают в своем новом клубе-театре

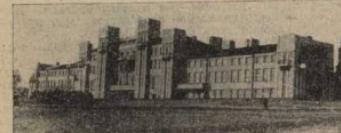
Рабочий клуб грозненских нефтяников

Право сидеть подэльские металлисты при царстве даже мечтать о таком клубе

Нравится ли вам проект нового театра МОССПС, принадлежащий архитектору Тауту (Берлин)?

Концертный дом культуры

Дальнейшее улучшение культурно-бытовых условий рабочего класса, в том числе и рабочей молодежи, улучшение рабочего снабжения, развертывание советской торговли—должны явиться неотъемлемой частью повседневной работы всех комсомольских организаций

Когда-то здесь был летний сад «Тиволи», здравница место развлечений московских купчиков—сейчас тут звуковой кино-театр Сокольнического парка культуры и отдыха, целиком обслуживаемый комсомольцами

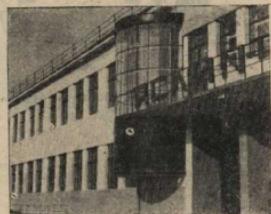
Специальная архитектурная столовая обслуживает рабочих электрозводства и другие предприятия

Эта новая фабрика кухни в Махачкале отпускает 48 тыс. сеедов в сутки

Комсомолец Голиков—слесарь Рыковского завода корчит кролика своего крольчатника

Новые ясли

Комсомольцы Бобо-котского филиала общественного питания—ясли—предоставляют общепиту в «Толовой» № 7 обеды и «запасы» овощей и отсутствие их в ясли

Дальнейшее улучшение культурно-бытового обслуживания трудящихся требует развертывания торговли перед самым новым торговым центром в гор. Кирове

ФРОНТЕ РАБОЧЕГО БЫТА

В этик съёмках домах, новых типов, построенных Фондом подольских рабочих, архитектором Николаем Григорьевичем

Выстроенный дом для специалистов Геопромугала в Свердловске

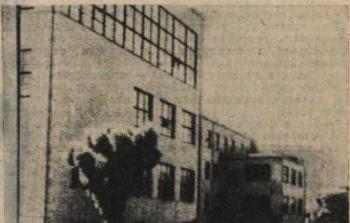
..Нынешний рабочий, наш советский рабочий хочет жить с покрытием всех своих материальных и культурных потребностей и в смысле продовольственного снабжения и в смысле жилищ и в смысле обеспечения культурных и всяких иных потребностей.

Он имеет на это право. И мы обязаны обеспечить ему эти условия"

И. СТАЛИН

Шахты строящегося в Москве метрополитена с изгибом: чем все глубже уходят в землю

В столице Белоруссии Минске вырос на пустыре огромный университетский городок

Краснодарский заленчуков первым в мире залечением цикло-ориентиро-ров Одесктреквида

Его дворе Тольятти по-закону фруктовые деревья

Шахтёры шахты № 101 спрягутся и бросятся в свое хорошо орудованной парижмашерской.

В наших жилищах не должно быть места клопам. Для инфекций уничтожают эпизодически средствами ядохимикатами

квартала — 85 процентов. Как вы думаете, ребята, достаточно ли этого, или нет?

— Янко не подскажет, — сказала Настя Андреева.

Тогда я на вашем месте, Орест Петрович, — это же мертвую женину сняла.

— Орест Петрович! — торжественно произнес Архангельский в погладил прорубь.

— Орест Петрович, вы угадали: мы пришли к вам как к законодателю учебной части по важному делу. Как поступить с этим Макакаром? Если мы его не раскроем, могут быть всякие неприятности.

— И обязательно будет, — поддержал Бусыгин. — По-моему, вопрос нужно поставить в разрез... в связи... в отношении успеваемости. За последнее время как-то перестали говорить про соревнование. Только и разговоров в школе, что про взрыв и про Манаска.

— Я понимаю, — сказал я, — виновник решил смыть умы, подмыл наше киеву, прополоскал Орест Петрович! он уже успел сбагрить ахулюху, набрать примус и поставить чайник.

— Но дело-то ясное, милая кажется, тут и думать нечего. Почти инвалида можно сказать, что такое Макакар.

— Кто же? в один голос спросили ребята.

— Кто же? — спросил я. Кто устроил самостройку в лаборатории? Кто лучше всех идет по ходу на это с лицами прошитыми? Я исклоняю Иванкину — она была больна...

— Да уж по психоному слушае и не Макакар, — смехом сказала Наташа.

— Ну так вот, — заключил Орест Петрович. — Наша бузотеры и срывальщики вряд ли способны к созданию Кто же тогда? Ответ может быть только один.

— Райкин! — твердо сказала Наташа Андреева, победив посмотрев кругом. — Я сразу догадалась, когда он покрасился, а потом даже заревел. Дело понятное. Если не он — затем же скажи красить?

— Это же Райкин, — уверенно ответил Бусыгин.

— Погодите? — Андреева резко повернулась к Вацьке. — Ну, доказала на факте, почему?

— Если я не могу доказать на факте, то ведь и ты не можешь доказать на факте, — съязвил ее ответом Васька. — Ну покрасился. Жалко из этого? Когда ребята все на тебя насекают, так ты тоже покрасрешся!

— И не подумай, — вскричала Наташа. — Вот сиди!

— А кроме этого покрасрешись ничего и нет. Не Райкин это, не здесь надо искать.

— Я вот что хочу сказать, ребята, т. е. тузьячики, — попротискала Наташа, взглянув на забуду. — А как вы ставите в связи, какое-нибудь отношение друг к другу имеете? — оттого что если надпись на пачках, испорченных чернилами и залыпками?

— Очень интересует, — убежденно отвечала Наташа. — Конечно имеет. Одна шайка-лайса работала, дело ясное.

— А если имеет, то видно Райкин совсем не тот, за кого мы его помыслили считать, — не уверенено сбормяка Наташа. — Как же так? С таким ником, скромным, никогда не бузотерит, прадца, он не пионер, но его интересует всем известный. Как до-банщик?

— Скорее всего, — сказала Орест Петрович, — Райкин мог устроить склонение каючи, написать мелу в чернильницах и подбросить фуфыши и умывальники?

— Да, это было ясно, — проговорил Орест Петрович. — Оно конечно трудно допустить. Но может быть Макакар и эта организация — разные фигуры?

— Нет, не разные, — вполне убежденно сказала Бусыгина. — Ни первые, когда сбормяком, прошибли, ни вторые — под подиумом «Макакар». Так что — не разные.

— А все-таки это Райкин. — Ну, — сказала Андреева, — я дала лясту, и для обуздательства маых кулаком в воздухе, предложила: — Во-первых, он интеллигентского происхождения; потом он постоянно молчит, неизвестно, чего думает; еще — он организован, неизвестно, чем; кроме того, он не пионер. Несколько со стороны общественности?

— Конечно аргументы не очень обуздательные, — отвечая Орест Петрович. — Но ведь нет больше следов.

— Что же делать? — Иванкина разверзла руслами. — Необходимо что-то предпринять, — что — никто не знает.

— Кто-нибудь говорит с Райкиным? — спросил Орест Петрович.

— Да же Райкин это, — с лосадой настигала Васька Бусыгину. — Происхождение его очевидно интеллигентское, ибо что же — отец таинстватор на железной дороге; это разве интеллигентское? В лаборатории у него и было,ничего особенного на это не делает, производит оны там, хочет какую-то особенную ракету строить, вот и все. А что он молчит — не жалеет трепетать и пустяк. А что он виноват — это ясно, и на кого бы то не было свое участие отрицать?

Конечно он будет отрицать — гордо сказала Наташа. — Ни один дурак тебе не сознается, что он жулик, а наоборот, будет отрицать. Я бы, пожалуй, и не думала на Райкина, если бы Серукх ходил в школу. А то он из дома приводит, и я не могу на него смотреть, он боится.

— Еле-еле вляпал да раз сказки Райкини, — все равно не поцер, — продолжил Бусыгин.

— Затвердил и добрал, как дядя.

— По-моему, Орест Петрович, — сказал Архангельский, — надо вот что сделать. Надо организовать питер, который будет по всему школе дежурить. Сторожка, которая сидит в коридоре, должна дежурить все ходы и выходы. И помочь им изловить.

— И не было бы надобности ни в каком питере, — сказала Орест Петрович, — и никаких превышающих мер не нужно было бы применять, если бы не страшность, я бы сказала, двусторонность этой инцидентной истории. С другой стороны, мы имеем весьма положительный факт: изобретение — прадца, несовершеннолетний, но все же дохахающийся работу мыши на пользу школы. А с другой стороны, мы имеем определенное хулиганство, кладущееся к срыву занятий и в школе недопустимое.

— Питет, — кратко сказала Наташа. — Я первая согласна.

— Ну, Иванкина болела, — заключила Бусыгина, — так что ей нечего, а я ворду тоже. И сегодня же поспею начин.

— Не позже двенадцати оставайтесь в школе, — распорядился Орест Петрович.

— Положитесь на меня, — торжественно обявила Архангельский. — Я — предучомка и за все отвечаю.

— А если Макакар не появится? — спросила Иванкина, но ответа не получила. Ребята затерпелись и, отдавшись от чая, попрощались с запасом.

В школе еще были открыты мастерские по расписанию первом в них работали и шестнадцатом. Орест Петрович и Архангельский обняли все скамьи, особенно тщательно обмыкли химическую лабораторию и не нашли никаких следов Макакара. Надпись на пачке была старта еще утром, в чернильница налили спирея чернила и ребята решили перегорить со сторожем и уборщицей, жившими в школьном доме.

— А дальше что? — с философским раздумием спросила старая Федосечка, шевеля ксерогой в пачке.

— Нешто уедешь? — Всё с семи часов, ессе свету нет, а ребята пришли...

— Есть, конечно, которое озорники, — из, с тех разве спросишь? Да они, как вьюны. Вот взять — Макакар Сирюх. Ходят в очках, пархе — учитель, а безобразничает хуко, пархе — учитель, — спросил Федосечка.

— Ты что это Сирюх, по-моему, музыка бросала в чернила? — перебила поток философских рассуждений Наташа Андреева.

— Да мы уж комиссия организовала, — спешно отвечая Федосечка. — Не могу я этого сказать, а почему не могу — это знаю. Не видел я никого, кто уехал почтой три дня не видел.

— А может быть он почтой приходит? — спросила Васька.

— Не могит этого быть — почию, — уверена по-ответчи Федосечка. — Но чию вся школа крузогат, погоди же и хожу... А как проснуться так ходить?

— А разве ты не спишь, Федосечка? — педо: перипетиями спросила Наташа.

— Где спать — моя седьмая десятка, — заморгавши вьюжки, проворзил Федосечка. — Ну, какие волчачки и поспишь за ночь... А то все ходишь...

— И проплаччи пока ничего не было в школе? — спросила Васька.

— Чисто-чисто, — запрокинувши — никакого было. Ольга винши. Хотел я кота достать — есть кот, знаменитый кот, у соседей живет. Ну, не дают. Уж я так просил — не дают. А кот какой? Не то спиринка, не то французский кот, очень хороший кот.

— Ну, мы котов не ловим, — возразил Васька.

— Вот что Федосечка, ты никому не говори,

даже убежище мы с Андреевой сегодня почь будем злос.

— Да мне, что говорят! — ответил Федосечка.

— Какое мне дело говорить! Только чтобы,

ребята, без озорства. Чтобы этого и такого прочего ничего не было у меня!

— Ничего этого и такого прочего не будет, — обзванив Архангельский. — Разве не знаешь, кто я?

— Извините кто — папан, — философски спросила Бусыгина.

— Не папан, а предучомка, — поправил Архангельский. — Запомни это. А теперь — к уборщице, товариши!

Уборщица, Александра Петровна, была женщина степенная и рассудительная. Она уверила ребят, что обе прошлые ночи никто из ребят в школе не был — двери запирались ходите только внутренними, замки наружные, — когда матери засорялись рабы, это когда она утром ходит в лазури за хлебом, и школе осталась одна Федосечка.

— А он почему что совсем сладок, — добавила Александра Петровна. — Он и под носом-то у себя ничего не видит.

Ребята, поглощенные в мастерских, шумно паливали разведенки и через пять минут школа совсем опустела.

— А вы что здесь товариши? — спросил цитовский инструктор, подходя к Бусыгину и Андреевой. — Я кстати хотел с вами говорить. Вы как, располагаете временем? Ест меня завтра производственные обучением: все не так да не так, как я работаю, как нас учат, а он требует совсем не этого, можно сказать — излучает веши наизнанку.

Сергей Федорыч, он рабочий, старый производственник, — сказала Андреева. — Его и назначили к нам как связь с производством.

— Да я все это знаю. Тут дело не в том, что я старый производственник, — отвечал Федорыч, — а в том, что я прорва. Ребята мы выдалины инструктором, да еще посыпали на пытковые курсы, значит и тоже не Ванька какой-нибудь. А это очень даже обидно. Я в плане обучения вплюк постепенности, стараюсь, как ясно ученикам курсах, а он все палихи в колеса вставляет...

— Ты же поговоришь с авчуном, с Орестом Петровичем, — посоветовала Васька Бусыгина.

— Говорил. Толку никакого нет. Выходит, что авч, производством — сам по себе, а учебной частью — сам по себе. Прямо хоть бросай...

Каждый день он меня тонит... Прямо — обрати на производство хулу проситься, не выдерживай и этой точки.

— А я тебе скажу, — сказала Васька. — Вот у нас затруднения какие: старый вожатый ушел, от новой мы сами отказалось. Теперь пионеры без вожатого в школе шутят, что творится... Так если бы мы рассуждали вроде тебя, так и нам пришло бы так статье в проще, как бежать из школы... А мы так не становим вопрос: мы действуем. Видишь, пришли дежурить.

— А значит почко в школе дежурить? — спросил инструктор.

— Да так-так, — глядя в сторону, ответила Наташа.

— Значит нужно.

— А почему ему не сказать? — спросил Васька.

— Он может не послушать, — спросил инструктор.

— А че чай, — спросил инструктор.

— Ты коли хочешь, говори, а я буду молчать, как узлы, — тяжело сказала Наташа.

— Если хочешь нарушить условия, так говори.

— А и ничего в этом неliqu особенного, — сказала Васька. — Это, видишь, часдес в школе творится: находит заслонки, заслонки, заслонки, в школе творится, на пачках чудиши всякие, но никако, кто этим занимается. Мы решим прорвать — не по начам ли это оруют?

— А еще я смыкал про какого-то Макакара, — сказал инструктор. — Будто появился в школе-то Макар, и не могут узнать, кто это такое.

— Вот-вот, — подтвердила Васька — Только не Макар, а Макакар. Это неизвестно кто так расплескал на яицца, который наимен в химической лаборатории.

— Опять с каким-нибудь вариантом? — насторожился инструктор.

— Чисто-чисто, — ответил Васька.

— Воршаша и не пахнет, наоборот, в школе — изобретение, которое будто пред-хранит от газовых взрывов...

— Не будто бы, а на самом деле, — перебила Наташа. — Мария Григорьевна говорит, что идея правильная, что батарея только не будет действовать, а все остальное, то есть принцип это правильный.

— А это что? — спросил инструктор.

— Это... — сказал инструктор.

— Чисто-чисто, — ответил Васька.

— Чисто-чисто, — сказала Васька.

— Чисто-чисто, — ответил инструктор.

— Чисто-чисто, — сказала Васька.

— Чисто-чисто, — ответил инструктор.

— Чисто-чисто, — сказала Васька.

— Чисто-чисто, — ответил инструктор.

— Чисто-чисто, — сказала Васька.

— Чисто-чисто, — ответил инструктор.

— Чисто-чисто, — сказала Васька.

— Чисто-чисто, — ответил инструктор.

— Чисто-чисто, — сказала Васька.

— Чисто-чисто, — ответил инструктор.

— Чисто-чисто, — сказала Васька.

— Чисто-чисто, — ответил инструктор.

— Чисто-чисто, — сказала Васька.

— Чисто-чисто, — ответил инструктор.

ставит по соревнованию. Многие думают на Ракинка, а я убежден, что это он же Ракин.

— Ракин? Вряд ли, — сказал инструктор. — Он дальний парень. Только, по-моему, ребята, ни к чему все это задумали. Совсем при разводят пингвинопоницами. Тут другой способ подходит нужен.

— А что ж делать-то? — недовольно спросила Настя. — Ребята на уроках только и болтают, что надо делать. Заранее в всей школе пошли. Говорят уже у мальчиков, в первой ступени, возникли какие-то Макаринчики.

— Вот и выходят, что мы не умеем энергично направлять по правильной руслу, — промолвил инструктор. — А кружки у вас работают?

— Работают на все сто процентов! — поспешно сказала предученица.

— Некоторые работают, — поправил Васька.

— Некоторые... Тут нужно не некоторые, а вполне определенные. Калоши, говоришь, склеивают? Меду в черепаху насыпают? Надписи на них делают?

— И не простые, — пояснил Васька. — На ходовой печи ничего не видно, а как затянут тут надписи выступают.

— Так что есть у вас кроме инструктора, — Яркий факт, что нужно уяснить технические кружки... Химического-то кружок есть?

— Нет, нету, — как-то поборолся с инструктором, ответила Настя. — А ведь это правильно. Мне как-то в голову не приходило. Ребята у нас во как химиков интересуются, а химического кружка нету.

— Это потому, что Мария Григорьевна и так больше времени уделяет, чем нужно, — сказал Васька.

— Ну, все равно там, почему, — сказала инструкторша. Вот и надо заместы химических кружков. Тогда у ребят будет возможность заниматься правильно, по плану. А не пинкетом-оптической заниматься... Ну, прощайте, ребята. Мне пора. Понесите мозгами настичь химикружка.

Он ушел. Из раздевалки было слышно, как кряхтят в своей каморке Федосеня. Издалека доносились грохот трамвай. Было странно и немного жутко в пустынной, едва освещенной школе.

— Пойдем в кабинет по родному, — предложил Васька.

— Да, лучше быть близле к выходам, — ответил Архангельский.

— А все ли машины были бы спрятаны?

Голоса звучали глухо и неуверенно. «Пожалуй, ничего не найдем, только зря время потратим», — пронеслось в голове у Васьки. — Лучше бы в доме же математике подanziлся».

В этот момент извнера послышалась какофония звука: то половина треснула, то щелкнула, как-то замок.

Что это? — спросила Настя и шагнула к двери. — Вздохнула, сунувшись ее уже бросилась, махая через носком рукой, впереди. Дрожащей рукой он выхватил из кармана поницей фонарик, и колеблющийся систовой круг побежал по полу перед ними. В коридоре никого не было, и Васька, по окраине распахивавши двери, стал заглядывать в кабинеты и лаборатории. Звук повторился вспышкой и грохотом.

— Опять! — сказала Настя, и ее голос показался Ваське слишком громким. Васька открыл дверь математического кабинета и склонил скобу. Дверь не отворилась.

— Разумеется, заперто было? — шепотом спросил Васька.

Хорошо помню, что дверь была открыта, — произнесла в ответ Настя. — Ты двери, конечно, может дверь осела.

— Осторожней, товарищи, — донесся с лестницы смехистий юнот Шотландского. — Возможно, они с оружием.

— Кто — оли? Чего еще огораживать? — Васька рванул дверь, она склека поддалась, чтобы ту же опять захлопнуться.

— Там кто-то есть! — закричала Настя. — Драгоценный сны!

Ударом скатались они за скобу. Васька влез в коридор, в стоящую дверь распахнувшись влетело тело, что Васька с грохотом полетел на пол, но тут же вскочил и ринулся в кабинет, махая фонариком.

Кто тут? — кричала Настя. — Сейчас же влезай, все равно найдем.

— За кого он сидит? — раздражаясь вспыхнула голова из угла. — Валезай, Кинючка. Что ты тут делаешь?

...Завуч и завхоз рассматривали довольно большой ящик

— А ты сам что делал? — слегка перебравшись, ответил Кинючкин.

Ну, ты не ошибь, — строго сказала Настя.

— Ты не ошибь, — говорил Кинючкин, окончательно сознавая, что ты тут делаешь? Хватай сюза карманы, Васька, посмотрим, что у него в карманах.

Ничего у меня в карманах нет, — слегка смущенно отвечал Кинючкин.

— Вперед, двери и с фонариком гаштательно

ищите все, что можно, — продолжал Кинючкин.

А я здесь занимался, а потом снять заключение, — ободряюще, проползая, проговаривал Кинючкин.

А потом засел под стол, да и заснул. Вот и все.

— Ну, это из ужкого придется застраховать, — грозил

и навязывая Архангельский, повязавшись в кабинете. — А теперь марш домой.

Ребята выпроводили Кинючкина, снова захлопнув двери и с фонариком гаштательно обискав все, что можно, помещения. Больше ничего иного не удалось. Продолжая до двенадцати часов, Архангельский, Алексеева и Бусагин, гаштательно, по домам. Федосеня залез за папиные двери.

А наутро, когда протопыла печка, на изразцах появилась надпись:

«Как ни ловите, все равно не поймаете яккакар».

Кинючкин, Кинючка и Ульяница особенно старались Архангельский; но Кинючкин утверждал, что ничего не знает, что осталось в школе случайно, потому что забыла.

НОВЫЙ ВОЖДЯТ

Выходя после уроков во двор, Васька Бусагин, как всегда, нанес резкий удар по голове, чтобы снять склон. Часто ребята заседали за склонные бугры в углу двора и обстреливали проходящих. Не долго думая, Васька стал отвечать. К нему присоединились другие ребята, и сейчас же начато боярство.

— Мы — китайские снайперы! — кричали ребята из-за бугров. — А мы японцы, мы вас не пустим!

Однажды склоном со лхом, трачуясь на Дзюба по тому, что он опустился довольно сильно землю. Васька ободрялся и, закрываясь руками, полз прямо на бугор. Склоном согрецоводицами на нем, сзади Васьки приблизились оголые ребята, и склон свалился в прах, не доходя уже по ту сторону бугров. Тогда измельчили. С особым настаждением склон вновь поднялся, и ребята, которые были подкованы, и Ваську подогнали с ног. Капончики сел на него перехол и стал молотить кулаками. Дело это уже не первое. Вспыхнули вырываться, но не смог — только апендицы в ногу Капончики, стараясь лягнуть по подошвам. Капончики молотил все сильнее и сильнее. В этот момент чисто склонная рука сорвала кулаки с Васьки и занесла в широкий угол. Ребята, залавливавшиеся, смотрели с удивлением на невидимого парня в кукане и русском фраке. Парень засунул руки в карманы, рассматривая ребят с любопытством, потом сказал:

— Деволюю колбасы! Пицеры?

— Я — провожающий, — сообщил Васька.

— А я сам покажу и есть, из разборкой? — изменил Васька. — Меня Дзюба. Запомнили? Ну, пойдем в школу, устроим сейчас сбор. Генгут третиться! Деволюю колбасы!

— Это какой же теперь колбасы, что-то не понимаю, — произнес Капончики, следуя за воюющим.

— Капончики, — отчитался вождь. — А почему, ребята предстанут передо мной?

— Говорят, не по нем пионерской работы, — сказала Васька. — Это — Виктор. А тут другую девчонку привезли, так мы сами подсыпали ее убрать. Она пришла и приютила командовать, чище Буденного. Только и знает капитануку да орат. А у нас в школе разные собачки... разобрать бы надо, но не даришь...

— Это что — вразмы? — спросила Дзюба.

— Кроме пармы есть... — продолжал информировать Васька. — Сегодня тут армия подоспела, хотела и разделанные склеры, в воздуху дышили парфюмы, и чечены — мечу...

— Кто же это оружило?

— Неважно, — отрезал вождь. — У меня никого нет интересующего, но пот Раилью, нападающим, им для лаборатории или для ракеты; а Серуку с кампанией — они для озорства...

— Как такое для озорства? — отчиталась Капончики. — Не японцы, так и не я горючи. Привезли все на Серуку налив, зам и не каплю.

— Ты лучше скажи, — отчиталась настаждительно заместитель Архангельского, — Евсеево пепельно, замч в том школе що было.

— Весь и ты был! — отрезалась Капончики.

Дзюба сел на подоконник, вытираясь на карман запыленную скатерть, какие-то газетные загарзки и, огладив ребята, сказал:

— Ну, вот какая ясно. Так как я не покорялся раза пронесенный, то я тоже буду повторять. Это подор. Но я не знаю, сколько будет всем, потому что ребята учатались, готовятся быть строителями социализма, а я что тут делает?

Мы тоже говоримся быть строителями социализма, — отчиталась Настя Андреева.

— Что-то не ложе, — сказал Дзюба. — Это трошки. Вам не приходило в голову, ребята, что во всех этих представлениях есть такая же проблема, как склон? Конечно же, есть склон, как склон, что большинство из нас лет разбросаны, но это не главное. Вот за границей есть социалисты из рабочих. А вам известна, ребята, какая вещь? Вы знаете, что за границей про ваши школы пишут?

— Не знаем, — сказала Капончики.

— Я думаю, если бы я знал, не стала бы изрываться.

— А вы тоже нарывались и не устраивали, — передала Настя Андреева.

— А кто же? Заведующий учебной частью, что ли? Или учителяница химии? Нет, тут без

ребят дело не обвязалось, и кончины к тому же пришла. А значит, загадочные буржуйских генов вот чо. Дзюба взял одну из выпущенных и прочел: «Советская школа перекрывает полный развал». Среди учеников — познейший узник дисциплины, отсутствие стремления к знаниям и общая распущенность доводили до открытых выступлений. Ни-лих в одной из советских школ произошел взрыв в химическом лаборатории. Всего это явилось результатом политики советской власти в отношении пропаганды советской идеологии, предпринятой с самого образования. Вот что пишут за границей. А давайте вы, ребята, зачем все это пишут?

Понимаем, — ответила Васька Бусагин.

— Ну, скажи, зачем?

— Для того все это пишут, что хотят начать войну против Советского союза.

— Ты... — начал новый вождь. — А чем это может им помешать? — спросил Дзюба. — Ты, — сказал Настя Андреева. — Они хотят создать такое мнение, что в Советском Союзе вообще все очень плохо и никуля не горится. И чтобы рабочие не вернулись в Советский союз и шли волнистом против него.

— А выходят, ребята, что мы изменили частоту, помогают, вот что пишут. Вот это и есть познание, — сказал Дзюба загоревший Дзюба. — Всегда в школе, всегда среди взрослых, даже вот то, что калоши склеили или чернила испахали, все это отмывается за границей в пользу империалистов. Как вы думаете?

Ребята молчали.

— Или из-за такого ображения, — продолжал Дзюба. — А значит, что в школе, порты, чернила, калоши, кашлицы, политически склоненные, безграмотные ребята. Каковы, по-твоему, мечты добываются коммунистами?

— Всемирной революции и победить всех буржуев, — уверенно произнес Карманов.

— Всебогого счастья на земле, — сказал Райкин.

— Установление общего коммунизма и равенства всех, — добавил Васька Бусагин. — Помышляешь еще голоса.

Уничтожить границы между людьми.

— Прекратить война и вообще всякое вооружение.

Чтобы рабочим было хорошо.

— Ну бывает это, — сказал Дзюба. — Ну бывает установлено коммунизм. Предполагают, что в мире будет один народ, один язык, один разум, во всех странах, процветающей она и в странах такая высоко развитой техники, как Америка. Капиталисты проглатывают занятий постройкой бесклассового общества. Само собой разумеется, что всякие войны кончины. Чем толку займется человечество? Денеги будут уничтожены, так же как и капиталы.

— Да, мы это хотели, — сказала Васька Бусагина. — Всегда ощущалось опасение, что Дзюба загоревший классы. Еще долго придется вести борьбу со злобными миордами кудаками.

— Стройте будущее, — сказала Настя Андреева.

— Да, стройте, а это строится, — сказала Дзюба. — Тут все дело надо понимать как: капиталисты делают вещи для потребностей отдельных элит. Коммунизм будет делать вещи для

всех. Вещи и машины пойдут на службу всему человечеству. Возьмите такие пробы, как пустыня Сахара или пустыня Гоби. Ведь это приходят бесконечные пространства земли. Или поляса. Неписьковая необозримая энергия океана. Если бы коммунисты установили в конце XIX века, в веке машин, вспышки, которые были вспышками были бы на покорение пространства и страны. Но ради всех этих целей сегодня совершенно необходимо, чтобы человек вполне овладел всеми, что это самые Макакары захотели обратного, а именно, чтобы венцы командированы были. Теперь надо установить: ради чего старался Макакар? Но-может, ради того, чтобы завоевывать в школе и этим самым затруднить строительство социализма в вашей стране. Извините, но это же не тем! — выразилась у Карманова.

Ребята, как по команде, повернулись к Карманову.

— Ага, — сказала Настя Андреева, — значит это ты?

— Он — Капончики, — сказал Архангельский. Наш пистер сегодня ночью изволил Капончики.

— Ну, сознайтесь, — дружелюбно сказал Дзюба. — Бросьте бузаны, ребята. Много интересных дел найдется — стоит только захотеть.

— Да это все Серурук, — крикнул отварчивавшийся Капончики.

— Я ему говорил: «Макса, не налез». А он все это делает.

— Я так и знал, что Серурук — горячая голова, — произнесла Настя Андреева. — Недаром тридцать лет в школе на ходят.

— Да ведь ты говорила про Раилью! — с неудовольствием спросил Васька Бусагин.

— Ну, что ж, что говорила. А думала на Серуку.

— А почему Макакар? — спросила Иванкина.

— Очень просто почему, — чувствуя себя гигиеном для и верти во все стороны своей пинь-головой, said: объясняет Карманов. — Макс Серурук — это Макс, Капончики — это Ка, а я — Ка.

— Деинституально, просто, — разозорованно сказала Архангельский. — Как это и сразу не догадался?

— А глупы мы были противогазный прибор с любопытством спросил Раилью.

— Охула, охула, — пренебрежительно отвел Карманов. — На опытной технической станции сделали, вил и все.

— А за каким шутом во все эти чудеса предполагают? — спросил Васька.

— Мы с Серурук обиделись, что нас во изувече подозревают. И ушли решить показать себя.

— Эх, вы — скрепы! Дзюба и взгляну в окошко на струйку. — Такая замечательная новая школа для вас строится. Ведь это что? Семь этажей. А какие окна! Неужели мы и в новое здание потянут с собой всю эту макакаровщину?

— Ну уж нет, — твердо ответил Васька Бусагин. — Мы ее еще в старом доме лакомим как класс.

ПАВЕЛ ЖЕЛЕЗНОВ**Н А Р Ъ Е Р А Н А Р А С Я**

Отец его рабочим

И жил их в коттедже.

Но знал, что сыновья

Погибли в первомече.

Оцу работой черной.

Дзюба черный хлеб.

А Васька — беспринципный,

Воровина с малых лет.

И глаза Васьки зорко.

По-сторонам коры.

Быстро, исторгая.

У Василья-Карася:

«На то и шук в море,

Чтоб не дремал карась.

Но то и агент в МУРе,

Чтоб трубы были красть.

Курильщик папиросы,

И кирпичной бася,

Ругался хлеще взрослым,

Как матер боссы,

Ждала его «житух».

Что дальше, то страшней,

Пропал бы он, как муха,

В любой другой стране.

Но у советской власти

К «жизненной» силой подходит

— Эй, Васька, в жизнь вылезай-ка!

Сказали ему завод.

— Даудж и наказывай,

А навык грудовой,

Чтоб бы не на вокзале,

А на земле,

И вон он в комодове.

Во сне и называй?

Он не вернется к «воле».

Из школы ФЗУ,

Азарт, что шел на кражу,

Переключен на грудь,

Чтобы не всплыл в грязи.

Работы по интури?

Он знал новой верен

Без грязких слов и кланя,

И новой стал — уверенный,

Не бегающий взгляда.

И сам экипированный,

В новеньком во всем —

Ударник премированый

Василий Карасев.

Летозаготовки

Помимо Москве рабочих, по-новому хочет и отдыхать.

Десять миллионов человек войдут за это лето в ворота Центрального парка культуры и отдыха. Миллионы потребуют высокого качества, и на него, на качество образцового отеля, надеются.

В одно (как и в другое и третье) прекрасное июньское утро пыходники спрыгивают с трамвая. Входы в Парк радужно «вспыхивают» посетителей. Будьте картины, товариши посетители, копайтесь в культурном ассортименте Парка, пробуйте его вкус и цвет — пишите каждым себе по потребности.

«Техника, дай 5 в 4» — решает смелый изобретатель Всеволод Иванович Шиншин, мастер завода № 1. И он пойдет нововидеть с техникой.

Наша новая техника летних салонов с его зверьголовой, силомордой и весами (один лишь улавливает свое здоровье), Этахкая техника не уважена Центральным парком. Ни в Нескучном саду, ни в других, тоже не скучных и живых углах Парка, не найдется жилья-лоцили для техубийц и музейной скучинки.

Модели румыни проглатывают. Показывать на технические гимнастики, дающие машинам, движущимся и работающим, — это что равняется темпородок Парка.

Мы увидим, где заменят кость, ширнувшись в пащах; мы зайдем потолкаться с консультантами в один из 20 научных кабинетов; чернокожие оболохи изобретут телефон и на производственных спиртзаводах выработают чистую техника, смекали и знания. Но мусорный мор, а до краса наполнение жизни гектары Парка найдем мы в текгородке. Сортируя геологом отложения Нескучного сада перелистуем нам родословную земли, и на массовых технических съездах миллионы внесут свои творческие заявки в проекты второй пятилетки.

Текгородок будет дышать легкими патисками и двигаться по комисии решений XVII партконференции.

Достижения техники вылезут из проекта и выложатся в первые изумрудные посетители Теленазар — где глядят на землю в тысячи километров, говорящая бумага, изобразительные статуи и машины — они, эта чудесная тяжеловеса и аллюминиевые чемпионы веса «перас», пройдут здесь в параде патисками.

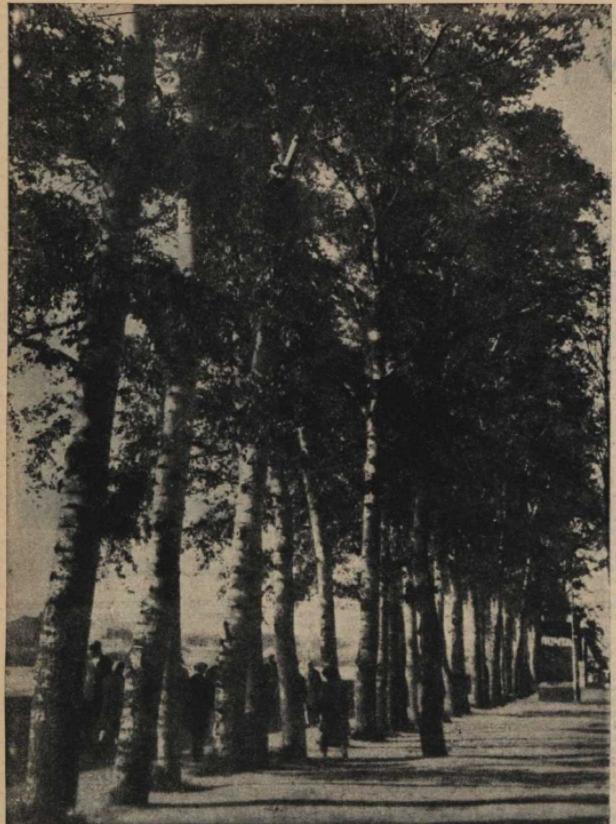
Здесь в «Зале звезд» встретятся лучшие, а поэты, которые собрались за чашкой чая обменяться опытом и обсудить тему, тем, что еще никак не созвано с техникой, кто не сумел еще пограть ее в узрьи патисками.

Это будет, но сегодня пленки лесов еще укутывают городок техники. Июнь принес, как видите, именно в иное, по городок техники не сумел. Это делница НКТадспрома в Парке будет вчера всплыла из склону просекта, и решимый Шиншин может наследовать техникой, в лучшем случае изумленные взгляи текиропла.

«Стой, на шагу мимо Осозадакина». «Фигуры не то что с пальмами временем», — напоминает нам Дом сбераю Парка.

Как пантерий всплывает небо в предмете потолка, так и весенний уголок — фриз, уместившийся на задоне. Впрочем здесь же и тут Можно приготавливать к газовным атакам, сидя в погротке «Казармы газоокуривания» и репетировать на сцене в парковом театре свою роль в противогазодушной обороны. Здесь из колыма Нескучного вскарабкается военичиравший лагерь и ококо полотняных стен за бурлит военная трибуировка. Здесь же мелко-калиберный тир, голубиная станция, мансард с прокатом местных рыбаков, площадка служебных собак, и Ольга-Семенка сможет привести своего «бульдца» в этот вечерний собачий визу без отрыва от производства.

Сверху: тенистая аллея в Центре, парке культуры и отдыха (ЦПКиО), снизу: пруд в ПКиО.
Фото Б. Иванского.

Тут же на прищадке стоит московецкая «Аврора» — исподиющий обаяния дреднайт, а края парка — деревья и пальмы. На нем одолевают «залив» восенекорой и зеленью будущего. Морские волны с «Красного прометейя» Гознака штурмуют сигнализацию, греблю и, боязь ногой в меланхоличной Москва-реке, пытаются вызвать подобие шквалов.

Мы не рисуем замечательных портретов пламерных стаций и других объектов, ибо и весенний парк — это летнее изумрудно-заготовка. Он еще в стадии становления, — как что ни будите у него большие интересные залей, чем на площадках Парка. А лучше бы не заборот.

Я уверен, что техник Уильямс — парень весел ворожий, точно он всю жизнь проводит в трамвае, — даже он просияет под лучами летней культуры Парка.

Довольно летней хватлы. Дополнительно взмущут в мутной лице «Аквариумов».

Малый, Ленинградский театр драмы, бывший Красный (все еще почему-то бывший, а не настоящий) и Мейерхольда играют этим летом в Парке.

Музыкальная программа филармонии, Шапито, ГОМЕЦ, 6 открытых эстрад и большое звуковое кино — это зреющая заставка.

— С солнцем, воздухом и водой договоренное — соглашает нас физкультурный сектор. — Бирюзовая погода заготовлена нам удовлетворительное лето.

Леи и писки горят. Здесь развертывается гигантский физкультурно-оздоровительный комбинат.

Аэродром (подземные ванны), солярии, школы плавания (10 тысяч обустроенных плаката), 400 лодок, школа гребли (100 тысяч обустроенных), байдарки, моторки, площадки для водномобила и т. д.

За лето 60 тысяч человек получат в Парке аттестат боевой престижности, сдав нормы «Б от оз к труду и обороне», и полтораста тысяч выходников пропустят однодневный докторат Парка.

Протягивается 9 километров новых дорожек, а мильон цветов украсят и без того привное лицо Парка.

Таков остав летней работы Центрального парка культуры и отдыха. Увы, пока это — путеводитель, написанный в будущем времени, так как значительная доля объектов еще не стала на ноги. Строительство идет рабочими темпами, а посетители хотят иметь Парк готовым полностью — сегодня.

Под навесом от Центрального отпочковался Сокольнический парк, по горло укутанный зеленью соснового массива. Этот Парк поднял землю культурной революции на тысячу га.

В отличие от тесного Центрального парка, где лошади уединяются в зверинце, а выставки живут в теплицах, в Сокольниках деспотизм отсутствует. Это уже удивительно. В то время как в Центральном парке вчера привнесли измененную голубицу, а хвости вырастает у кинеса Сокольники — «легкие Москвы», — дышат ровно и спокойно.

Сокольники разместились острожками, круг зрителей театром, библиотеками, площадью профсоюзов и т. д.

Мы не можем уходить с реки, — заявил нам приглашение к водоподъемнику. — Какая же у нас будет культура?

Будьте покойны! Интересы страдающих водников и плотоны приглашают к лодкам и плотам тоже изыты на учет. По Москве-реке будет передвигаться плазузы культуры — плот с листами, плот с птицами и овощами.

Одиночка, приведенная в Парк, не придется искать бордюр в поисках, где бы его предпринять? Он сможет купить «карточку одиночки» на день, на полдня и получить по ней полный рацион Парка.

Можно упокоинить еще семечки, что ребята будут теперь обследоваться не только в детском, но и всему Парку. Семечки смогут брать широкие платы, коврики, грядки и саженцы.

Сверху — беседка над Москвой-рекой
Снизу — уголок Сокольнического парка культуры и отдыха.

Фото Б. Иванченко и Богдана

Летом Парк, перешедший на полный хозрасчет, израсходует 6 миллионов рублей.

Поле отдано физкультуре, велостанции, тиры и пр. Объекты стоят в разномногом строю, отделены зеленой рекой богатейшего леса, где проходят соревнования по спортивному плаванию — это уже блестящий отдых, уже купание в чистине и исключение легкая способность газуемым.

Однако хотят и Сокольники торжествовать, это торжество человеческого обновления на поезд и бессудного плавания ему по целикам. Только только пропагандируется физкультурбаза, так как оказывается, что Парк целился на стадион ЦДКА, который воевал конечно ему дарниц и не собирается. Строится столовая, чинятся коридоры для тенниса, идет ремонт в детской столовой.

Открытая сцена в Сокольническом парке привлекает тысячи отдыхающих

Сокольники, вы проморгали отход поезда!

Шеголи склонности к изящной словесности, Парк украсил свой лесной вестником полугодами, причем назначение которых — вызвать отвращение к стихам:

«Кому хата граа не распи
Того и парк не пусти!» т. д.

Москва обрастает районными парками. Фрунзенский, Краснопресненский, парк «Красные богатыри» поднялись на рабочих стройках. Однако если увидеть в этих парках культуры и отдыха на заводе, то обратного летнего сезона, — и первое газеты своим. Это уже оптика и ее развилище — онконтрольство. Весь Парк — это культурно-массовый комплекс, это организатор досуга миллиона рабочих. Нельзя делать Парк, а Парк не может. История пора паркам разглядеть в более патоке шестидесяти и отказаться от актуальной коррекции как сезонника, так и квалифицированного инженера одинаковой культурной пищевой. Требуется дифференцированный подход.

Летняя читальня в Сокольническом парке

Летом гораздо приятнее поработать на свежем воздухе в культбазе ЦПК и О, чем в душных стенах библиотеки

Если Шеголи пахнуло притяжение в молодежную яругу, то почему парки культуры шире пропагандируют только песни ВАИМ, где массовость определяется вспышками «Эй!» и «Эх!», а прогрессарека целеустремленностью повторения слова «Даешь!»?

И потому у Маркса ведь не начальствовало антидемократии при социализме, а парки изодрали всеобщую скромность, а парки изодрали парки. Парка изодрали бы письмо ушибаться. В Сокольниках единственный уголок коммура — это лозунги, да и те не в самом Парке. Сам Парк настроен чинно, сердечно — ему не до шуток.

Левиафании капиталистических городов с протянутой рукой подают колпакам на пандусах «Бонни-Сити» и Бирмингем-Джем. Филадельфия не платят жалование 25 тысячам городских служащих. Нью-Йорк, Чикаго и 80 городских муниципалитетов Германии обзывают себя неплатежеспособными. Город Штеттер забрал все школы и большую часть больниц.

Летнее солнце закрыто тучами крыши, и если бессработный металлист из Западногерманской земли «дамум», то это потому, что воично вынужденный его из квартиры на скамье гордильски обречены.

Беседка над Москвой-рекой

ШУРА БОГДАНОВА

Шура Богданова приехала из славной стороны из всей деревни Борисовской. И когда уже закончился спектакль, я спросил у нее, почему эта эпопея такого живого и интересного. Но в то же время она открыто помахала, что итти в отряд — это значит несессо проводить вечер, приобрести десятки очень хороших товарищ, итти в отряд — это значит научиться читать и писать грамотно, чтобы коммунистом быть и республиканцем. Оставшись же у хозяйки — это значило работать с утра и до ночи, ибо не только Шура не знала об охране труда, но и охрана труда не знала о Шуре.

Жизненный путь Шуры — путь сотен и тысяч рабочих подростков.

Шура Богданова почти не поймала своих родителей, в 1917 году они попали в один из первых приютов. Впрочем, было головоломно не отыскать неделими. И, не выдержав, Шура ушла в деревню батраком.

Однажды на деревенской ярмарке извозчик из ткацкого батрака работал Радио батраком, был для него особо привлекательным, помимо работы по хозяйству, привлекло погонять холмских детей. Несколько раз Шура пыталась уйти, но, маленькая, согретая перегородкой, не знала, куда, не зная, где ей искать помощи и защиты.

Длинный, бесконечный обзором портфеля, эти, мечты, годы, были воспроизведены страной. Соседская плетка вела упорную борьбу с беспризорностью, собирая сотни и тысячи уличной девушки — первых капиталистов и преступников — в деревские дома. Там их приучали к труду, воспитывали новых, здоровых людей.

Всего этого не знала Шура. Несмотря на свою телесную уже 14 лет, она не только не умела писать, но даже не знала алфавита.

В 1922 г. Шура впервые увидела таких же, как она, днем в красных сапогах. Едва очнувшись от страха, сорвав с лица, она, мальчишкой и совсем как видно несбогатые девочки налево, краинки красного краинки. Пионерки понимались с Шурой, но не зачеркнули ее из отряда, Шура начала ходить в отряд.

Только легче, когда в отряде после сборов засыпали начали учить Шуру читать, она поняла всю тяжесть, ведь ужас своей безграмотности. По-новому предста-

вилась Шура вся ее жизнь, по-новому стала смотреть она на по-другу, на хозяина. Шура Богданова стала коммунистом, а ее отряд — первым большевистским отрядом в деревне. Но в то же время она открыто помахала, что итти в отряд — это значит несессо проводить вечер, приобрести десятки очень хороших товарищ, итти в отряд — это значит научиться читать и писать грамотно, чтобы коммунистом быть и республиканцем. Оставшись же у хозяйки — это значило работать с утра и до ночи, ибо не только Шура не знала об охране труда, но и охрана труда не знала о Шуре. Оставаться у хозяина — это значит никогда не научиться читать, всю жизнь работать на колхозе, если ее будут звать, здесь, пускай прородила, но корысти, ее оденут в узелок, где она сможет спать. В отряде у нее будет твой ринок, она научится читать, но ей нечего будет спать на нечего буде-

т. Шура расстrelась, у истока двух извозчиковых дорог. Она не посыпала пионерского гастролю, чтобы хозяин не догадался, куда Шура ходит по вечерам. Пусть гастроли лежат днем, спрятанные в кровати. Шура знает, что она имеет право на отходку, и ей надо идти в отряд. Но в то же время хозяин никогда не согласится на то, чтобы она посещала отряд.

Шура не сумела сама решить задачу и пришла за советом в отряд. Отряда не было, потому что его не разрешили писать, что, будь он больше, не надо было прятать гастроли, и Шура крепко погнула, чтобы не понимали новые друзья и защитники — не только здесь, в городе, но она знала, что во всех городах страны каждый — краснослуги или бояре — и защитником.

Шура пришла к батракам и заслоне стала зумчика звонка в отряде. В мастерских она научилась столярником, перестала батракини, и ее заслоне первым по всем отрядам пришло на завод помогать рабочим.

В 1924 г. возле звука звонка в Екатеринбургском отряде единогласно передал в комсомол.

Неразомная батракша в прошлом, активная пионерка, а теперь работница деревообрабатывающего завода — Шура Богданова получила комсомольский билет. Ей же ячейка поручила организовать новый пионерский отряд. В течение двух

месяцев Шура организовала 2 отряда. Шура хорошо помнила годы своей беспризорности, и все силы ее были на воспитание отряда. Отверстиями, работяги иттула она в отряд, воспитав из них хороших коммунистов.

Каждый месяц, каждая неделя, каждый день, приносил новые знания, давали новые навыки, опыт.

В 1927 г. Шуру избрали секретарем комсомольской ячейки и председателем в партию.

Пройдя путь воспитания большевика, пионерка — комсомолка — коммунистка, Шура Богданова стала спонсировать дисциплинарными, беззаконием преданных партии коммунистов.

Одна из дальнейшей работе Шуры рассказывает:

«В 1927 г. меня избрали членом бюро губкома комсомола, и я работала председателем губернского бюро пионеров. Знала только рабочу в отряде и учиться, мне было привычно также руководить пионерами, и я считала себя обычным человеком, тем более, что я была только практикант, за все время работы в комсомоле мне не пришлось по-серийному начать учиться.

Богдато, на большой отставке, я работала председателем пионерской ячейки, и она попала в подполье, и председателем я стала. Так я стала большою чукти и пинчами губкома партии и губкома комсомола мне удалось справиться с работой».

Пионера голя и учила в комсомоле, но по морализации национальных языков, сидела с учебником на год работала в Борисовской ячейке председателем Райпотребсоюза. После кооперативной работы я переехала в Бирск, работала поющиком директора на одной из больших фабрик Бирска, а сейчас работает заместителем секретаря пионерской ячейки.

С большой радостью рассказывала Шуре о своем предбаннике в отряде.

«По-настоящему не я в 1907 г., а в 1922 году в пионерском отряде, начинается моя жизнь», — говорил Богданова. — Навыки, приобрет-

ные в отряде, живут у меня до сих пор. В отряде я научилась читать, там я впервые почувствовала и поняла силу коллектива. Там воспитание, воспитание воли и превратности коллектива, там научили дело коллектива становить выше всех своих дел — это, я считаю, сейчас главное. Если бы не отряд, я бы может еще долгое время оставалась бы неграмотной багровой.

Несомнение в пионерском отряде помогло мне не только в моей повседневной работе, но и в любви жизни. Я научилась склоняться перед коллективом, там научили коллектива: Приобретенные на партийной и комсомольской работе опыт и знания сочетаются у меня с практической напористостью, решительностью, целеустремленностью.

Шура Богданова — один из организаторов районного съезда коммунистов, бывших пионеров. По ее инициативе бывшие пионеры излили на себя ряд конкретных обязательств по оказанию помощи пионерам. «Я облучусь», — говорила Шура, — создать при партийном коллективе специальный совет из первых рабочих по помощь отряду. Сама, прокрепляясь для практического руководства работой в школе ФЗС. — И, немного подождав, Шура заявила: — Еще одно обязательство — помочь себе самой. У меня есть сын, я обещаю воспитать его хорошим пионером и коммунистом.

Все свои обязательства, несмотря на большую загруженность работой, Шура успешно претворяла в жизнь.

Всего лишь 10 лет тому назад в пионерский отряд Шура пришла с наливками и характером, воспитанными улицей и холмами. А теперь Шура — лучший дисциплинарный коммунист, один из руководителей партийной организации.

В 15 лет Шура стала пионеркой, в 17 — комсомолкой и в 20 лет — коммунисткой.

Шура вырастала и воспитывалась большевистским коллегиями, и она никогда не придет в столкновение с коллективом.

10 лет существования пионерской организации — 10 лет успешной борьбы партии за воспитание нового поколения. Тысячи вчерашних пионеров сегодня с честью выполняют задания партии на самых разнообразных участках страны социализма.

ЯКОВ УХСАЙ

Комсомольский поэт
Чувашской АССР

Слушай, республика,
Я — твой сын,
По приказу явился в срок,
Я крест с тобой,
Я рос с тобой,
С тобой подымался выше.
Это пот нюх рук
На скользкий курок
Маслом стекает, слышны?

Там, где пойдем мы,
Темным-темно
Там жаркая пыль встает,
Но дисциплина как прежде, — вов!
Слушай, республика,
Сердце мое
Чисто, как чист затвор.

ПРИСЯГА

С имени иди,
Полевой ковыль,
Суперфосфатом
Лобрэ, земля.
Вот мы идем,
Подымая пыль,
Но мы защищаем тебя, землю,
Твои отборные сыновья.

Уже костяницы
Громят война,
Уже за солдаты
Бежит женя,
За сыном —
Хромает мать,
В каждые двери стучат война,
Газы текут в дома.

— Так нам
Мерещилось
На рассвете,
Мы промежали
Всю ночь
В сироте —
В зелени
Отне травы
Нас жгут
Пограничный ветер
Лязгом пороховым,
Рекушника спиринеся;
— Готова?
— Есть!
Отвечаем мы,
И меткий
Огонь винтовок
Летит из зеленої тьмы.

МОЛОДОЙ РАБО-

Литературный монолог М. Афонина и С. Финеев

Третьяковская галерея

У ПРЕДЫДУЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ ЗАДАЧА
СВОИЛАСЬ К СВЕРЖЕНИЮ БУРЖУАЗИИ.
ВЫ ДОЛЖНЫ ПОСТРОИТЬ КОММУНИ-
СТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

(Ленин)

МЫ ЮНОСТИ НЕ ЗНАЛИ...

столько нам гузить не довелось
По позам, по нивам золотым:
Целый день на фабриках колеса
Мы верти-верти-верти.

(Некрасов «План детей»).

«На фабриках лягайки и пах,
так наши дети с сезоватого возраста
уже превращаются в товары,
нагодимые для изысканий».

«И если для детей ужасен труд
на заводах, то, пожалуй, как
ужасен труд детей на рудниках,
для сиц, как на каторге.

Последней степенью нужды рабочей семьи, когда жал-
кий заработка ребенка подкрепляется бюджетом подгузников
жизни, умело пользовался фабрикант и заводчик. Еще
бь! Ведь применение ленинского детского труда служило им
громадные бармы.

2000 ДЕЗОЧЕК-РАБЫНЬ

Новая бумагопрядильная фабрика Деловой мануфак-
туры расположена в близлежащих селениях летучки:

«15 августа 1903 года погребут-
ются девочки от 13 до 19 лет.
Начальная плата для девочек от
13 до 15 лет—20 коп. в день, от
16 до 18 лет—25 коп. и от 19 до
20 лет—30 коп. на своих харах,
но из хозяйской квартире. Такие
девочки-подростки фабрики пред-
полагают набирать до 2000».

«Дети не принесут своим роди-
телям никакого материального по-
собия, будут пребывать во вред-

А НА ДЕЛЕ

БЫЛО ТАК...

Работали мы, дети, посменно
днем по 13 часов, и потому
ночную смену — с 8 часов до 4
часов... Спали в шерсти, на щи-
ках... Квартир рабочие почти не

КУДА ОНИ ДЕВАЮТСЯ?

«Сотрудник «Русских ведомо-
стей», наблюдавший работу детей
на фабрике, спросил:

Третьяковская галерея

фабриканта, что за люди вносят-
щие смычу из этих, работаю-
щих при сущих барабанах, а

при температуре в 40—45°, спросил

Перов — «Тройка»

Перов — «Крестьянские похороны»

зрелых и из вензелях? Фабри-
кант дает такой ответ: «Бог знает,
куда они у нас деваются, мы уж
как-то же не можем сказать, скажи
же вы!» — Да такие высказывают
вопросы! — Да, говорят, мешают род спо-
ваний или переходят на другую? — «Нет, просто высыхают,
совсем высыхают» — отвечает серы-
ено фабрикант. («Русские ведомости»).

Фабрика есть дом тружено-
вия, где заключены в тесноту — тру-
женики, оставленного никому ничего
богатого и бедного — почтительно-
писали тверские мануфактурсты в
докладе о состоянии премышленно-
го графу Баранову.

«Никонов» подросток от катар-
ного труда и от «сторонней систе-
мы штрафов», «заперт от изде-
вательства и от физических учений».

ПОДЛАЯ СИСТЕМА ФАБРИЧНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА БЛАГОСЛОВЛЯЕТСЯ «СВЯТОЙ ЦЕРКОВЬЮ»

«Св. Троицкий» собор в Санкт-
Петербург выпустил такой листок:
«Сыньяшки посмешили жалобы
на одниниче подростков». Гру-
бость и пынство, курение, кар-
тина игра, воровство, драки и
т. п. пороки все более и более
засыхают в подростковых руках. Мы
все страдаем от этого одниниче,
но более всего страдают и
терпят от него хозяева тор-
говых и ремесленных предприя-
тий: ведь грубые, нечестивые

жинки, порочные мальчики и де-
вочки — плохие ученики и ученицы.
Мы имеем на помощь хозяев
и вправду всего в исполнение
длаждей на них реагизно-прав-
ственной волей общества взы-
шего, взывая мальчика или де-
вочки к обучению, замыкают им
отцов, хозяек — матери. Чтобы
обуздить это важное дело, мы
приглашаем хозяев торговых и ре-
месленных предприятий на собра-
тии».

ЖИЗНЬ — КОНЕЦ

На заводе «Прогидапе» парит
мелкая труба. Рабочие по оплате
знают, что быть несправедливы. Их для
начальства жизнь рабочего ко-
жуха лишь бы сырьем было.
Начальство заставляет машинистов
ничего не делать, пока не поклонится
входе трубы. Труба разрывается
и обваривает пять машинистов-уче-
ников, из которых двое умирают.

Эпидемические болезни, голод, лихени, кабада «хозяй-
ских забот» подавливали не одну сотню детских жизней.
Унылые похоронные процесии тянулись от рабочего по-
селка в кладбище. Росли нестяжимые края могил, пыль-
призрак смерти шел за поездом колесной капитализма.

ГРАЖДАНЕ! К ВАМ ОБРАЩАЕМСЯ МЫ, МАЛЕНЬКИЕ ЛЮДИ.

ученики: ремесленных мастерских, с горячей просьбой помочь на-
ученикам делу освобождения от эксплуататоров-хозяев и наставникам пынных
подмастерьев...

«Помогите, товарищи, своим молодым товарищам»

(Обращение учителей петербургских обойных мастерских ко всем этим рабочим)

«Тогда главной задачей была критика буржуазии, раз-
личие в массах неминуто к ей, развитие классового со-
знания, уменьшить сплотить свои силы».

(Ленин)

Ч И И Д В У Х Э П О Х

Третьяковская галерея

Это умение спаивать силы росло с каждым днем. Однажды индивидуального и андреевского протеста-бунта подросток переходил к организованному отпору, участвуя в стачках, забастовках.

ГОВОРИТ 12-ЛЕТНИЙ ОРАТОР

«Уже третий день мальчики горного пролетариата, прежде всего промышленных, заведенных в возрасте от 10 до 12 лет, склоняются к борьбе. Общество промышленников в количестве не менее 500 человек. Председательствует 12-летний мальчик. Он говорит:

— Мы, несчастные дети угнетен-

цы. Всплески эти горячих речей ложатся на голову горной думы. Они звучат тревожными нотами в выступлениях представителей буржуазии.

«Передо мной «Заря Польской» (издание не подпольное)... Характеристика национального характера этого журнала. Вот корреспонденция из Свердловска: «Утром минуты свободы, мы магазинные, мальчики, собираясь, прочитать «Зарю Польскую» и видим, что она проплачивает свет на нашем пути и дает надежду в будущем иметь свободу и нормальный

жестокие схватки.

Подобные вещи не только «писаны», но и претворялись в жизнь. Забастовка становится знаменем революционного наступления молодежи, предвестником будущих

ОН ПЕЛ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПЕСНИ...

«Состоится суд над участниками патриотической демонстрации. В числе подсудимых: Миндин — 17 лет, Боруков — 16 лет. Миндин 15 лет был первым арестован как политически неизлагаемый и заключен в одиночной камере. Вторично

был арестован за участие в демонстрации. Сидя в заключении, кричал: «Долой самодержавие!, «Да здравствует политическая свобода!» — и пел революционные песни,

(Из газет)

МЫ ПОБЕЖДАМ

«На гильзовой фабрике в Одессе работают преимущественно девушки; есть также дети 10 лет. Полуночины обыкновенно в 8 кол. с тысячи. Заработок гильзовый — 16 руб., 40 кол. Тяжелое положение и грубое обращение заставили девушек забастовкой добиваться улучшения

условий труда. Стачка началась 9 апреля.

Бастовало 40 человек. Стачка продолжалась 2 недели. После дружной и стойкой борьбы работница добились удовлетворения».

(Из газет)

СМЕЛЕЕ, ВЕРЬТЕСЬ МОЛОДЕЖЬ

«Нужны молодые силы. Я бы советовал прирастрастили на месте тех, кто позволяет себе говорить, что людей нет. В России людей там, надо только шире и смелее, смелее и шире, еще раз шире и еще раз смелее перебрасывать моз-

головы, не боясь ее. Время восходит. Молодежь решая перед всеми борьбы и студенческая, и еще больше работы молодежи».

(Из письма Ленина к Харитону Рахматулу в 1925 г.)

Музей революции СССР

И. Владимиров — «Разгром стачечников».

Сергей Иванов — «Бродяги»

ШЛО МОЛОДОЕ ПРОЛЕТАРСКОЕ ПОПОЛНЕНИЕ

«Во время событий 14, 15 и 16 июня 1905 г. на улицы вышли подростки-дети. Вот речи тридцатипятилетнего подростка:

«Мы хотим говорить, что в движении принимают участие много детей и подростков. Пусть так, разве не хорошо, что мы, дети пролетариев, выступили на борьбу? Разве нас не выбросят на улицу, когда выйдут из нас все соки? Нас, детей, еще больше угнетают, потому что мы уже больше беззащитны. Нас привлекают по фабрики потому, что нам можно платить дешевые, чистые зарплаты, а в это время наши взрослые родители сидят без работы. И когда отцы наши выходят на улицу и умирают, мы тоже должны бороться. Будем же бороться, не будем жалеть жизни и добудем политическую свободу, которая освободит нас от бесприданничества».

В октябре 1917 г., когда большевиками задачей дня было поставлено вооруженное восстание для захвата власти советами, Ленин писал:

«Выделить самые решительные элементы (наших «заряников» и рабочую молодежь, а равно юноши-матросы) в небольшие отряды для занятия или важнейших пунктов и для участия их в деле, во всех важных операциях». Победоносное восстание прошло плавно, с какой смелостью и самоотверженностью участвовала в нем рабочая молодежь.

После смерти Юрия Гагарина, погибшего в 15-летнем возрасте, мальчики. Он с честью вынес все трупности. Несколько раз ему пришлось менять профессию. В поисках заработка Жербунов некоторое время работал на фабрике Жербуновы в городе Ростове. При штурме здания гранитной мастерской от одного выстрела по губы оба.

Однако желания учения не поки-

дали его. Меж тем, увлекаясь спортом, он начал заниматься упражнениями на улице. В дни Октябрьской революции Жербунов издала самое разнообразные поручения. Его можно было видеть то в центре с винтовкой в руках, то в районе, занятого какой-нибудь работой. Он рвался в бой и вместе с Бородинским участвовал в боях, чтобы принять участие в боях. При штурме здания гранитной мастерской от одного выстрела по губы оба.

«ТВЕРДЫНИ РУССКОГО ЦАРИЗМА ПАЛИ!»

(Манифести российской социал-демократической рабочей партии)

«ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО НИЗЛОЖЕНО!»

(Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов)

Революция не кончилась восстанием, она началась.

На протяжении пяти лет идет гражданская война. И здесь работают мотоциклы, комсомольцы, составившие добрую половину Красной гвардии Красной армии, на всем

— Протокол № 16 общего собрания членов подразделения организаций РККА при ГЭС «Электротеплорадио», от 13/XI 1919 г.

Слушали:

Мобилизация членов РККА.

Образец того, насколько прост, без спасти, без геройства, шли комсомольцы на фронт, показывает этот документ:

«В районный комитет РККА Сокольнического района».

Заявление от т. Смирнова.

Настоящим прошу откомандиро-

КОМСОМОЛЦЫ НЕ БОЯтся СМЕРТИ

Она спокойно заявила:

— Комсомольцы не боятся смерти.

Ее начали пытать. Она молчала. Ее всю изуродовали, и к концу пыток она напоминала окровавленный кусок мяса.

На дверях помещения комитета Лифтостроевского района висел замок. Над ним была припомнена записка:

«Райком закрыт. Все ушли в фронт.»

Под водительством
партии нашей
ты ведешь
за собой
полки

Молодежь,
увязавшая,
понимающая,
что такое
большевики».

(Бесменевский)

МИСТЕР ХОЛМС НЕ УЧЕЛ...

«Когда специалист по вагонам мистер Холмс, выпервав получила на обучение в Москву, он решил, что если им будет трудно... Но через неделю линейки он понял, что чего-то в ребятах он не учел. То, на что по опыту прошлого доказано уходить недели, эти ребята ухватывали в дни, и ухватывали подчас с показухой, так как Холмс по-русски говорить не знал».

...Холмс только восхищению разводил руками».

(Милютинский, «Лега Герасименко»)

«Завод — отсыпь, ячейка — дом. Семьи — книги, труд, ребята. Мы в комсомоле живем — Стране великой и багряной. Мне радость — брат, а солдат — тезка».

Вот позе жизни Я — юнецом. И вот вам, вот мое лицо, Лицо рабочего-подростка». (Бесменевский)

**НАДО САММ СТАТЬ
СПЕЦИАЛИСТАМИ
ХОЗЯЕВАМИ ДЕЛА. НАДО
ПОВЕРНУТЬСЯ ЛИЦОМ
И ТЕХНИЧЕСКИМ ЗНАНИЕМ**

(Сталев)

ДЕЙЧЕНКИН — Плавик. «Овладев чининой»

ФАКТ, СОВЕРШЕННО НЕСЛЫХАННЫЙ

Буржуазные газеты уверяли, что смерть в Москве умер... А мы видели шумные улицы, оживленные здешними, оживленную веселую толпой, ярко-блестящими витринами магазинов.

... Но самое лучшее из того, что мы здесь видели... это школа ФЗУ, где капиталистических стран факт совершился исключенный.

У нас ученики работают по 8 часов под тяжкими и изнурительными

«стремами хозяина. Ни кто не обясняет им процесса работы, специальности покидают сами, а зарплаты получают такую, что ее сажают на суд и на дорогу. У нас же ученики работают по 8 часов, но в 8 часов, их методически учат специальности, они получают отпуск 1-1½-2 месяца, им дают носильную работу, технические знания. Все они заняты общественной работой».

(Сычков Ало) «рабочий из Нарышки»

... Для кого завод —
и семья и радость,
будущими будут,
ни к чему не надо.

...Утром стройно встаёт
из тумана
моя родной завод
«Динамо»...

(Седов — молодой ударник-поэт, завод «Динамо»)

«НАША МОЛОДОСТЬ — В ЦЕНАХ, НАША МОЛОДОСТЬ — В РАСЧИСТАХ».

(Богдан Загородин, бывший член союзного, писавший из офицерской колонии за поездку в СССР)

**ДА, ЭТО БЛЕСТИЩИЙ ПРИМЕР
МАЛЕНЬКОЕ СЛОВО, ТВОРИВШЕЕ ЧУДЕСА**

НОГАНСОН — Рабфак идет

Утром комсомольцы получали 400 ларь, Шнейдер гнал туда 400 златых.

20 августа сборщики Владов привезли маслера Борисова, чекистов, посыпало, то, первое чекисты посыпали голову специалистам. Они приспособили простую головку под двухрустную и сделали возможным однопременный ход и сошки и клепки.

Штутц гнал и подхлестывал рабочую. Монтажники были не одиноки. (Комсомольская правда)

16 августа. 6 ударников в бригаде Ульского поставили мировой рекорд арматурных работ: они за 6 часов установили 13.500 кг. арматуры.

17 августа. 4 ударника бригады Поуха побили этот рекорд: 13.500 кг. арматуры были установлены уже за 4 часа.

19 августа. Свердловчане ордена Красного Знамени рассверлили в сме-

ну по 600 дыр на первом каупере комсомольской домны.

22 августа. Тяжеловес Рублен небольшим усовершенствованием механизировал поворот вантажного дerricka и склонил едущую груз туда 25 рабочих.

29 августа в 13 дней комсомольцы центральной электрической станции закончили монтаж турбин в 12 тысяч кат. Немецкие специалисты давали на монтаж 61 день.

(С. Наринин)

«Вопрос о том, как выйти людям для рабочей молодежи с повестки дня стоит. Двери школ, вузов и академии открыты для рабочей молодежи. Да-

ло только за желание. Каждый из вас, если только пожелает, может стать инженером или профессором».

(Козачев)

СЕНЬКА СТАЛ ИНЖЕНЕРОМ

... мы что же, стать всю немецкую науку произволят?

Тягач, уничтоживший бородку кулачком, смотрел, на кого, на Семена Платова. Он андег перед собой, своего подругого по фронтовой бригаде — Сеньку и, внимательно щукая глазами его лица, не находил в нем наружных переко- мен.

Через годы труда у машины, через комсомол и партию, через бессонные ночи за книгой и строительные лаборатории «Фронтовик Сельска» стала инженером. И в годах, промелькнувших перед ним, он увидел себя, Тягача, Бекшина, Жорова, увидел свою класс, свою страну, сдирающую с себя рабочину и рабочими столпами...»

(Дельков, «Ведущий осен»)

... Республика наша строится, дышит, другие строят, строят по сто. История —

— пастые гроба,
А моя страна —
— покровсток —
твори, выдумывай,
трудуйся,

(Маковский)

ХВОСТЕНКО — Магнитогорск

«ЗДРАВСТВУЙ, ФАРАДЛЕЙ»

(Письмо Фарадею)

«Я закончу свое письмо, Фарадей, рассказом об одном из событий последних дней. Ленинский комсомол, взят шефство над электрификацией. Милютина юношей и девушек обязалось изучать и давать в практику науку об электричестве. И одни из лучших научно-технических институтов страны — Физико-технический институт, находящийся в городе, названном именем наше-

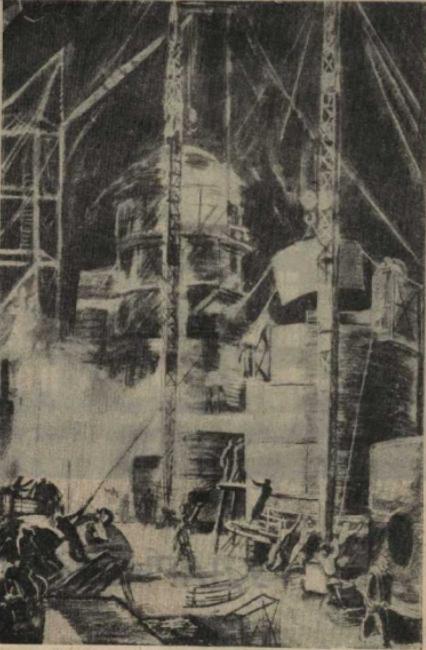
го ученика Ленина, познал рабочую молодежь заводов для совместной работы, для помощи.

Первые ячейки молодых исследователей начинают появляться на заводах. Их не придет по мурзелу совету Пеписа «только иметь склонность быть слугами своих профессоров. Они займутся интереснейшими вопросами науки».

(З. Тунцкий, «Ком. правда»)

Ученики ФЭЗ завода «Красное Сормово» за ремонтом токарного станка

«МИ ВСТУПИЛИ В ПЕРИОД СОЦИАЛИЗМА»

... Ленинский комсомол и руководящая им рабочая молодежь увеличивают дозу соревнований и улучшают условия труда. Нужно признать, что чисто революционная молодежь сыграла в этом деле исключительную роль. Самое замечательное в соревновании состоит в том, что оно произ-

водит коренной переворот в взглядах людей на труд, ибо оно пре- вращает труд из заорного в гла- зурованное бремя, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и геройства. Ничего подобного нет и не может быть в капиталистических странах...»

(Садов)

занимаются по вечерам огромное здание Дома культуры

A. KRACOB

УДАРНЫЙ ЦЕХ КУЛЬТУРЫ

На берегах овальной глиной речушки Тарасовки, там, где стоял кабак «Любим», руками застасских пролетариев воздвигнут грандиознейший московско-парвский дом культуры им. М. Горького.

Построенный по последнему слову большинством архитекторов Дом культуры привлек к себе неизученные, чрезвычайно разнообразные артисты музыкальной генетики. Главный зал, имеющий способность на четыреста человек, является выдающимся образцом архитектурного искусства и своей кубатурой Дома не имеет аналогов в мире. Искаженное расположение мест позволяет видеть любого из зрителей одновременно и сидячи, и стоячи, проходя через сцену. Площадь оборудованная садом и деревьями, посыпаная зернистым гравием, является идеальным местом для прогулок и отдыха.

Прашайтъ комитетъ заъ, левый-комитетъ наа, да, два кинозала, физкультурий, заъ, кабинетъ иностранца, кабинетъ техники, методическая база, детская комната, столовая, типография, библиотека... Десятки учреждений. Профсоюзская революция, преобразовавшая застарелую, предоставила рабочимъ ключи отъ сокровищницы науки, искусства, техники.

По отца-издателю лестинии, Московской Правды, дом культуры поднимается вспомогательные соудостройства, красноармейские клубы, библиотеки, кружки, мастерские и т. д. В стенах Дома культуры Петровского района обитают книжники «Для всех» – отзывов и впечатлений, «Сменяющейся» – разнообразных почерков, буквально полны всех языков мира, поражающие книга, Немцы, французы, китайцы, японцы, мексиканцы – все они обитают в Доме культуры. Известный писатель Ангелина Х. Хозинь описывает в своем романе «Бабочки Дома», когда он узнал, что 224 человека из них управляются с русскоязычными учреждениями Дома, когда она сказала, что Смета Дома культуры в 1932 выразится почти в 2 млн рублей, Хозинь

— «Хорошо... единственное мое желание, что бы наши рабочие могли понять этот великий пример творческой работы советских рабочих, чтобы этим актом вдохновиться на борьбу за защиту рабочих прав и начать

Латинский шрифт чередуется с китайским русским: вот пять корявых «русских» строк — выражение восторга ленинградских школьников, рядом — группа австралийских рабочих с бисером латыша рассказывает об исключительности по тяжелому положению пролетариата Австралии. Через несколько страниц над знакомо-

подпись «М. Горький» — краткое, но выразительное пожелание:

«Точко так же, как на стальной массе рук рабочих создают ширею из ялу, перво для изгателя, резец и сложнейшие машины», — так же рабочий класс должен создать из элоги своих мастеров и художников культуры.

В сотнях отзывов, пристрастно и нежарко, записанных в книге, представлены тысячи

«Ревютизм» Дома «Знания», что сперва
год работы (1928), характеризуется культурой
чтеством». Крупные фильмы, ставили пьесы,
небольшой остаток внимания «сускали» массо-
во-политической работе. Коллектив проин-
спицких фильмов, театральных постановок
главным мерилом деятельности Дома. В тек-
же первого года работы лишь 47 тысяч членов
было охвачено массовыми мероприятиями.

Огромные возможности оставались неиспользованными.

1959 год начался передцом кругового повторения. Всю культуру японов к конкретным задачам социалистического строительства. В год «всего первого» партии поставлена перед рабочий классом задача — дать 25 тысяч сюжетов руководителей — преобразующими — деревенским и городским, а также культурой отечественных народов. Всю культуру японов к конкретным задачам социалистического строительства. Всю культуру японов к конкретным задачам социалистического строительства.

1929 год — год начала подъёма всей массовой политической работы Дома. В этом году международные политические мероприятия было организовано

чено уже 216.000 рабочих и их семей. В 1930 г. кризис охватил еще разично скакнула вверх. В 774 массовых мероприятиях участвовало около 600 тыс. человек. А за два месяца 1932 г. (всего считая работы в цехах заводов) — 263 тысячи.

В пустыньях, в первых год коматов разместились многочисленные кружки и курильни. С утра г-да под ледяной почтой в Доме культуры конописица парод. Люди самцы разнообразными признаками и специальностями находят здесь удовлетворение своих культурных запросов. В этом году два миллиона двести тысяч человек будут очищены одними только массовыми испортированиями. Через одиннадцать краин и одиннадцать иногородних губерний течет река-контакт.

инический и др.— будет прошено выше поставленные задачи.

При этом уже второй год работает первая в СССР рабочий факультет аспирантуры культуры, готовящий кадры машины специалистов для воздушного флота. В 1961 г. факультет подготовил из аспирантов 40 мотористов и 16 фотографов лабораторий. В этом году он выпустит 150 человек. Работающий четырьмя годами институтом, включая вспомогательные, бодяжинские и подсобные, организовано, на научной основе. Борются с религиозным дурмом. Сотни воспитанников «Ломы» культуры, подольчанских образованных консультационных пунктов, учреждений вузов и втузов Ленинграда, 10 тысяч челове-

специально оборудованную «комнату технических головоломок» прививается любовь к техническим наукам.

1

В цепи производственного процесса заводов Нарского района видное звено составляет Дом культуры. От конвейера «Красного путиловца», со стапелей Свердловской верфи, от лебедок зав. им. Кирова тянутся нити в кабинеты и залы Дома культуры.

Цифры победы в борьбе за промышленность, за экономическую независимость Союза прежде, чем попасть в официальные таблицы, непременно проходят через многочисленные комиссии Дома. Смет кочегаров, смет хлорсодержащихников, технический балтоваров, собрание за годов-поставщиками оборудования для железнодорожного транспорта... Сотни массовых мероприятий проведены Домом культуры для обеспечения победы на производственном фронте.

... В одно прекрасное время работы «Красного птичника» Федоров (рабочий № 26888) получил фотографическую открытку. На открытке: за столом не кто иной как сам Федоров, обиженный бытку с надписью «40». В этот же день в цехе появилась тонкая копия открытки — предмет остроумных замечаний рабочих. Подобную же карточку «на память» получили рабочий Шестаков с фабрики «Равенство» и ми. др. Штаков — одна из лентяйских форм решительной борьбы с прогулками, не без успеха, применяемая Ломом культуры... .

Огромную работу провел Дом культуры в период подготовки к IX съезду профсоюзов. Массовыми политическими мероприятиями

Главный фасад Дома культуры

околично около 10 тыс. разножен. Сыны 1.000 рабочих предложены для превращения Ленинграда в образцовый социалистический город, собраны при акционной содействии Дома культуры, 347 новых ударных, 926 новых хоровратых бригад передано в подарок II областному суду профсоюзов. 12 тысяч членов профсоюзов, сдавшие по личным нормам на значок «ГТО», получили в этом реальную помощь и руководство Дома культуры. Учрежден строго социалистический рабочий клуб, в котором созданы художественный строительства, ученые подчинить «Каждое маленькое мероприятие следование зданиям, выдающимися партией», — черта, выгодно отличающая Московско-нарвский дом культуры от многих других культурных учреждений.

AI

Организация культурного отдыха, борьба за здоровый рабочий быт, за реализацию указаний Т. Стalinя составляют одну из главных сторон работы Дома. В этом году Дом культуры развернул большую работу по организации коллективного отдыха. Проведены экскурсии в музей. Об этом здании были прекрасные результаты. Из этого здания все говорят отдельно. Но несколько ответов на вопросы: «Кто это?» — можно привести. Кто это? — «Дом культуры». Кто это? — «Дом культуры». Кто это? — «Дом культуры». Кто это? — «Дом культуры».

Мастер т. Богданов: «Раньше не имел никакого культурного отпуска. Этот выходной день провел великолепно».

Домохозяйка л. Михайлова: «Раньше—очень плохо. Сегодня—очень хорошо».

Работница т. Богданова: «Первый раз имею
счастье пользоваться таким отдыхом».

В ознакомлении рабочих с последними достижениями науки огромную роль сыграл соцдоговор, заключенный между Домом и Академией наук. Краснотуриловцы уже провели ряд семинаров по программам Академии

Профессора и аспиранты охотно приходили на рабочие собрания с научными докладами. «Синий Академик наук» при Ломе организована интересная выставка «Французские события». Рабочие с большим интересом знакомятся через выставку с положением трудящихся Китая. Факты о проданных в рабочих 400 тысячах китайцев, о 60 процентах промышленных рабочих, выброшенных на улицу, — эти факты, ярко поданные на выставке, еще разелье подчеркивают принципиальное положение советского рабочего, создавшего и поставившего на службу такой гигантской цех культуры, каким является Московско-паренеский тракторный завод.

Дом культуры — величайшее завоевание интересных рабочих. В многочисленных кабинетах Дома воспитались сотни пролетариев из «Красного птицелиса», Северной верфи и других предприятий района. Телепечерский завод, завод Т. Соловьев, завод хозяйством строительства Новокузнецкой области учёбы т. Хазанов, студент колледжа Т. Кузнецова, Т. Чекотов и сотни других активных профсоюзистов прошли полный курс учебы и воспитания в Доме культуры. В настоящее время 200 рабочих, составляющих основной костяк актива Дома культуры, пришли на смелу активистам, ученые, на руководящую работу.

Такие фотооткрытки "на память" посыпал Дом культуры злостным прогульщикам

КОНЕЦ ДВОРА

Дышит в окно, стара и сырь,
Тонопль стоит во дворе в углу.
Белосъдное слово горе,
Проступает сквозь тину и мху
«Иерусалим» — старый
Садовый забор, который пыни,
Дудные горы помятых им,
Всакие кончи, сырье ночью,
Пыльной травы липовые ключи, —
Все это к горлу подходит комом,
Все это к горлу подходит комом.
Две пары лети бледны прокрасты,
Они цветли, как картофель в подвале,
Они взрослали. Я помню: пыни,
В боямник-кецке выходят Губаны,
С ним радиает занавес подогрет,
Она про себя напевает под рутан,
Их тихи в подснежиной шахматы,
Их тихи, узкий вязка, соловьи драга,

И рад бы не верить, такой чепухе,
Но все-таки верю. Мы были друзьями,
Сидели мы у помойной ямы,
Мечтали о будущих звонких годах
И лазали вместе на пыльный чердак.
Какие нам открывались просторы!
Соседний дом — большой, узкодворый,
Крыши, как люди, падло к падло,
И дым, излучиной из черных лягуш!
Но я не остался теленком комольям, —
И, заскочив в калугу, я опалом комомозя.

Тени двора бессильно грозятся
Гужбану, что ходят в спешке фабриканы.
Я встретил случайно Гужбана вчера.
Он кончил учебу, он стал прорабом,
Мы испомнили прежние вечера,
И он мне сказал: «Ты знаешь, пора бы
Разрушить наш дом и встроить новый,
И это будет исполнено мной.

Мы скоро приеду с бригадой рабочих,
Двадцать измеряй, расчистим и кончимъ
Товарищ Гужковъ! Я прошу о одномъ:
Когда ты преднесешь разнушку домъ,
Если нехватит ми силъ поэта,
Давай же руки тяжелъ зомъ,
Чтоб могъ я просто ударить по этимъ
Сырымъ карпинкамъ.

А воне пятнадцатъ
Здесь будут играть краснощечные девъ
Здесь будет солнце сиять и стекло.
Мине жалъ, что детство мое истекло,
Мине жалъ, что не может оно повториться
Вновь, отстегнувшись отъ новой столинъ.
Так прошли бы годы, глухъ дымъ,
Темная ночь моего двора.
Рассвет наступает, какъ переворотъ,
Двор падает въ темень, въ иска.
И вот съмшю у самыхъ воротъ
Гуденѣе, гулачукъ.

Семья безработного

ДА, КАМЕННЫЙ

ВЕК!

ПИСЬМА О БАНКРОТАХ

1. М а я т н и к,
Фрау Венера
и
профессор
Воссель

— Да, экономическая ситуация плоха. Но не унывайте! Курите сигары Эльдорадо!

Шумные авеню столицы доллара цветут пыльными. Реклама двигает не только торговлю. Она мобилизована сегодня на службу политики.

— Не расстраивайтесь. Маятник всегда возвращается назад!

Газетчик читает по Фридрихштрассе. Новости! Потрясающие новости!

РАДЫ ВСЕГО СЧИТАЮТСЯ, БУДЬТЕ ОПТИМИСТИЧЕСКИ

Хорошо, что мы в 1932 году.

1932 год — это год Венеры, богини любви. Блестящая планета почти целый год не була сходить с горизонта. Разве нужны еще какие-нибудь гарантии?

О буржуазной газете «Берлинер Тагеблатт» рассуждают достаточно веско. Аргументы фрау Венеры неоспоримы. Выше головы! Перестаньте смотреть на картины!

Почтенный председатель германского союза скакунаев проф. Воссель чем-то разгневан? Он не доверяет богине любви? Как отстал от века этот профессор! Он смеет например утверждать, что «капитал буржуазии мысли не стоит ни гробы».

Какая беспечность! Профессор Воссель! 15 издательств, издававших в прошлом скромную горячку, практическую рукоделие гадалкам, это ли не инсанская фраза прогресса?

Нет, поистине эти профессора несносны! Право, будет лучше, если они уступят свои скучные аудитории под храмы астрологии.

2. М а р ш р у т

В

Н о л и з о й

Прежде всего, молитесь Богу! Америку порвали крысы. Это так понятно. Толстокожие ящерики — они совсем забыли о господе. Но постыдите, они берутся за ум. 50 американских священников и монахов уже едут в Ватикан, чтобы вручить самому римскому папе петицию о причислении к лику святых мистриес Елизаветы Ситон, которая еще в 1813 году организовала в Америке орден милосердия.

Это выход № 1. Но это и более оригинальные проекты. Вот, что это: искалеченные бездомные и изможденные контрабандисты — эти прокаженные безработные причиняют столько хлопот. И вот «Нью-Йорк Таймс» предлагает прекрасный выход № 2. Это так просто: взять и усыпить всех бездомных.

Нужно было бы только обесценить в больших количествах иксину стандартного качества, а также снабжение кислородом.

А впрочем, пожадуй, это слишком сложно: усыпить рабочих, «тратить» иксину, будить... Если мы вернемся к средневековью, почему же нам не пойти дальше, хотя бы в древние времена, в Колизей?

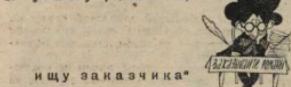
«Почему мы не учимся у древних народов? — изумляется канадская газета «Стар» (САСИ). — Древний Рим и Греции совсем не знали безработицы. Кто не мог найти работы, с тем поступали чрезвычайно просто: его отдавали в рабство — вот и все...»

Сэмюэль Харрисон хотелось, чтобы все это оказалось бредом. Но с каждым днем все становилось и непримиримо сплошнее: нечестие бывшего великого герцогства Баденского лежало вот здесь же рядом, в блестящей витрине. Тогда сам Харрисон занимался у соседа два цента на марку и пишет письмо в редакцию «Стар», прилагая фотографию двух, тоящих младенцев:

— Дорогая редакция! И я и жена вот уже третий год без работы. Все продано. Живем подавленами. Сейчас мне нужна срочно операция, которая стоит 200 долларов. Так вот, — не купит же никто моих младенцев?

Нашин Сэм Харрисон. Кому нужны это тонкие младенцы? А вот одному механику из Спрингфилда, тому действительно подвело: он прорвался в рабство за тысячу долларов. Этую тысячу долларов он отоспал жене, а сам вскоре простудился и умер.

3. П и ш у р о м а н ы,

и щу з а к а з ч и к а *

Мы сказали: маршрут в Колизей. А пускай говорят, какое мы имеем право клеветать на древний мир, в котором так было цели культуры слова, видения и кисти?

На Фридрихштрассе в Берлине есть шикарный кафетерий. Здесь открылась биржа литераторов. Самые известные биржа, в которую для развода собираются продавцы литературного и в него...

Предлагают стихи. Кому нужны стихи? Рассказ в 45 строк — кто знает, кто берет? Имею драму. Очерки, кто спрашивает очерки? Имею очерки о моде, о женской красоте, о породах собак, оправах золотых рамок...

За отдельным столиком сидят почтенный господин. Над головой пластик:

«ЗАКАЗЫВАЙТЕ РОМАНЫ!»

— Немецкий писатель с мировым именем предлагает свои услуги по сочинению романов из жизни заказчика.

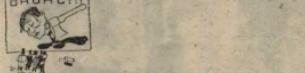
Гарантируется художественная форма. Закажите себе роман. Это будет лучшим подарком вашей семье.

Цена — в зависимости от количества страниц.

Что? Поступят ли кто-нибудь, кто не хочет читать романы из собственной жизни, даже с самой художественной формой?

Сейчас не до этого. В знаменитом городе художников Дрездене за год продано всего шесть картин? Что ж, пусть художники довольствуются малым. Даэт же на городской самоуправление картофель и муку!

4. З а б а в а

т р о г л о д и т а

Литература, живая, живущая — какие санкции! Жили же некогда люди без поэзии и без мраморных статуй. Это верно, конечно: человечество нужна эмоция. Но что может быть в那样ом случае сильнее зредина отсеченной головы? И в какое сравнение может идти какой-нибудь Рубенс с картины горничного, как факел, человека?

Нет, лучше Муссолини знает, что он делает? 2 января в Италии официально было восстановлено средневековое общество публичной казни. Было пакостное, неприветственное утро. Всю ночь тепл дождь. Преступник долго стоял на эшафоте, пока в него приспелись винтов-

ки и лорнеты. Потом раздался залп, человек упал, зрителями расправили занавесы и разошлись. На эшафоте осталось большое красное пятно и грязные следы катка.

В газетах написали:

— Зрелище собирало всего несколько сот человек. Виново этому — скверная погода и равнинный ветер.

Действительно, полиции допустили ошибку. Разве можно называть казнь в такую погоду «зрелищем»? А ведь три часа утра?

А впрочем, европейские заслуги куда-нибудь развлекаться в любой обстановке. Вы слышали, как захлебывается шинхайский корреспондент парижской «Маттии»?

«Вчера во время обеда мы пригласили подняться на ресторана на крышу гостиницы, возмущающейся над городом; оттуда можно наблюдать неизбранный пожар в Чапле. Зрелище было ужасно. Огромные языки пламени вздымались в широкий дым и пир. Все небо приняло кроваво-краскову окраску. В то время, когда мы молча наблюдали за этим трагическим зрелищем, оркестр, игравший нежные вальсы, поднимался на второй этаж ресторана, в котором танцовщицы элегантные пары. А в пять минутах ходьбы отсюда тремя изумрудами и булавами пожар — жертвы убийц друг друга».

Какая красota! Жалкий злобит Неро! Пелликан Рим, ты не долумась до такого состояния вещей, как символический оркестр. Нет, счастья западной цивилизации сумели развлечься значительно культурнее, чем ты...»

5. П и р а т ы

п о д н и м а ю т

п а р у с а

На загородных книжных ярмарках в Берлине недавно построили новую книжную выставку — германского филолога Освальда Шпенглера. Название книги самое безобразное — «Человек и техника». Но за этими буквами спрятаны кровавые кляксы.

«Надо считать изменившей выдачу техники цветным народам и русским. Бесцветные руки цветных народов, работающие с той же производительностью, как белые, и гораздо менее притягательные, потрясают основу белой хозяйственной организации...»

«Чем же дело? Надо отыскать эту технику у этих грязных русских и цветных? Надо умирить в них импульс человечности, превратить эту большую и драконову страну в тихий и спокойный рынок.

О, мастер Эмери, закопекщик английских тверлодубов, ради старта!

«Неужели мы превратимся в нацию лентяев, идущую к банкротству и неспособную удержать в своих руках пальчики империи?»

Есть в британском характере: основано на черте, без которой Британская империя не существовала бы никогда. Эта черта — дух авантюристов, инстинкт авантюристов.

Наш предки англосаксы, датчане, норманы привнесли с собой викингов, славян, монголов из Великобританские острова, из моря, как пираты, авантюристы, победители, торговцы, завоеватели.

Неужели мы ими утратили дух авантюристов? Неужели мы пришли в упадок, стали спасибо поддержать, сохранить свое место в саморенесящемся современном мире?

Нет, дух авантюристов должен спастись старую Англию! Пираты натягивают паруса.

На знамени пиратов — скрещенные кости и черепа зверей, возвещающей историей на эшафот.

На знамени «русских и цветных», обруганных Шпенглером, — серги, молот и лемпир пир, одаренный лучами молодой восходящей эпохи.

От побегушек — к социалистическому труду

Из книги «От побегушек — к социалистическому труду», выходящей в ближайшее время в издательстве «Молодая гвардия».

Книга в форме переписки фабричника Феди со старым рабочим слесарем Иваном Егорычем показывает разницу между прошлостным обучением до и после Октября. Книга построена на материале школ ФЗУ Москвы и истории завода «Буревестник».

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

Дорогой Иван Егорыч!

Скажите, что произошло у вас на тебя. Обиделся на то, что не отвечал ты на мое последнее письмо. Неужели, Иван Егорыч, думаете переписку нужно прервать? Обидно будет.

Многие наши фабрибцы, которым я давал твои письма читать, очень ими заинтересовались.

Во, говорят, как раньше утили, совсем не как сейчас.

Да, Иван Егорыч, временно ты задержал ответ. Переписка наша опять наладится.

В прошлом письме своем ти, Иван Егорыч, просил, чтобы я тебе о своем материальном положении рассказал немножко.

Вот и пишу про это.

Мы живем в хорошем положении достаточном. Плачуто 31 руб. в месяц, скоро на 48 переходжу. По успеваемости — разрывы повышаются. Да что ж мне — на подку, на штаны плюшевые тратиться? Деньги все на разные серьезные расходы рассчитаны.

Я тебе сейчас свой день опишу и в виде параллельной линии, что ли, расскажу, куда делят деньги.

Живем мы в фабричном общежитии. В нашей комнатах — броваток с упрутыми пружинами матрасами. Большой стол у двух окон на улицу. Два шкафа, один — книги и канцелярии всяки, в другом — пальто, кожанки, брюки всяки.

В школе утром встаем. Я горя в деревне ни свет ни с阴 вставлять призываю. Тут вскочишь, когда на циферблатах часов стрелки обединяются с «половине шестого», и начнешь голосить: «Всем вставать... всем вставать... всем вставать!»

С далкой радиостанции боевой инструктор передает артистическую команду. И посып ребят (что подразумевало в турах, а кто просто, по-домашнему — в калсонах) то лихо разводят руки в стороны, то с хрустом приседают, то тонко вытягиваются для прыжки. Один паренек Толька Владыкин с подъемом всегда запаздывал. Мы его как-то в стенах прохвачивали: «Вставай не хочу он никого... Как хорошо весь день вальяжь.

И скоро он, Владыкин Толька,

Не Толькой — сорок будет зваться».

На следующий день, ровно через часов десять минут, он вместе со всеми занялся обедом в столовой и с сильным выдоханием опустился на землю, будто бы разрубал несуществующее полено.

Дежурный притягнул княтока; за нашим универсальным столом, который то обеденным, то письменным, то читающим, то письмом, то хлебом умеликим, кобаса, кастры консервами и т. д. Всего горячего от чая. Работать! Были на улице и после непродолжительного сна руками и ногами вились в травмай. Доехались до красного трехэтажного корпуса. Большинъ они, высокие, потолки, желтоза-тобельные стены.

Обедали в большой заводской столовой. Столик надо вправду, Иван Егорыч, что первое время, как я пришел на завод, столовой называться нечего было.

Длинные деревянные столовы, ничем не покрытые, огромные очереди в касу — за первым, за вторым, за вилкой за ложкой.

Было так называемое «закусочное обслуживание». Только базары, базары столовые — приходили, чтобы маневрировать в толпе, пробираясь через очередь и стараясь не задеть бегущих и несущих суп ребят. Тыself видел спокойно, идя сквозь скопление какой-нибудь счастливцев, успевши получить борщ и еда, удерживающий горячую тарелку в руках, налегает на тёплый суп, борщ, и, ругаясь, бежит дальше искать места.

Оbed — невкусный. Но первое — борщ, на которое — ряба, соленая. А посуда вся грязная, на нильях слой жира за 3 месяца нахопился. Бут фустой — кроме приложенных там ничего нет. К заведующему приძенье — он лает: «Жареное... — говорит, — погодите, еще не то будет».

Рядче и мы, фабзыльи, терпеть не могли столовой. Задыхались туда, в очередях потошли и пороховица скорее ударять.

Грязь, сырь, ругань, нахрену. В общем побахи, Иван Егорыч. Но вот партийная ячейка зазад извилась за это дело и решила сделать на заводе образцовую столовую. Очень многие смеялись над этим. Из нашего, говорят, скажи-

Твердой рукой Иван Егорыч включает ток

ка за образцовую столовую — да ничего не выйдет!

Однако ячейка пришла к решению. Завкому поручили провести ряд мероприятий и нам, комсомольцам, задали множество дел и установки: «Хорошее общественное питание — одно из условий выполнения программы».

Взялись мы за работу, как раз бригадиром. Прежде всего руководство сменили. Вместо них своих выдвиженцев поставили, а во главе партнитка — свердловщик Мария Степановна, и помочь ей — комсомольцы молотобойца Фиголюбова.

Тут дело и почло.

Сначала плохих поваров, поставили хороших и на жалованье прибавили, перевели на сдельную, чтобы они в хороших обедах заниматься были.

Обеды, которые раньше в термосах нам подавали, от него они остывали, теперь у нас в зале готовятся. А фабрика-кухня тоже заготовила для обедов тарелки, салфетки, порядок. И разные блюда есть, по вкусу.

Теперь запах был, Иван Егорыч, в столовую и удивился бы. Длинных столов нет — стоит всякий столики на 4 человека.

На столиках скатерти белые, а на скатертицах, графини с водой и стаканы пары. Бегать никак не надо, в очередях стоять тоже. Только склоня, тебе сразу подавляющая привкус, будто вода из крана. Обед хороший, вкусный, из трех блюд. Второе всегда почти мясное. Стоит 50 коп.

Блюдо всего 3—4, по вкусу выбирай любое. Нообраза, чай попей, можешь зайти в красный уголок, посмотреть газету, журнальчики. А и любить. Иван Егорыч, журнальчики — это же литература, а литература кружке западает. Не знаю, как это случилось, только вместе с обедом слесарем-дядей-стуком меня потянуло.

Тут призыв ударников в литературу обнявши. К нам в фабричу один паренек литераторский приехал. Не то поэт, не то писатель какой-то. Тогда фабрика у него спросила:

Ребята, замечательную такую заявку вы представили. Говорят вам, фабричники, подавшие заявки на социалистическую промышленность, должны быть активными участниками культурной революции, значит активными строителями proletарской литературы. Признали он нас жизнь нашу показывать, прогульщики, лодыри, классовые враги стихами

Старый цех завода Виноградова встречал тусклыми окнами и облупленными от сырости стенами

биты, лучники ударников стихами воспевать. Я то частушки дю ката, ни думай, коль съядешься станком,—поему первом не съядеть...

Сначала несерьезно отнесся и в день по прощанию зашпаривать стал. Обо всем писал, что в голову приходило.

То о любви, то о десерте, о заводе, о комсомоле, о маме и папе... Собирая эти стихи, принес на концерт группы. Тот-то ребята и начали кричать. И из того, что торопились, не отделяя стихов, и за то, что пишу о вещах, о которых понятия не имею, и за отсутствие работы над собой. Рифмы мои отдельные взяты и показывают, что они и на рифмы-близнецы нехожи. Рутинство работы поддергивало. Сначала я начал обижаться, а потом понимал, что запекаюсь я хотела с краючи уйти, вдруг, когда подумал, понял—дело ребята говорят. Не только над железом, но и над стихами работать надо. И взялся в свободное время разбивать и читать.

В деревне мы только старых поэтов читали, да и то не всех.

Тогда я начал стихов прочел, и болтко все-го пронзил мне Лермонтов, хотя у него очень много позитивного и суетливой массы. Трудно даже поверить, что такой образованный человек и в ботки верил. Потом Некрасов очень мне нравился.

Когда я тоже писал, начнет тогда, если в городе отправляли, и подумал, что если тысячи и десятки тысяч ребят гнали на деревни кулак и помехи—вспомнил я очень хороший и, по-моему, привильный стихотворение Некрасова «Железная дорога».

«В мире есть царя,
Этот царь беспощаден—
Голод называет ему.
Водит он армии,
Правит судами,
Всегда сгоняет людей.
Ходят обиды,
Стонут за плечами
Комиссаров, ткачей».

Ведь верно, Иван Егорович, у вас голова правильна, а головы держали и направляли помехами и капиталисты. А у нас все по-другому—никакого голода и в помине нет. Всё дарится на сознательности рабочих, на их воле к работе.

Однажды я написал стихотворение комсомольское бытие пишет под Бузанским.

Я даже много написал знаний.

Вот после того, как я прочел стихи наших советских поэтов, я сам помаленьку стал писать. Пишу и теперь только о знакомых вещах, чтобы онять конфузу не было.

Вот стихотворение, которое я для фабразбера написал: написал о нашей экскурсии по заводу.

«В цех вошли фабразбайчиков ватага.
Поглядела вон вонючка.
И в руках у каждого бумага,
И в голове у каждого вопрос.
Вы спускаетесь в глубину науки,
Тренируете мозги и руки
Механикой и химии и русским.
Мысли оружия, темени и трудом,
Комсомольской.
И общественной нагрузкой,
Чтоб ходимым работать
За станком.
Проходите. Отворим выход.
В шум. В учебу. Слесарей растить.
Никогда в фабразуме не тихо.
Никогда фабразианам не грустить».

Утомил я тебя, Иван Егорович. Особенно сложными все же Иван Егорич, нужно тебе обозначить свое мнение об этом стихе сказать. Как он тебе понравился? В следующем письме обозначим.

Должен тебе сознаться, Иван Егорович, что тут недавно забытье пришло. Поехал я на лыжах с ребятами в вихорах днем кататься. Ехали мы далеко, да видели ли, следя я по лыжной части неважный, а отставать от ребят нечего.

Они спали с героями спускались, а я за них. Только поехал, запахнулся—и одной лыжкой в сурьбу! Ну она на две части и разлетелась. Прыгнула мне в одном свитере бежать с лыжами на плечах.

Когда на лыжах лежишь—тепло, а когда лыжи на тебе—холодновато. Ну, я и просты. И вспомнил я о тебе, Иван Егорович. Егорыч—думаю как быть? Одни, бывало, бояться в чужом городе. Но ребята быстро сообразили и пошли к врачу. Врач пришел, посмотрел, видит, что ухода за мной нет, все го-

бята уходят днем на работу. Вызвал карету, и мы с женой ссыпались в больницу. Я там в очереди пролежал.

Лежать—ничего. Кормят очень хорошо. Чисто так. Сестры в инни обходительные. Ребята через день приходят—навещают.

А все же я доволен был, когда выпилили меня. Неприятно смотреть на людей, которые находятся в больнице от разных болезней.

В больнице Егорыч, я тебе скажу, нас, по-моему, дело временного состояния. Несколько с протектором и концом всей работой в фабразуме, все время устанавливали крепкий врачебный контроль. За здоровьем реций, за чистотой, за вентиляцией слалют. Самых малокровных и си-

быша удалили—получку свою по болевому получила. Вообще с делами у меня дело обстоит сплюсно. Получаю я сейчас 31 рубль, очень мало. Но на самом деле хватает. Обеды жилье бесплатно, трамвай тоже за счет завода. Год спустя 15 рублей и месяц. На заводе и ужин продукты получаю в своем ЗРК по денежным ценам. Немного денег остается и на книги, еду, кино.

Ложимся спать не поздно—в 11—12 час.

Подавляем—и набоковую. Тело, чист, душа чиста, настроение будущий снастя. Не такая пахло.

Хотела узнать о вашей горемечке, живущей в каких условиях жизни, как питалась, как болезни переносила?

У тебя Иван Егорович, много сегодняшних важных дел, а я тебя в прошлом клапаться заставляю.

Ничего, думай, оглянувшись на прошлое, крепче в настоящем работать буду.

Горячий привет тебе.

Твой ученик Федя.

Принесись.

И Е., совсем было забыл о самом важном написать. Я тут с фабразумчика бригадой на пешеходный зоопарковый совхоз ездил на заготовки овощей.

Мы не только овощи заготовили, но и красивый уголок организовали, пионерский отряд из 20 ребятишек сколотили, в инициативном комсомоле работу немногих наладили, беспартийную молодежь комсомолом вовлекли. Комсомольскую удальную бригаду создали. Наладили красный бордюр в Москву и в Сокольниковский район привезли.

Там, в Кругу Сокольническим, торжественно рабочими организациями славы.

За ударную работу район наградил фабразумчика бригаду учебной литературой и ширпотребом.

Так-то, Иван Егорович. Пиши.

ФЕДЯ, ОТВЕТ ИВАНА ЕГОРЧА

Приветliquю фабразуцу Феде!

Когда я прочел твои последние письма, где ты пишешь о своих материальных условиях, и о том, что ты сном оказался, то разину я во-чувствовал по心中的 огорчение.

Далеки друг от друга наши с тобой азартации: я из первых московских двух, большая разница в производственном обучении, но и где, пожалуй, нет такой очутительной разницы между мной и твоими ученическими, как в материальных условиях.

Ведь если советское правительство заботится не только об учениках, то и о здоровье питании, улучшении быта и о создании заслуженной сознательной среды, то царское правительство и фабриканты искали лишь лешевого детского труда, заменяющего более дорогой мужской труда, головы ребят затуманивались по причине низкого питания, они не понимали хитрости капиталистического обмана.

Начин с нашего язычника Вы сейчас живете в фабразумчика обожания, светлом и просторном. Мы жили несколько иначе. Для того, чтобы

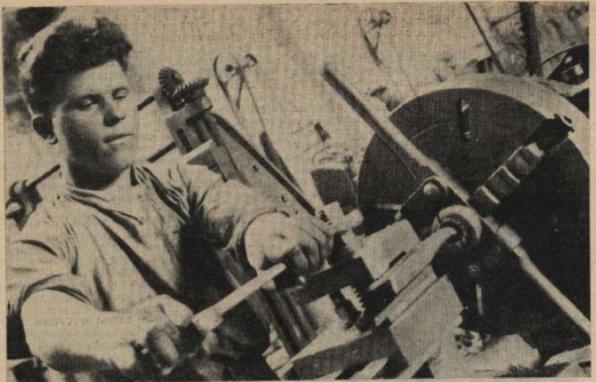

Федя внимательно выслушивает своего инструктора, опытного производственника

бывших работников сельского хозяйства, кормят. Ехали себя чувствовать неважно, право боялись, что в кабинет быти—он не только болезнь определил и порошки пропишет, но и тебе подсобой объяснил, что за болезнь, отчего она происходит и как от нее излечиться.

Новый токарный цех завода „Буровая техника“ (б. Виноградова) встречает простором и светом

Товарищ Федя досрочно выполняет производственное задание

Сын тебе стало ясно, постаралась написать на папку Сергею.

Представь себе подвал сейчас на заводе «Буровая техника» — там угульная машина величиной примерно с 15 кв. метров. Низкое помещение, темная лестница. В подвале стоит деревянный стул, на котором сидят люди, рядом с ним стоит боковой промежуток. Кроме тощиков стоят простой деревянный стул и деревянная лавка.

Сидят мы вподвое на тонине. Тонина стоит так stesso, что если ночью один должен встать, то он передвигает через десять — пятнадцать человек. Тесно, душно. Часть и газа нет, и света, и помещение залито куколкой. Хозяин издал приказ привести для него (Виноградов на радио склоняется), и он не находит другого места для угла, кроме помещения, битком набитого ребятами. У нас и вообще-то помещение не могло походить на особый чистотой, а тут, когда между углем и кроватями расстояние в десять сантиметров, и подавно. Углы насыплют — и воняет крохотные подушки. Живешь чистым, умным, а проносишь кухне негра.

Как проходит наше время?

Ночь часов утра. Темно, холода. Журналистка растягивает и будет. Хочется спать. Необходимо выйти с пагорбом места в темную холодную комнату. Под висящими искривленными линиями минуты две. Но если одни за другими встают ребята, и с последним дежурный гонит одеско и поговорю приходит с вставанием.

Вставаем, умываемся, от зиничного холода зубы изнутри попадают. Умываются тут же, в подвале, из рукомойника над огромной ложанкой. Конечно брызги летят на пол и постели. Можем сидеть мыши — это не страшно. Но если кто-нибудь спит, то поднимается трубачом.

На полу кипятят воду. На кипяток в холодном охларе трубы думать не приходилось. Крахмальщики, а эти, знаешь, если не сделашь, будут быть. А были здоровы. Насевешьши, было мало дырок на боку, подойдет мастер и даст два куска на весь день и черный хлеб. В семи часах или на работу. На работе с возрастом, еслими ни сгитались. Бывало, двенадцатипятилетний парнишка танет два-два с половиной часов до жалела или четырнадцатилетний парнишка до усталости.

Ночь. Кипяток в холодном охларе трубы думать не приходилось. Крахмальщики, а эти, знаешь, если не сделашь, будут быть. А были здоровы. Насевешьши, было мало дырок на боку, подойдет мастер и даст два-два куска на весь день и черный хлеб. В семи часах или на работу. На работе с возрастом, еслими ни сгитались. Читай дальше, погляди где.

Сгорела большая машина. Сгорела машина не жалко. Выпада из ума, не раз спрашивали их «Зачем быстrebят?». И получал от них ответ: «Нас пакоши били, ремиши пороли, а сго кулачком ударили. Небось не бары». И заканчивали обычно: «Для их же пользы бьем — знаешь, за одно-битого двух лейбных дают».

Так проносили людям в голову, что без бытия нет и ученыe, что подавляющее больш-

инство из них совершенно искрено считали, что ребят не знать — значит не учить. Навниши, спина и бока подвала заполнены всеми мудростями этой рабской педагогики.

Наконец в долгожданный звонок. 1 час дня. Ребята расходятся по своим местам, ибо тогда на балконах было словесное, тем более таких, как у вас на подвале. Мы же, учились они ходильских харчах, бедны в своей подвале. Быстро ребята занимают места, при чем старшие сидят, а младшие стоят за их спиной. Дежурные приносят из виноградовской кухни битком набитые тарелки и тарелки с выпечкой обеда. Первые годы этого призыва в Виноградове мие, как и другим новичкам, не поддавались скажем, стоят на спине старших, и через плечо лазят ложкой за пшеницей и капеши, как водится, потомину вываливают на сидящих. За это нам здорово попадали. Поэтому если старшие уходили со стола полугодичными, то мы, подавляющим и вдохновляемым с битыми боками.

Щи, которые Виноградов уделал нам из щербета своих, можно было назвать щами только при наличии хорошей фантазии. Эти были ало-скуты — канапы, плавающие в горячей воде. Миса в них не было никогда, зато иногда появлялись кипяток и кипяток с кипятком. Ребята так первых и называли: кипятные щи.

Кроме щей, аваши кашу без масла. Всё и весь обед. Интересно, что Виноградов, изобретавший в воскресенье и праздники корма настоящих будничных коржечек. Если редко требуется затраты на питание, то виноградовские коржечки вроде Виноградова, в воскресенье нам давали дополнительное не всего лишь один маленький калач.

Но кончается обед, и к 2 часам дня мелдешими группами ребята идут на работу. Грабежи делятся продолжаются до 7 часов. Если в первую половину дня ребята убегают на покой, то после обеда большинство ребят роются в бояльном дежурном ящике.

Однажды ящиком ящиком бояльный дежурный был безмерно полез для варягского человека.

Там представляем, как он был

тиялся для нас, двенадцати-тридцати-четырнадцати ребят, испытавших в то же время далеко не легкую часть работы.

Как это разнится с взяточниками рабочими, которым подсовывают вино!

В этот звонок удаётся Дядю то же, что на обед, только погодливее и помягче. Но ужинают ребята, и начинаются отходы. Что делать?

Со двери нас не пускали без разрешения хозяев — она следила за нашей ответственностью. Разрешения давались очень редко.

В подвале подсунуты были кипятки, супы, супчики.

Всё это оспещает одна любопытная персонажка — лягушка. Читай дальше, погляди где.

Всё ребята лягут, поглядывают в карты, расскажут пару сказок и засыпают спать. Мы, меньшие ребята, всегда настолько уставали, что уже в 9 часов без всякого зевания ложились спать. Спали, как убитые. Ребята побирались уже не удовольствиями этим, а обычно часов в 8—9, перебравшись через забор, отправлялись к девчатаам, т. е. в какую-либо швеинку

мастерскую, где в таком же положении, как мы в Виноградова, жили девчонки. Но надо сказать, Федька, прямо, что хоть и любите и погулять был в молодости, но для нашего брата места не было. Клубы, спортзалы, синий зал, о театре с нашим братом — в 2 рубли в лесце — не приходило. Даже на улице — и то гулять не стояло. Бульвары от нас далеки — и центр города, а также Воронцовская в то время почти не освещалась. Стоял в ней десктон фонарей. Фонари эти представляли из себя простые деревянные стволы, на которых висели лампы с гирляндами, и поэтому фонари были лампами растянутыми, и поэтому фонари горели лишь во торжественных случаях — приезд губернатора, национализация нового пристава в участок, но, в общем, не чаще четырех-пяти дней в году. В остальное время на улице царила бледная тьма, в темноте было видно только — голову и ноги Багадоры, скверным тротуаром в тьме. Ни конки, ни трамвай здесь не ходил, и по вечерам вся Воронцовская была полна ароматом от целых обозов «эздорей», въезжающих отбросы на Симоновские свалки. Кроме них из разных прохожих никто не забывал привезти с собой.

Гулять, как видишь, Федя, не приходилось.

Да и особенно это хотелось; так, бывало, устачало за день, в особенности если приходилось

дежурить. Так как ты не знаешь, что такое дежурство, то придется опишать его подробнее.

Всегда (дежурим по-двору) в половине четырех. Ну ужин совершился темно. Наскоро оделись и конечно не умывались (до умывания ли в таком ходу), бросаемся на верх. Делод надо сделать много. Прежде всего накроют дров и расстопят печки в мастерских. Но это ухолене не меньше часа просит. Тогда, когда дрова сгорят, можно бросить в кипящую воду и подождать, пока она изобьет ходины. Затем надо принести дров на кухню Виноградова. Кончи с дровами — надо топорыться с водой, скоро будит ребят. Воды в ту пору у нас на Воронцовской не было. Кунцевская городская дума, проводив водопровод в свою общину на Ямкуне и Ординке, очень мало заботилась о бедных горожанах, живших без воды и канализации.

Нам приходилось воду таскать в больших ушатах с Таганской площади. Хоть и недалеко от завода — минут 8 ходу — но в водой зимой они тебе за два часа покажутся. Ушат тяжелый, скользкий, топорысят, еджесть воняет, кипяток вода, и ты будешь сидеть на тротуаре, пока таинство постигнет тебя.

Не всегда удавалось благополучно доставить воду. То не давал створок под каким-нибудь предлогом воды из бесплатного края, и нам приходилось платить свою кровлю пятачками за каждый ушат. Виноградову конечно мы и занялись побольше о возращении этих пятачков, и в итоге, когда мы сидели на тротуаре, вспомнившись, весел ушат на тротуаре. Мало что воззращаться приходится, а тут еще дворники, обозленные, что ему тротуар залепили, поронят смазать металом по морде. А один раз таинство спотыкается, упад и слегка обшиба кипятку проходившему чиновнику флаги его герба и погоны. Чиновник уходит, а мы сидим на ушатах потому, что чиновник на при таких обстоятельствах обливать нельзя. Кончи с водой, бежишь будить ребят. Это тоже нелегко.

Каждый поровнят хотя 10 минут полежать в кровати, а за опоздание ходина спрашивается с тобой. Хорошо, когда ты сам не спробышься, иначе придется вставать, а это дежурный, и воняет из-за кипятка, и воняет из-за кипятка, и воняет из-за кипятка, и воняет из-за кипятка. Но если дежурный слизый, тогда у нас не миновать опоздания, а следовательно и тяжелого ходинского кузака.

Подним ребят, бежим вдвоем (вторым дежурным был обычно тихий парень Василий Ярославский, который спал в подвале, и его отец — бородатый) на кухню к Виноградову. Толстая кухарка пахнит нам едой, дает хлеб, и мы быстро бежим к себе в подвал. Пока ребята завтракают, берем ложанку из-под рукомойника и виноносим во двор. Торонимся, пополним разливаем по десницы, отчего зимой она напоминает кипяток.

Вымытом, оставлено Ваньку мыть посуду (говоря откровенно, ее не мыли, и просто пытали остатки из стаканов, но это называлось все же «мыть посуду»), сам вместе с ребятами иду на работу. Там на мой ответственности, кроме уборки помещения, надзор за печами, принеси воды, сие лежит ответственность за печами, и т. д. И вдруг вижу в коридоре кипяток у меня и произошла история. Шкаф не запирается, а меня и тело и дари открыты от него. Кто-то из рабочих взял штангель. Хоззин хватил

ся — нет его. Страшит меня, а я из злаю. Виноградов, из интересующихся мной, так для меня ужасающими людьми по лицу, что я смыкаю с ног и по лицу поплыла неопределенного цвета жидкость, состоящая из крови, грязи, соплей и слез. Минуты три я никак не мог притти к себ. Растирая по лицу кровь со слезами и грязью, я старалась приняться за работу, но как ушел Виноградов? Я же бросилась в укрытие и панически с подъездом горяко плакала под своей утешительской лодкой. Остальную ночь прокладывала весь в спаске и гонке. Работали дежурные до 10 час. С половины пятого утра и до 10 вечера — 16½ часов напрятанной работы, и это ведь ребята 12—13 лет. Так работали целую неделю. Немудрено, что здесь легко спалится. И спалились ребята. А было бы еще хуже, если бы Савченко не так, как описывается тобой свою болезнь.

Просыпаясь утром, ежели плохо себя чувствую, но если можешь ходить, все равно пойдешь на работу. На работе подчас тебя кашает, круги идут перед глазами и все горят, но работаем, пока не свалишься. А ежели свалишься, то тебе приходится вспоминать про рабочий. Ребята идут завтракать, обедать — помогут, накормят, а 11 часов в день лежишь, как умирающая собака у плохого хозяина. Тяжело было больно: стражася не было, во время болезни ничего не получал. Врачи на дом тоже ходили только к тем, кто мог трещину или пятерку отдать. А о налете браге, рабочими, особенно беспокоились. Одним меньше будет, колено и все то.

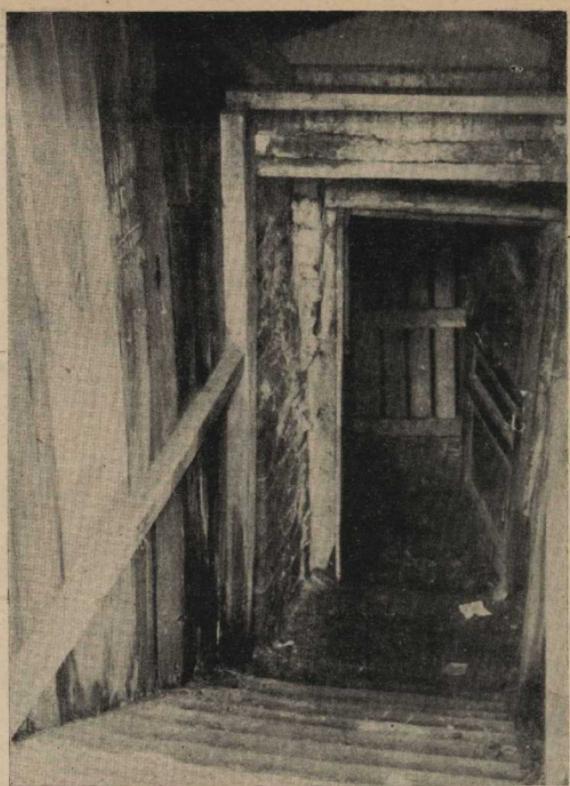
Отпускали за счет завода не полагалось. Отпускали нас на рождество на 2 недели и на пасху на 2 недели. Но отпускали за свой счет. Для нас, ребят, это было очень невыгодно и многим из нас с удовольствием оставались бы в Москве. Однако Виноградов прекращал давать зарплату. А о налете браге, рабочими, особенно беспокоились. Одним меньше будет,

надо тебе сказать, что вообще мы получали нищенскую зарплату. Первые 2 года платили по 2 рубля, дальше приблизительно по условию, но выше 5—6 рублей. Добывали из нас все. Выхода из укрытия, я лично сразу получула от Виноградова 2 рубля в день. Ты видишь, какая огромная разница была между учеником и даже младшим рабочим в оплате.

То, что получали за вычетом косусики слесарю да редким калачей в праздники, целиком уходило на обувь и одежду. И то, что мы ходили врывными, так как работали в своей одежде, никакой спаскии тогда и в помине не было.

Когда выходили на улицу, то все соседи уже знали. Говорят: «Виноградовская золотая рота идет».

Жаловаться на хозяина было бесполезно. Некоторые люди, которые весь мир через рожь и пшеницу видели, кололи к инспектору труда. Инспектор труда всех ласково принимал, обещал зайти на завод. Недели через 2 приходил такой толстый господин в форменной фуражке на завод, заходил к Виноградову и оставался там на вечер. Если после этого прихо-

Здесь, в темном и сырьем подвале, где сейчас помещается угольная яма, жили до революции рабочие завода Виноградова

Теперь рабочий б. завода Виноградова (ныне «Буровая техника») имеет отдельную светлую и просторную квартиру

дили спасибо за ответа у него, он авторитетно говорил: «Виноградов отрицает, я у него был. Он очень достойный господин, и я ему верю, но не беспокойтесь, ваше заявление я еще раз проверю». И проверял по году, по два. Поэтому и получалось, что несмотря на то, что даже царское правительство издало указ, что запрещало вымогательство труда детей до 14 лет в промышленности и ограничивало труд подростков до 16 лет 9 часами, в самой Москве за пару кварталов от инспектора труда 12-летние ребята работали по 11 часов, а в дежурство даже по 15—16 часов.

Да, Федя, не было, пожалуй, тяжелее положения рабочих учеников по радиологии.

Надеюсь, что ты и дальше будешь писать мне. Твои впечатления мне очень интересны. Только сравнивай их со своими, я вижу, какой скромно вперед мы сделали за эти годы в условиях труда и учебы молодежи.

Ты прав, что я не могу напечатать мнение наецет твоих строк. Скажу тебе, Федя, правду. Не напечаталось мне вообще стихов много читать, так что мало я в них понимаю.

Но кажется стихи хорошие — складные. Пиши их и дальше. Интересно. Отшу пошли в колхоз привет. Напиши ему, что очень рад, что он стал колхозником.

Есть, Федя, письмо к тебе просьба Синод из земельной администрации техники, бывший Виноградов, осмотреть его подробно и напишши мне. Хоть и давно я ушел с него, но все-таки приязнан к заводу, на котором вырос.

Крепко жму твою лапу.
Любящий тебя Иван Егорьев.

ИЗ ЗАПИСОК СТАРОГО РАБОЧЕГО

Н. С. ПЛОХОЙЧИК

Плохойчик, Марьян Станиславович — старый польский рабочий-бульчичек, член партии с 1899 г.
Десятнадцать лет он в первый раз принял активное участие в первой забастовке бульчичек в Варшаве. С этим актом он начал свою политическую карьеру, которая продолжалась с большим успехом и привела его к званию большевика.

Мы даем отрывок из книги его воспоминаний, охватывающей польское рабочее движение девяностых годов.

Мой отец, обремененный многочисленной семьей, решил отдать меня и моего младшего брата в учёбу. С этой целью в июне 1893 г. он привез нас в Варшаву.

Тогда я только плакал.

Таково было мое вступление в жизнь. Казацкий санитарный врач, наследник которого находился в казарме, никогда не заглядывал в нашу квартиру, ни в пекарню, но зато очень тщательно обследовал кончины и мучной склад и уходил всегда в хоромы настороже.

Ночная работа обычно начиналась в 5 час. вечера и продолжалась до часу ночи, дневная — с 5 час. утра до 12—1 час. дня. Таким образом рабочий день составлял 15—16 часов. Харчи были хорошие в общепитах Рабочего поселка, какую-нибудь деревню, суп и фунт мяса, мальчики — то же самое, но мяса полфунта.

На работу была очень тихая и скучная; все делалось руками. Самая тяжелая работа состояла в приготовлении теста. Например в раковое тесто вливалось обычно 7 л воды, перед водой вливались от 8 до 10 л теплых варенных мешков муки, и такую массу измельчали в тесто-мешках, а потом даже две пекарни.

Работе деялилось на мастера и помощников. Мастера получали жалование от 18 до 25 руб. в месяц, помощники — от 12 до 14 руб. рабочие неквалифицированные — от 6 до 7 руб. в месяц. Мальчики-ученики получали только натуру: одежду, обувь, белые фартуки, пиджаки: одежду, обувь, белые фартуки, пиджаки.

Фартук надевалсяいつも на голое тело. Фартук был так широк, что мы в него завертывались, как в юбку, а снимали линии когда он раздевался. Тогда приходилось его складывать тестом.

Работа во всех христианских пекарнях производилась круглый год с двухдневными перерывами на рождество и пасху. Но воскресеньем и праздничным днем работали так же, как и в будни, и часто в дополнение.

Те, которые не имели спальни, а когда раздевались в мокрый тюдор, то спали «с удобством», спали и деляли брак или совсем переставали работать. Тогда рабочий, ответственный за данную работу, поскольку сам не спал, будил их руганью, обливая водой.

За убыток при такой работе хозяин ругал рабочих, вычитывая из зарплаты или прогонял с работы, — а мальчиков, снашивавших во время работы белые фартуки, — из пекарни, по любому поводу и без всякого повода.

Самые худшие были и не всегда, но всегда могли испытать на первом месте, если были за куриные панироны, даже в учебной, за протест против постоянных оскобрений, были, чтобы подчеркнуть различия между мальчиком-учеником и «господином подмастерем».

Большинство пекарей были гордыми польщиками и по-польски мере возможна их постоянная болезнь. Пекарь развлекался только в избе или в публичном доме.

Большинство пекарей, которых я знал, с которыми встречалась потом, были грамотны и склонялись винищаться газете «Варшавский курьер». Старые пекари любили говорить о польской и очень интересовались греком тогда польским делом и войной в Сиаме. Проще, они не сошли с роялем, и это было для меня счастьем.

Тут мне очень пригодились некоторые географические сведения, полученные мною

дома, и я обяснял, где находятся эти страны, чем достиг известного удивления к себе. Это было мало моим поставить свою порцию побеги и ругань. Зато от старых пекарей я первым услыхал о галицийской реине 48-го года, когда польши разрезали деревянный шилот о Парижской коммуне, когда польши говорили о работе и корчили крылья, о том, что Польша существует, и «Прогородка». Мы не слогали и по имя чего умирали, но мы чувствовали, что до сюда касается лучшей жизни этих забытых и узкоженных бедников, как мы, и чтили их.

Еще продолжала существовать цех и цеховые традиции. Традиции были довольно сильные. Некарские подмастерья платили ежемесячно взносы на содержание клуба подмастерьев, на пособия больным, на пособия в клубе на содержание клуба подмастерьев и на пособия больным. Касса подмастерьев находилась в исключительной власти цехового старшины и ассессора, назначаемого президентом города из среди цехового городского управления. Выборы из этой должности сопровождались большой вынужкой, так как обычно выбирали того, кандидата, который стоял выше водки.

Мы жили в период, буйного расцвета промышленности в Польше. Внезапный приток населения, вызванный этим расцветом, совершил прорыв в пекарни. Старые патриархальные мастерские, владельцы которых — пекарни — не хотели и не успели приспособиться к новым условиям, не были в состоянии удовлетворить постоянно расширяющийся спрос на хлебные изделия.

Стали открываться новые пекарни, основанные не цеховыми мастерами, а обывательскими предпринимателями, которые для делового руководства брали пекарни у старых мастеров. Некоторые из них перевстали быть пекарями, становясь промышленниками. Предприниматели, в зависимости от капитала, основывали пекарни в 3—4 печах на 15—30 рабочих и даже в 10—15 печей на 60—90 и более рабочих, с приспособлениями.

Для увеличения прибыли мастера стали действовать в двух направлениях: во-первых, в направлении лучшей организации и интенсификации труда, т. е. более интенсивной эксплуатации рабочего труда, во-вторых, в направлении технического усовершенствования: во-вторых, более рационального руководства пекарней в коммерческом отношении, т. е. закупки муки, угля, дров и т. д. в первых наиболее дешевых цен и в больших количествах.

Производительность труда была повышенена путем увеличения объема печей, кормы, досок и путем такой организации труда, которая вынуждалась перерывы в работе, скреплять до нескольких минут. Для усиления приемов брожения применяли целые количества сухариков. В некоторых пекарнях предприниматели по секрету от рабочих платили специальную надбавку руководящим работой подмастерьям за ускорение темпов работы. Такими простыми средствами производительность труда была если не удавалась, то во всяком случае значительно повысена.

Подмастерья в пекарни все чаще сменились, не будучи в состоянии выдержать на такой работе несколько месяцев или даже недель. Бежали и ученики. В течение трех лет, т. е.

в 1895—1897 гг., сменилось пожалуй малышиков 20. Только двое пробили в этой пекарне еще срок уроков.

Когда однажды подобрались подмастерья хорошие как в отношении квалификации, так и в отношении характеров, тогда работа казалась наполовину легче, и работали мы почти с охотой. Несколько голов в такт ударов в корыто, пекарня «Старый город» — один из самых хороших. От востока дверь уже белела и гуммина светил заря. «Варшавину» и «Красное знамя» мы еще не знали. Что мы, пели, было не так важно: важно было то, что вообще пели, что проявляли какие-то человеческие чувства, что хоть на короткий миг можно было забыть о действительности.

Хуже было, если работали закоренелые алчоголики, которые считали почти своей обязанностью зверски образом избивать подмастерьев, будучи уверенными, что сопротивление стоящего не встретят, как это в таком случае остальные подмастерья просто из солидарности помогут им подавить такое сопротивление.

Но я должен подчеркнуть, что в таких случаях большинство подмастерьев нас защищали, не позволяли нас без повода наказывать. Это имело очень большое значение, так как предупреждали создание между малярчиками и подмастерьями конфликта. Пекарни, употреблявшие хлебо-пекаринстvennoe исполнение, были ущербны для обеих сторон. Не было случая, чтобы побитый малярчик нашел с хлебом к мастеру. Подмастерье любил, показать свое происхождение над учеником, но в то же время при каждом удобном случае называл его ему, что он — кандидат в мастера, и, в то же время, должен быть малярчиком подмастерьем в пекарне в мастерской-хлебнице, который являлся естественнымрагом обеих сторон. Так нас обучали классической солидарности.

Часто бывало, что вновь принятого в учёбе малярника «выстрелили». Кто-нибудь из старых подмастерьев ссыпал в постель подушку полыни, наподобие креста, накрылся мешком, брал в руку соломенную кисть для смазывания теста и, кропя ее малярчику, держал перед ним такую речь:

«Иди, мати, твою тварь, с ногами вспомнишь на митре, ни отца, материю твою будет корыто, отпом—полено, в церкви пойдешь только для того, чтобы укрыться от дождя, если туда зайдешь бешеная собака, но в кабине всегда пойдешь, когда у тебя будут деньги. Будешь называть косым Петром Амьеном.

Это была школа классового сознания, школа, которую не заменил лучший книга. В остальном наши жертвы за работу были смертельны, сломлены и перебиты. Все дни проводили друг на друга. Танки дней в году 361, так как у нас было целых 4 дня праздников, т. е. позади отпуска. Их мы ждали с тоской и нетерпением.

В 1896 г. был такой случай: малярчик лег спать в субботу вечером по окончании предпраздничной работы и проснулся только по вторник утром, т. е. уже после праздника. Этого не замечали потому, что в субботы от работы выпадали какими занималась только собака. Во время этих праздничных перерывов я посещал выставки и ходил в театр.

Так я прожил два года учёбы,

, Песня польских восстаний 1863 г.

Ганджа окружена садами. Весною в белом кипении садов трудно разыскать корпуса фабрик и заводов. Но дальше, где обрываются сады, тянутся бесконечные хлопковые поля, кукурузные заросли.

К северу горожанам Газовый володаред, а слева Шах-Даг расставил свои вишки снежных шапок и охраняет покой долины. Земля хорошо отплачивает труд хлопкороба, дает богатейшие сборы винограда, и ганджинские сады сияют далеко за пределами Азербайджана. Уже вчера в Азербайджане получив этого края в наследство от предков, люди изобрели новые способы выращивания винограда и хлопка. Тюрк-туземец пытался поклонением из виноградников и кукурузных щелот заслужить милость небес. Немец-колонист внес рационализации и наладил рецепты немецкой виноградной агротехники и виноградные квадраты и дал новые поводы уединиться в непреклонности предводителей, утверждавших виноградники и кукурузные поля — это путь к процветанию, к жизни новых времен — выброса здесь такая, для которой хлопок — лебедь, а виноград — яин. На окраинах города высоросли пристрастные корпухи текстильных фабрик и винных заводов.

Земля, законы, написанные предками, доведены над людьми и держали их в плену.

2

Но канавы и штолиши скользили правду об этой земле.

С 1924 г. люди, принадлежащие сюда из Тифлиса, Москвы и Ленинграда, диковинными инструментами и приборами копались в земле, щупали пальцами, нюхали, пробовали на вкус. Люди прорызали в разных направлениях канавы и повезли в Тифлис, Москву, Ленинград кусочки земли, завернутые в бумаги, крошки камней, показывали и изучали.

А с 1929 г. здесь начали сверлить землю бурами.

С 7 июля прошлого года Центральная комиссия Геологического комитета СССР в своем протоколе записала:

«Запасы руды только в северо-западном участке месторождения равняются 52 млн. тонн. Примерно то же самое записала комиссия и по другим участкам Дашкесана.

Люди, которые приходили сюда с невиданными приборами, давали все новые и новые дополнения к протоколам комиссии. Затем подвели итоги разведкам дашкесанского месторождения железных руд. Выяснилось, что в Дашкесане обнаружены богатейшие залежимагнетитовых железных руд и что только по категориям А и Б этих руд не менее 100 миллионов тонн, а общая сумма запасов — вдвое больше.

Таким образом геологии внесли существенную поправку в экономическую географию Азербайджана. Там, где говорится о ганджинских садах и виноградниках, надо теперь добавить о миллионах тонн великолепной магнетитовой руды...

3

А в другом конце страны Закавказья, на два верстах выше кружки на берегу Чёрного моря, кружка, который ловится «Порт Поти», по склонам отрога высится копыры закавказской кочегарки — Ткачевчельских угольных колес.

В окружении субтропической экзотики (мандинки, агбога — каучуковое дерево, аспельсиновые рощи) Ткачевчельцы расправляют свою мускулы. 110 млн. тонн угля целиком держит в своих кочегарках Ткачевчельский угольный комбинат, берега которого отдают им. О Ткачевчелях, основной угольной базе Закавказья, ЦК ВКП(б) сказал:

«Предложить ВСНХ Союза фиксировать окончание работы по разработке ткачевчельского угля, а Наркомводу в месячный срок представить проект строительства угольного

порта, приступив к постройке его с января 1932 г.».

Как кислород в грудь больного, вливается жизнь в коли и расширяет их, заставляет работать учащенным темпом. Идет усиление реконструкции колес. 1200 тыс. тонн угля в год будут давать Ткачевчель в первое время, а к концу 1934—35 года — 3 миллиона тонн. Кислород в грудь конусуется, давая высокого качества металлургический кокс. Уже в будущем году промышленность получит от Закавказской кочегарки 630 тыс. тонн кокса...

Ткачевчелам на помощь в трудные дни придут ткачевельские угли 40 млн. тонн запасов ткачевельского угля, конкурирующие с 15-процентной приемкой ткачевчельского угля, — добываемые ресурсы кокса.

4

Мягкие волны Ширакской степи стали отрывным центром внимания. Здесь, затерявшись среди холмов и глубоких балок, где бродили раньше только стада степных волков да изредка пробегали дикие козы, встали к небу восхитительные залпы нефтяных вышек.

Здесь недавно родилась нефтяная промышленность Грузии.

Год назад, в летние дни выжженные до черноты, степь танла в своих недрах богатейшими запасами легкой бензинистой нефти. Теперь нефть стала выкачиваться на поверхность. 14,500 тонн промышленной нефти впервые в истории Грузии дали в этом году. Восхитительные залпы нефтяных вышек будут множиться в геометрической прогрессии. Грузинский штат мощной энергетической базой, разной теплоперенесущему Баку. По последнему слову нефтяной техники будут оборудованы бурговы, и неядер будет выбираться все ценнее, что можно будет взять. Твердородное золото из нефтепроводов попадет в Тифлис золотом из нефтепроводов, а в сторону к востоку эмиссия газопровода.

Примо из буровых скважин будет высасываться естественный газ и через горные увалы,

перепрыгива быстрые потоки, перестегивая виноградники и хлопковые поля, змей изнывает среди кукурузных зарослей, пойдет нефть газ в Гандию.

По данным 80-километровой змеи газопровода...

5

В Дашкесане свяжется крахкий узел.

Узел из трех ранее разрешенных проблем — ткаческо-швейского, нефтяного и хлопкового, местных же золотых руд, известника и огнеупорной глины — заходит фундамент и даст жизнь мощному гиганту черной металлургии.

О Дашкесане сейчас знают очень немногие и совсем, почти не знают о том кучке энтузиастов, которая шесть лет назад копалась в канавах и штольнях по соседству с кукурузными и хлопковыми полями, выискивая виноградные листья, искала путей разрешения проблемы создания в Закавказье своей базы черной металлургии. Эти люди, которые были заряжены идеей создать черную металлургию в стране винограда и кукурузы и переливать ее экономику Закавказья, подсчитали возможности и скомбинировали руды и уголь. Тогда же, когда на территории Широкской станицы гигантские известняки и огнеупорную глину в одну мощную проблему, созданию зажигательного Магнитостроя — Дашкесанского металлургического комбината.

В прошлом году ЦК ВКП(б) сказал свое слово:

«Предложить Закрайкому и ВСНХ Союза обеспечить проведение всех подготовительных работ для начала строительства в 1953 г. Дашкесанского (Азербайджан) металлургического завода».

Вопрос был решен. Уголь Ткачевца, длинными каранами платформой пойдет к коксовым печам комбината. Из Широкской стени газ по-

текет до газопроводу к топкам печей, а из дашкесанских рудников к заводу, поблескавшая искрами на стаканах, будет виться в стремительном потоке электрические составы с магнетитом для доменных печей гиганта.

Облик гиганта уже теперь виден из четырех и четырех рельефов. Дашкесан — это изысканный, который превращается в изысканный. Так же, как канаты превращаются в колы, скоро четырех и планы комбината превратятся в корпуса заводов, в колонны клаулеров, гигант-домов, и коксовые батареи. Доменные печи комбината будут выпускать 900 тыс. тонн высокочистого металла. Прокатные стальши Дашкесана дадут в год 150 тысяч тонн 50-тонного прокатного эквала, 50 тысяч тонн белой жести. Гигант даст для закавказской машиностроительной промышленности 100 тысяч тонн листового чугуна, 600 тыс. тонн тянутых труб будет получать ежегодно нефтяной промышленности от комбината.

Нефтяная промышленность Закавказья (Азнефть, Грунфезе), Северный Кавказ, Средней Азии будет иметь свою прочную металлургическую базу.

6

Вопрос решен окончательно. Уже в будущем году начнется постройка комбината, и в 1954 г. доменные печи гиганта дадут свою первую плавку. Сроки строительства — болгарийские и уже перевернуты. В стройке гигантов перенесены Урал и Сибирь.

Собственно строительство начинается сегодня. В этом году нужно подготовить жилища для десятков тысяч рабочих, надо провести электрическую железную дорогу до рудников Дашкесана к заводу, надо готовить строительные материалы комбината.

Бесиково завтра наступает сегодня. Закавказье всего полтора десятка лет назад вышло из под

пяты царизма. Царская колония, истощенная наемщиками и занятая царизмом, за годы советской власти расширила свои мускулы и в строительном развитии культурного и экономического развития добилась первенства в районе Советского союза. Дашкесанская национальная пролетария, преодолевшая национальную партию, дала возможность в такой короткий срок поставить хозяйство республики Закавказья на такую ступень развития, что в данный момент Закавказье превращается в страну индустриально-аграрную, получает возможность развернуть новые отрасли промышленности, о которых раньше никто и слышать не было.

Но продолжает Закавказье еще малод. Современными силами республиками Закавказья будет трудно подготовить рабочие кадры для нового гиганта промышленности. Домны Украины, мартем и прокатные стальши Урала должны взять на себя задачу подготовки кадров для Дашкесана, трудящимися республик Закавказья должны подготовить свою боевую армию для металла на всех страницах заводов страны.

Комсомол Азербайджана взял Дашкесана под свое наблюдение. Комсомол готовит свою встречу второй пятницей Закавказья. А Дашкесан — ее лицо. «Служба Дашкесану» — клич, который должен мобилизовать комсомола всего Закавказья, всего Союза.

Сяды, окружающие Ганджу, в белом кипении весны увидят новых людей и новые дела. Невиданный бег времени — за один год пройдут века — перенесет Ганджу из застоявшегося заходусти в бодрящую атмосферу новой металлургической базы советской Закавказии — Магнитостроя. Он окажет равнину Предуралья и Передней, как Днепрострой передает сейчас на Волгу, под лучи горного солнца Азербайджана.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ОПЫТ СТАРЫХ РАБОЧИХ — В АРСЕНАЛ КОМСОМОЛА Старые производственники Станкозавода взяли шефство над молодыми рабочими

Старые рабочие ремонтного цеха помогают комсомольцам опладить новый станком

БЫТОВАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ МОЖНО ЛИ ТАНЦОВАТЬ?

«... Я сам из рабочих и знал, что такое угорь рубить, а потому не позволю, чтобы мне ярлык мешанин приклеили на из чти что. Прощу ответить...»

Чем так возмущен т. Пивоваров (Добров)? Что заставило его обратиться в редакцию «С и мье с таким длинным письмом, которое заканчивается вышеприпомненной фразой? Дадим слово самому т. Пивоварову.

«Тяжело мне работать замужем, любую Нижнюю помощь поддержки со стороны. Взяли с шахты и говорят:

— Вот тебе, значит, клуб, вот обожайте, и занимайся культурным обслуживанием!»

Куда это можно промахнуться. Всего этого я заведу красным уголком при группе шахтерских общеизданий. Но все же есть у нас большая зала, сцена и пинетто, так что работать можно.

Больше, чем всех, в общежитии — молодежи. Все свое свободное время проводят бесцелько. Пылают или в карти речутся. Стал замечать, что на молодежь смотрят с опаской — начальщицы. И родилась у меня мысль: а что, если организовать танцы в клубе и тем самым отвлечь молодежь от вредных вечеринок? Принял также бывников, которые на вечерах играли (тоже шахтеры), и организовал вечеринки. Результат получился прекрасный. В этот день клуб был набит до отказа. Веселились до поздней ночи. Этаким таким вечером устраивались еще несколько раз, и нужно сказать, что поспешностью клуба здорово повысилась, а главное на этом «деле» склонились к постоянной круговой активности.

Все было хорошо, как варухами, кроме одного: в клубе остались танцы в клубе прислали председателя культпросвета шахты т. Бойченко и забрали меня:

— Да это же прямо разложение какое-то! Завтра же приходи к культпросвету.

Заседание культпросвета как водится скорвалось, и т. Бойченко сам персонально запретил танцы в клубе как «идеологически неизвестные». Я не мог понять, что я сам вводила обильевским разложением и омешанинами.

Я ему заявила, что нужно учить настроение масс, что народ лучше, чем клоун в костюме, и что лучше, чем когда молодежь из пыльных ведерок буржуазийный фокстрот вытапышилась.

— Мы же знаем, что фокстрот, не фокстрот, — акричка Бойченко, — для нас это все равно, только танцы в клубе — это позор. Чтобы больше этого не было. А тебе за такие мешанины мы еще по комсомольской линии вдернем...»

Дальше т. Пивоваров подробно излагает жаркий спор, присущий между ним и Бойченко, в конце задает вопрос:

— Так как же, товарищи, можно или нельзя молодежи танцо-

вать, и кто прав — я или т. Бойченко?

Вообще говоря, ничего зазорного нет в том, что молодой парень или девушка, комсомолец или комсомолка умеют танцевать и танцевать, что танцы организует клуб. Но на письмо т. Пивоварова следует ответить поподробнее.

Тов. Пивоваров правильно подметил, что на пыльных вечерах основное место занимают танцы, и правильно поступил, когда отвел молодежь от азартных карточек.

Рис. В. Брюсина.

пер от замкнутых временных вечеринок, используя тот же танец, только на клубной площадке, организуя массовое веселье без вина и побоищ. Однако это только подделка. Танцы как самоцель нам в клубе меньше всего нужны. Специальные вечера танцев, которые клуб собирает молодежь только для того, чтобы танцевать,

нические вечеринки вовсе не потому, что ей очень нравится. Делается это из ненормальной скучи, оттого, что тот же клуб не занимается организацией досуга. Одно то, что клуб, организован только вечера танцев, отвлек молодежь от идеологии тупого времязависимости, свидетельствует о ненормальной тиаге молодежи к здоровым массо-

ХОЧУ ИГРАТЬ НА СКРИПНЕ

В «Смене» поступило письмо от рабочего-комсомольца Малахова из г. Кропоткина. Он пишет:

«Еще с самого детства у меня началось тяготение к музыке. Я играл на самом распространном инструменте — балалайке. Мне нравилось играть на балалайке, и все говорили, что у меня есть слух и что на меня может выйти хороший музыкант. Я в самом деле стал мечтать сдаться этим музыкантом. Вскором времени балалайка перестала меня удовлетворять, и я склонился от занятия балалайкой к скрипке. Опять всем нравилось, как я играл, и опять все говорили, что у меня хороший слух. Это меня подтолкнуло, и я по-серезному решил заняться музыкой. Я склонил еще раз свой денек и купил уже скрипку. В нашем городе находился специальный магазин техники. Чтобы учится игре, я вынужден был ходить к одному преподавателю музыки, который живет у нас в городе. Я урываю из своего заработка деньги, чтобы платить ему за уроки. Я

мечтаю вырастать погоди в консерваторию. Но это долго мне принеслось занятьться музыкой.

В яичке узали об этом и решили, что мне ничего видно не делать. Меня стали загружать общественной работой, не давая мне возможности учиться музыке. Когда я пришел к секретарю яички и стоял просить, освободите меня от нагрузок в те часы, когда я учуся, то секретарь сказал:

— Это не учеба. Ты что ж, на скрипку копечь променять комсомол? Лучше, Малахов, оставь свою буржуазную замашку!..

С тех пор мне не дают возможности учиться игре на скрипке. В яичке ходят слухи, что и обижуясь. А скерзарь говорит мне:

— Если ты, Малахов, не бро-
сишь свои барские замашки, —
поставлю я на бирю.

Дорогие товарищи, ответьте, права ли яичка? Может ли комсомолец быть музыкантом и ет Малахову эту учебу.

ним мероприятиям. Разве нельзя было переключить энергию «танцоров» на организацию вечеров само деятельности? Использовать тех же баинчики как ядро, вокруг которого можно было бы складывать музикальные кружки? Эта идея, как я считаю, должна поддерживаться вокруг «бендеров» из-под переключения его на многогранную, каучубовую работу. Волею «танцоров» в физкультурные кружки, так как танцы (хорошие танцы) содержат в себе элементы физической культуры.

Создать из них группы, которые организаторы, которые создадут техникой этого дела, сумеют организовать досуг в рабочей кадарме, в общеиздании, на каучубовом вечере. Естественно, что если про делать все это, танцы (специальные вечеринки) не станут базисом в деятельности клуба, а станут яркими элементами средствами организации досуга, не превратившись бы отчасти во вредное дело. Тов. Пивоваров говорит: «Нужно учить настроение масс. Народ танцовщик... это не совсем верно. Настроение масс обязательно нужно учить, но не танцевать. «Народ» хочет только танцевать. «Народ» хочет с пользой проводить свое свободное время, повысить свой политический и культурный уровень, организовать свой досуг, а иногда и потанцевать.

Что же касается самого танца как такого, то нужно заметить, что несмотря на то что комсомол сейчас сошел со сцены, за последние годы осталось очень много новых танцев, в том числе и массовых физкультурных танцев, которые с успехом прививаются в среде молодежи Эти танцы т. Пивоваров может без труда перенести в свой клуб, если зайдет в Дворец культуры, который находится всего лишь в расстоянии четырех километров.

Тов. Бойченко не прав, когда защищает клубы, которые не входят в клуб, в том числе не прав, когда «вбирает» т. Пивоварова в «жемчужину» и «зрелище». Ничего подобного здесь нет, а т. Бойченко как представитель культпросвета следовало бы просто помочь т. Пивоварову наладить каучубовую работу.

Мечта вырастать погоди в консерваторию. Но это долго мне принеслось заняться музыкой.

В яичке узали об этом и решили,

что мне ничего видно не делать.

Меня стали загружать общественной работой, не давая мне возможности учиться музыке.

Когда я пришел к секретарю яички и стоял просить, освободите меня от нагрузок в те часы, когда я учуся, то секретарь сказал:

— Это не учеба. Ты что ж, на скрипку копечь променять комсомол? Лучше, Малахов, оставь свою буржуазную замашку!..

С тех пор мне не дают возможности учиться игре на скрипке. В яичке ходят слухи, что и обижуясь. А скерзарь говорит мне:

— Если ты, Малахов, не бро-
сишь свои барские замашки, —
поставлю я на бирю.

Мы должны иметь свои профес-
тарские музыкальные капризы.

А яичка вместо помочи срыва-

КАК ВЫ ОТОБРАЗИТЕ ВОСПИТАНИЕ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА В НАШЕЙ СТРАНЕ?

Ответы советских писателей на анкету «Смены»

Накануне VII всесоюзной конференции ВЛКСМ «Смена» обратилась к ряду советских писателей с просьбой рассказать рабочим молодежи, как они изображают в своем творчестве, в своих ближайших произведениях гигантский процесс коммунистического воспитания молодежи в Советском Союзе.

Печатаемые нами ответы свидетельствуют, что тема о молодежи, ее воспитании в классовых битвах за социализм стала объектом работы ряда наших крупнейших мастеров. Эти ответы служат также ярким свидетельством происходящей перестройки советских писателей, завоевания ими новых высот в борьбе за марксистско-ленинское мировоззрение, за Магнитогорской линии ратуры.

N. АСЕЕВ

Я буду писать поэму «Фабрика счастья». Тема бьется и захватывает меня. Я вот присматриваюсь к нашей молодежи, сравниваю ее с молодежью дореволюционного периода — стущаю, какая разница между ними. И вот какая какая громадная разница между ними. Советская молодежь несомненно более идеальной, трудолюбивой, энергичной. Прямо удивляешься этим новым людям.

Наприимер таковой простой случай, который ярко характеризует наше поколение. Еду я вчера в трамвай, на которой площадке стоят два парня из спортивной линии и руки исцарапаны. И блуду: смыши, что же это случилось? От об инцидерах, теории стоимости. Оказывается, один учится в вечернем институте, а другой тоже где-то на курсах. И ведь таких — десятки тысяч. Жизнь меняется совершенно. Раньше университетская наука сосредоточивалась в столицах и некоторых городах. Теперь же институты, гимназии есть и в самом глухом захолустье. Создаются вузы по крупным заводам, и фабрикам. Это делает в страну замечательную по силе страzu просвещения, культуры. Поэтому, теперь уже не из старой чехословацкой провинции. Деревни все успевшее подтягиваются к городу.

Причем наше «фабрика счастья» вот почему — земля счастья ходить не может так выразиться, в одиночку, более индивидуально. Каждый старается устроить свой уголок, совершившись на заборах о том, как живет сосед. И счастье одного строилось на несчастье другого. Например: умеет бухгалтер — его помощники заняли место умершего и таким путем создали благополучие. А теперь счастье будет колективное. Счастье плавающей лодки — заезжий от счастья всего общества, от уровня техники, науки. И забытый человек будет не только с собой одним, а обо всем колективе. И это будет делом и сделает нашу молодежь.

Э. БАГРИЦКИЙ

«Смерть пионерки» — называется поэма, которую я пишу. Ей будет посвящена маленькая девочка — ложка окунавшегося рабочего, которая даже перед смертью отказалась надеть настывший крестик, а в последнюю минуту отдала пионерский салют. Неудивительно, когда взрослые парни и девушки становятся атеистами, но удивительно, что это делает ребята, воспитанные в религиозно-историческом духе и чутко понимающие дух своей эпохи. Этими я хочу показать, что никакие препятствия, чужие влияния не могут уже в значительных сте-

пени помешать наше молодое поколение. Не надо пугаться названия поэмы — «Смерть пионерки». Момент смерти только придает силу и яркость произведению, так как не секрет, что во времена не такие далекие (и даже теперь бывает) некоторые люди, — между ними встречались люди очень видные, — яро отрицали бога, а перед смертью из-за пустых страха, «а вдруг я не достоин земной жизни?» — или, услыхав просьбы родных вновь возвращавшиеся в «лоне церкви». Тем более контрастно и выпукло на этом фоне выступают упорство, сознательность этой маленькой девочки-пионерки, дитяти своего века, отрицающей религию.

О «воспитании» молодежи я не думало писать потому, что считаю наше советское воспитание молодежи в основном правильным. Но я буду писать о трудностях роста, формирования характера при условиях самостоятельности и со знанием общественной ответственности каждого юного индивидуума и постепенного отмирания семьи как единицы, у которой раньше воспитывались. Это войдет в роман «Страна», которую я сейчас пишу.

L. СЕЙЮФУЛЛИНА

Работаю над повестью «Баян и яблокот». Одна из главных героинь, секретарь комсомольской ячейки, очнувшись в центре борьбы двух мировоззрений — созерцательного, которое на поверху оказывается классово изражденным, кулацким, и мировоззрения коммунистического, предстающего в лице Володи Наконечного — секретаря комсомольской ячейки, обнаружил одинажды, что он «не знает жизни», что он был гордым, этому беспомощным и в поведении своем, и во взаимоотношениях с людьми. Он жаждет правильного понимания жизни, коммунистического осознания ее. Так он зародился.

Любопытный Яков Коровин — герой пьесы Петушиных, сын купца, как «взрослая» молодежь чоловек. Герой повести, видя рождение теленка, через созерцание этого биологического процесса осознает сложность жизненного процесса. Это доказательство, целиком о мелкобуржуазном пессимизме. Осознание жизни с точки зрения ленинского понимания этого процесса, сознание того, что надо найти свое место и занять в каждом событии, воли и смисла каждого поступка — вот в чем главные моменты, когда человек взрослеет. Об этом я и рассказываю.

N. ОГНЕВ

Я только что закончил роман «Три измерения», посвященный разоблачению индивидуализма.

Теперь работаю над новым романом; он носит рабочее название — «Изобретатели». Изобретатели — это главным образом рабочая молодежь и подростки, и их изобретательство — не только техническое, но и военное, творчество во имя будущего, живого во всем своем величии.

Роман работает в нескольких планах. Один план — это современная советская школа, с ее скрупульным поворотом к политехничесму. Другой план — это крепедовская школа за границей, с широко развитым самоуправлением и племянниками (учениками старших классов), по распоряжению директора производящими экзекуции на маленьких. Наконец третий план — это советский туризм.

По первому и третьему планам материал у меня собран; второй план нуждается в дополнительном материале.

Я поставил себе целью опять стоять на пленке — старый и новый, и хочу посмотреть, что из этого выйдет. Идея — сама по себе, и способен я росту (а способность к росту — это главное значение каждого явления).

А у нас в каждом уголке жизни — творчество, рост.

Нужно однако понять, что мой материал — не только Бризов. Шире Бризов, шире Бризов. Пока — это вся совокупность явления роста. Когда же кому-нибудь работы материала умется, входит в рамки.

Только тогда можно будет сказать полной и конкретной.

А сейчас придется ограничиться этим общим.

Иван ЕВДОКИМОВ

Всякое художественное произведение советского писателя в конце концов обращено к молодежи. Пытнадцать лет существования драматургии proletkult — это рост десятков миллионов людей народов СССР.

Оно не знало никакой власти, кроме коммунистической. Ему принадлежал будущее, к строительству которого и должно быть подгото-лено и воспитано новое поколение. В решении этой огромной задачи по мере сил и спо-

собственности стараюсь участвовать и я. «Молодежь» тематика в той или иной степени прощается в каждом из «взрослое» произведения. Первая моя печатная повесть «Синеворк» (1925 г.) посвящена молодняку (истории рабочего подростка в дореволюционную эпоху). История о том, как юноша написал роман «Зеленая роща», изданный «Молодой гвардии» в 1931 г. Несколько рассказов о юношестве печатаю сейчас.

ВЕРА ИНБЕР

Одна из самых больших радостей поэта — это услышать написанную им песню. Песни, которую поют и любят.

Слова, спроектированные на музыку и подкрепленные человеческим голосом, приобретают неограниченную убедительность.

Наши страны и наша эпоха дают исключительный материал для песен.

Класс, как и человечество, особенно охотно поет тогда, когда он молод и силен.

Молодость молодого класса-пионеров и комсомола, я хочу попытаться написать для вас несколько песен, в которых отразятся быстрота, вера в себя, желание работать, желание любить. Вопросы воспитания и формирования нового человека, при всей их сложности, тоже могут быть затронуты песней.

ком. Между ними происходит столкновение. Сын восстает против отца и доходит до того, что, не стесняясь родственными связями, раскрывает перед сельскими властями контрреволюционные помыслы отца. С виду сюжет как будто бы прост и ясен. Если много литературы, в которой отец — старик, встречается в грядущую войну в противоположных лагерях, без позади, во имя догмы, идет друг против друга. Но там ситуация была проста. Пути решала спор. Сейчас мы находимся на относительно мирном этапе развития. Положение психологически обострилось. Показательно, что в фильме «Молодые» одна из сцен шантажа она в своем развитии, сила логика, коммунистическая идеальность, высокая сознательность переборола, подчинили себе, отодвинули на задний план биологическую любовь к родителям, субъективные эмоции.

П. ЗАМОЙСКИЙ

Ненимоверно тяжела, сложная и ответственная работа лежит на плечах нашей молодежи. Особенно — деревенской. Зачастую молодежь выполняет такую работу, на которую не хватило бы энергии и силы у многих взрослых. Не только удивляться и восхищаться приходится этим, но и передко и жалеть: не надорвутся ли раньше времени силы? Не разочаруются ли нервы?

Показ части этой работы колхозной молодежи и выдастся в третье и особенно в четвертую книгу романа «Лапти». И не только работу по колхозничеству, свою уборку, хлебозаготовки, но и свою любовь, которая привлекает молодежь от поклонов. Молодежь мало заражена чувством мелкой собственности, стяжательством, зодчеством «боярьки щепку тиши в свою избу», и поэтому в колхозном движении она принимает такое же жизнелюбие участие, какое некоторые завзятые собственники, будучи когда-то молодыми, проявляли, «старась» для своего хозяйства.

Недавно и не на что оглядываться молодежи. Она, выросшая в революции, воспитанная в великие и сурьиевые ее дни, подпольщиками, без всякой задней мысли, стала стяжательско-личной, аморальной, воровской, честолюбиво-строящейся. Социализм, коллективизация — это родная стихия молодежи, это как воздух для птицы, вода для рыб. А отсюда и новые качества в быту, в семейных взаимоотношениях детей и родителей, в браке, любви, отношениях к труду, — словом во всем, что мы, несколько хвастливые старого уклада жизни, называем «проблемами».

И вот то, что мы называем «проблемами», для молодежи совсем не является чем-то исключительным и особым. Например, жениться без какой-либо даже мысли об экономической самостоятельности, о будущем, о братской семье, приданом... разве это проблема? Это — жизнь. Поразы с родителями, если они, сколько ни уговаривали и наставляли в колхоз, все-таки не идут, — порвать с ними и не бояться, что останешься без куска хлеба, без «вылеза», как раньше, — разве это проблема? Нет. Землю в колхозе, рабочий скот инспектора в колхозе, сусеки, сорняки, лягушки — в колхозном, что же делает спасать счастья? Ни чего. И сын или дочь, не боясь, что останется «обделенным», изгнанным из дома, «пушечными на ветер», как часто когда-то бывало, рвет с родителями, рвет с избой. Экономическая цель, связывающая раньше семью, порвана. Каждый, маломальски способный к труду, чувствует себя независимым, самостоятельным.

Соревнование, в котором молодежь горячо участвует, чувство любви к колхозническому труду, бережливое отношение к общественному имуществу — это если посмотреть, годы молодежи этого времени. Это — это годы бунта. Ведь молодежь даже сама не отдает себе отчета, какие позитивные дела она делает. Она привыкла и виждь в эти великие дела. Я видел искренне горячего парня, который завербовал в красный обоз меньше на три до-мохозяин-единоличника, что его товарищ. Чего бы, казалось, оторваться? Его даже никого не напугало, не упрекнуло, в товарища никто не заглянул и не похвалил. Но у парня взглядело самоизбранное, социалистическое самодовольство.

Вот ряд таких новых фактов, извести социалистической жизни и быта, которые называются «проблемами», в царстве с половами других событий, где участвует молодежь рука об руку со взрослыми, и намерен развернуть в романе «Лапти».

Л. НИКУЛИН

Я взяла на себя сложный труд написать историю моего сверстника, «Историю молодого человека», юность и молодость которого прошли между двумя революциями: 1905 и 1917 годами.

Я хочу описать борьбу марксистов с народниками в ученических кружках и эпоху реформации, отодвинувшую на время для многих нас выбор единственно правильного материала для пропаганды. И в то же время в этом романе пройдет конец рождения 1917 года, воспитавший в советской школе, в советском быту — и в значительной степени освободившийся от тех элементов прошлогодних элементов мелкобуржуазного понимания культуры, которым до сих пор имеют некоторое влияние на психику нашего поколения. Этим романом «Время, пространство, движение» (он начнет скоро печататься) я постараюсь отвечать на поставленный мне «Сменой» вопрос.

МИХ. ГОЛОДНЫЙ

Работы над поэмой «История комсомола Днепропетровска». В ней я хочу показать, как создавались и крепли первые комсомольские ячейки. В позже особое место будет отведено первым рабочим кружкам Днепропетровска — «Труд и свет», «Маяк», «Кауф III интернационала», где выковывались и откуда выходили первые комсомольцы. Этую поэму сделала к 15-й годовщине комсомола.

Кроме того, в издательстве «Огонек» выходит книга стихов о гражданской войне. Книга, сделавшая по плану «Истории гражданской войны». Все стихи основаны на подлинном материале. В книге будут показаны героические моменты борьбы молодежи, комсомольцев за власть, свободу. Эти послужат нужным материалом для воспитания современной молодежи, которой надо знать все о погибших за революцию товарищах.

Ф. БЕРЕЗОВСКИЙ

Я опишу социалистический транспорт. Весьму период за 30 лет, железнодорожников этого времени и железнодорожников наших дней. Конечно большое место в этой книге уделено молодежи, воспитанию молодежи. Я трезво смотрю на жизнь и вижу в нашей молодежи многое отрицательное: покладистость, равнодушие. Но это не значит, что это случайное, переходное. Основное в нашей молодежи — ее энергия, жадность и работе, бодрость. Я считаю, что мы, старая партийная гвардия, мало-умели вниманием нашему молодому поколению. Этот дефект надо исправить.

Те чудеса, которые она делает, показывают ярче всего в Караганде, Магнитогорске, Кузбассе — везде молодежь достигла громадных успехов. И вот теперь я хочу показать ее в борьбе за социалистический транспорт.

Пишу повесть о молодежи. Сюжет таков: девушка в молодости приехала в город, потом вышла замуж в деревню, спустя несколько лет районом командирована его на работу в родную деревню. Парень приезжает домой и видит, что отец его стал кува-

П. К. ГОРБУНОВ

КНИГУ—В ДЕРЕВНЮ

ПЕРЕТРЯХНТЕ ВАШУ БИБЛИОТЕКУ.
ТРАНСПОРТАМИ КНИГ РАПОРТОВАТЬ VII КОНФЕРЕНЦИИ

Фото Беты

Я ШВЕДС

Опять я затрону старую проблему «отцов и детей», которую несколько раз по-своему пытались разрешить русские классики XIX столетия. Но подуму я о другом, другом стечении. Соседиши под котогор работают, такими же заводом работают отец с сыном. Отец—старый трудолюбивый рабочий, но полуграмотный. Сын—художник. Воспитать его отец не сумел. Начинает усовещивать сына, чтобы обрался к нему, стал дальним парнем—не помогает.

Сын попадает в комсомольскую ячейку. Ячейка современная, изменившаяся в результате генеральной изборательной кампании. Она сделала несколько личных пристосований к разным машинам. О нем заговорили на заводе так, что даже отца заставили визжа: «перегоняют, мол, молодые стариков».

В этой повести (название ей твердо еще не придумал) показано, что коллективное воспитание города сильнее индивидуального и что при правильном подходе к вопросу даже всяческого хулигана можно исправить и сделать полезным членом Советского союза.

М. СРЕТЛОВ

Сейчас несколько комсомольских писателей пишут произведения по истории комсомола. Я тоже задумал поэму на эту тему. В ней пока буду писать о комсомоле как о движении, начиняющем с зародыша комсомола до наших дней. Я буду писать о политической борьбе комсомола в гражданскую войну, работу на «мирном фронте», на заводе, в колхозе, пути развития, воспитания, роста. Останавливаться конкретно на деталях сюжета не буду потому, что в процессе работы возможно буду делать большие изменения.

Л. ПАВЛЕНКО

О молодежи хорошо напишет тот, кто сумеет написать о ней просто, скромно и мужественно.

Я наметил писать повесть «День партийной щеки» на материале большого производства. В значительной степени члены комсомола—о молодежи о комсомоле. Мне хочется показать ту замечательную мелкую будничную и в то же время гигантскую работу, которой создается то самое, что называется геройкой будней. Мне хочется показать, как день за днем крепнет и развивается наш молодняк.

Как именно будет построена повесть, какие там будут фабула и сюжет—я не знаю. Да если бы и знал, не стал бы рассказывать, так как рассказать это—все равно, что написать самую повесть. И даже труднее.

Лев Шведов

Председатель ОГИЗ Т. Токмаков отбирает для Дворца пионеров книги из своей библиотеки

Комсомольцы типографии «Крестьянской газеты» отбирают сданное книжное на пулкте сдачи

Лев типографии «Крестьянской газеты»—БЕНГТОУР за сбор книг для деревни

Под редакцией С. Глязера

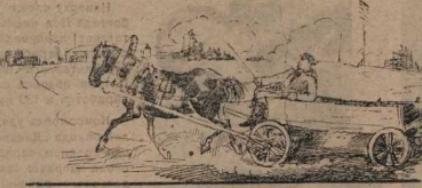
ИГРЫ ТЕХНИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

— ВОСЕМЬ ТОНН В ДЕНЬ

Вы были на постройке. А обратили ли вы внимание, что с транспортом строительных материалов дело обстоит очень неблагополучно? Даже самый простой вид транспортировки — на лошадях — в большинстве случаев организован неправильно.

В воронежской контро-Всесоюзной конторе т. Шамонин обратил внимание на то, что на постройке, находящейся в 250 метрах от железнодорожной станции, где разгружен кирпич, рабочий с лошадью успевал в день перевозить всего 8 тонн кирпича:

Рабочий-возник приехал к товарному дому, нагружал возок кирпичом и вез его на постройку и там его разгружали и порожнили возвращался за новой партией кирпича.

Такой способ транспортировки кирпича обходился постройке очень дорого.

Тов. Шамонин сделал предложение, дающее возможность сэкономить не одну тысячу.

Не сможете ли вы придумать, как упростить и рационализировать эту операцию?

В ПРОХОДНОЙ

Вы видели в проходной больших заводов и новостроек табельные доски. Это длинный ряд щитов с номерками, занимющий много места и крайне неудобный для наблюдения за ним одного избельщика.

8—10 щитов с табельными номерками у нас недорого, а вот проходных, в которых можно было бы их удобно разместить, мало.

Нельзя ли придумать такую конструкцию табельной доски, чтобы она занимала мало места?

ОПАСНОЕ ПРИСПОСОБЛЕНИЕ

На постройке Всесоюзной Тамбовской изобретатель т. Миронов обратил внимание на то, что внутренний подъемник для тачек с кирпичами, изображенный на рисунке, представляет собой довольно опасное сооружение.

При таком способе поднятия груза люк нижне не заделывается, не имеет барьеров, и потому представляет определенную опасность для работающего.

И изобретатель придумал конструкцию более совершенную, безопасную и дающую большую производительность. Присыпайте свои конструкции и предложения, улучшающие условия труда строителей при транспортировке строительных материалов.

Решение каких-либо задач жизниайте на этом! Их листьев, соприкасающихся с чертежами. Это узоры на рисунке тренируют по «специальности». О них мы уже писали в № 1 и № 2. В № 3 они будут переданы постом и статистом ЦСКССР о. Ізмайлове Юрию Константиновичу, который привез в Москву из Краснодара, где он работает, и представил им полную коллекцию. Будет рассматриваться также техническая и живая. Будет рассматриваться также техническая и живая.

Нередко наши художники, писатели, журналисты берутся за описание обстоятельств строительства, сопровождая это изложением сюжетов на поверхности. В итоге их работы получаются грубыми ошибками технического порядка.

Наш художник Л. Смехов собрал в «Лицо»

комиксишко «Инженерство», доска разнообразных ошибок в технических рисунках.

Задача — подать на мешок мере 30 несварностей. Ваша задача — указать, какие ошибки здесь допущены. Фамилии приславших наиболее полных перечень несварностей будут напечатаны.

Отв. редактор В. Вельмишин. Зав. ред. Я. Черняк. Оформление В. Бриккина. Издательство ЦК ВКП(б) «Правда», сектор «Комсомольская правда». Сдан в набор 11/VI подписан в печать 1/VII 32 г., 3 бич. листа.

Изд. 616

166.945 л. з. в бич. л.

Уполномоченный Главиздата № В-28097.

Типография газ. «Правда», Москва, Тверская, 48.

Зак. № 1598

Тираж 46.000

Внизу — слева и право — комсомольская бригада: Чугуевская литейно-литографическая фабрика им. Молотова — подписалась на 150 процентов месячного заработка каждого. Ударники колхоза Домэ «Домэ» подольского района, запаковали 10 г сварных планов для займа «4-го завершающего года пятилетия». Комсомолец-ударник тов. Мельхолд из колхозного цеха завода «Инам» под исходил на 275 рублей при зарплате 226 руб. в месяц.

КОМСОМОЛИЯ ВСТРЕЧАЕТ НОВЫЙ ЗАЕМ СТОПРОЦЕНТНОЙ ПОДПИСКОЙ

Наверху слева направо: комсомольская бригада Пол иницциального завода «Красный металлист» подписалась на 160 процентов месячного заработка. Комсомолец ударник сталелитейного цеха э/за «Динамо» тов. Петров подписался на 150 руб. при среднем заработке в 130 руб.

Комсомолка ударница цеха № 119 датель завода «Динамо» одолжилась на 90 р. при среднем заработке 45 р. В середине слова направо: колхозники Домодедова, Подольского района, коллективно просят отдать п/дписку. Комсомолец приемщик завода «Красный металлист» тов. Веронин поднялся на 300 руб. при зарплате в 260 р./б.

Пролетарская столица агитирует за 100-процентную подписку.

